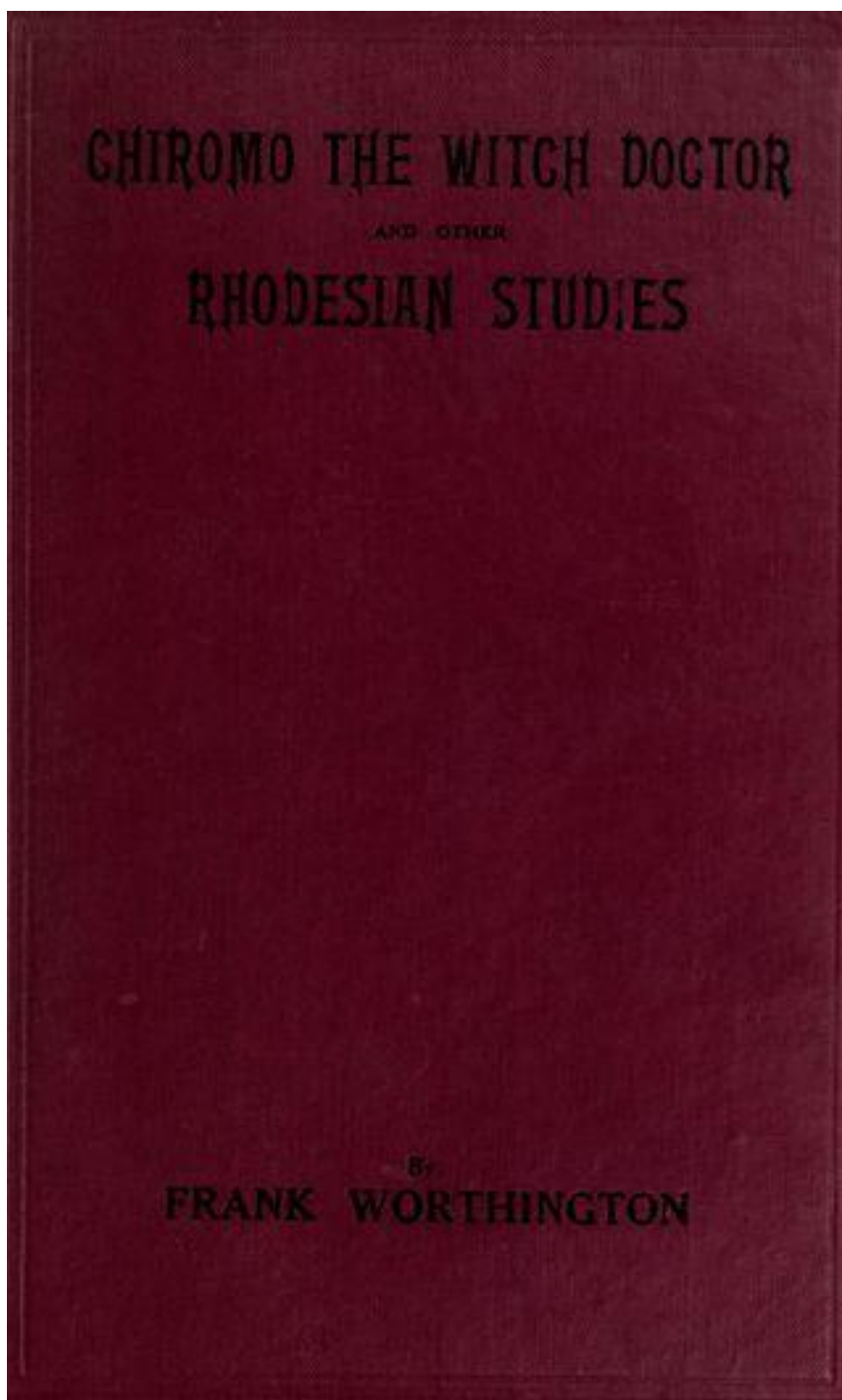

Знахарь-колдун и другие родезийские исследования

Фрэнк Уорthingтон

The Project Gutenberg eBook of The Witch Doctor and other Rhodesian Studies.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Знахарь-колдун и другие родезийские исследования

Автор: Фрэнк Уортингтон

Дата выхода: 13 января 2011 [eBook #34946]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Хантером Монро, Сюзанной Шелл и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE WITCH DOCTOR AND OTHER RHODESIAN STUDIES ***

Примечание переводчика

Очевидные опечатки исправлены. Орфография не стандартизирована (например, wagon/waggon) и не исправлена (beginnng). В конце абзацев, за которыми следует диалог, не добавлены закрытые кавычки. Название на обложке книги начинается с "Chiromo", в отличие от титульного листа.

ЗНАХАРЬ-КОЛДУН И ДРУГИЕ РОДЕЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФРЭНК СТОЯНГТОН, К.Б.Н.

(В последнее время секретарь по делам коренного населения Северной Родезии).

London:

THE FIELD PRESS LTD,

Windsor House, Bream's Buildings, E.C.4

Моей жене.

СОДЕРЖАНИЕ.

РАЗУМ ТУЗЕМЦА.

Колдун	3
Загадка жизни и смерти	25
Лесть	28
Lizizi	35
Миронда - женщина	46

ЧЕЛОВЕК И ЧУДОВИЩЕ.

Защитная окраска	57
Дарвин - птица	59
Шкура льва	67
Преподающий мистер Бампус	74
Капитан Армии спасения	81
Королевский спорт	86
Львы Макулулуми	94

БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ

Белые мужчины за игрой	105
О строительстве мостов	115
Законченный рыболов	120
Песня о великом событии	125
Спуск человека	132
Железнодорожный подрядчик	138
Лицензированный виктуалер	149
Джонни в последнее время	154
Потерянные рубины	160
Король скота	170
Партнеры	177
Письмо домой	194
Доктор	214

РАЗУМ ТУЗЕМЦА.

ЗНАХАРЬ.

I.

Суд туземного комиссара, с очень коротким перерывом на обед, заседал весь день. Погода была очень жаркой и грозовой, так как скоро должны были начаться дожди. Было рассмотрено несколько дел, и последнее подходило к концу. Выслушав аргументы обеих сторон, комиссар подвел итог, вынес решение и отпустил тяжущихся, после чего туземный клерк принялся собирать бумаги и раскладывать вещи.

Чиновник прикурил сигарету, надел шляпу и направился к двери. Его встретил главный посыльный.

"Еще одно дело, Морена", - [A] сказал посыльный, указывая на туземца средних лет, который сидел на корточках во дворе и тихонько хлопал в ладоши. Трудолюбивый белый человек приостановился; он думал о чае, который ждал его в бунгало в ста ярдах отсюда.

"Передайте этому человеку, чтобы он пришел завтра", - сказал он и пошел в сторону своего дома.

Главный посыльный повернулся к человеку, сидевшему во дворе, и сказал: "Морена не станет слушать вас сегодня, вы должны переночевать в доме, а завтра он вас выслушает".

"Но мое дело серьезное", - ответил незнакомец. "Отец своего народа обязательно выслушает мое дело".

Гонец указал на лагерь: "Все дела тяжелы в руках тех, кто их приносит, а соединение находится там".

Человек был явно огорчен. Повысив голос в надежде, что комиссар его услышит, он пронзительно закричал: "Ма-мы! Ма-мы! Но мое дело очень серьезное, это убийство людей; отец своего народа должен меня услышать. О! Морена, у меня есть дело, большое дело, дело об убийстве".

Но туземный комиссар уже дошел до своего дома и скрылся из виду, туземный клерк запер дверь конторы и, не обращая внимания на причитания человека, ушел. Если он и думал, то только о том, что на злобу дня, а злоба для него означала работу.

"Пойдем, отец, - сказал главный гонец, - я отправляюсь в лагерь, и ты со мной; завтра Морена рассмотрит твоё дело раньше всех остальных. Я, Мокоронго, прослежу за этим".

Но мужчину было не утешить. "Нет, - сказал он, - мое дело большое, о людях, убитых колдовством; я тоже умру сегодня ночью. Отвезите меня в Морену, отец мой; не отказывайтесь и не убивайте меня".

Посланник почувствовал себя неудобно. По какой-то причине, известной только ему самому, его хозяин не одобрял убийства людей, а также был настроен против колдовства. Ни один знахарь не мог долго практиковать в его округе, ибо разве его лекарство не было сильнее, чем у любого знахаря? Разве врачи не знали об этом и не переехали в более безопасное место? Кто же мог совершить это убийство с помощью колдовства? Да, это было серьезное дело, и он отвел человека к своему хозяину, но врываться в покой великого человека нужно осторожно, иначе будут неприятности.

Сказав незнакомцу идти с ним, он направился к дому, натягивая мундир спереди и сзади и нахлобучивая на голову феску - свидетельство некоторой нервозности. Подойдя к двери, он заглянул внутрь. В прихожей было прохладно и темно, и, заслоняясь от яркого света, он на мгновение ничего не разглядел; в следующий момент он почувствовал на себе взгляд комиссара и резко обернулся на резкое "Ну, Мокоронго, в чем дело?" своего хозяина.

Он начал хорошо: "Морена, вот человек, который убил другого и хочет рассказать об этом до захода солнца, когда он тоже умрет".

"Пусть этот человек подойдет к двери".

Для Мокоронго худшее было позади. Он безнаказанно потревожил великого человека; остальное будет легко. Он ловко усадил незнакомца на коврик перед дверью в зал, встал во весь рост и приготовился немедленно подчиниться приказам, которые мог отдать его хозяин.

Комиссар, который был хорошим лингвистом, обратился к сидящему прямо:

"Так вы убили человека?"

"Нет, Морена".

"И вы сами умрете сегодня ночью?"

"Нет, Морена".

К Мокоронго вернулось беспокойство; он слегка подвинулся и уставился в потолок.

"Расскажи мне свою историю".

"Морена, мое дело очень серьезное: это убийство - убийство людей, моего сына - колдовством. Вчера на закате он умер, и я тоже умру сегодня ночью, если Морена, отец своего народа, не сделает более сильное лекарство, сильнее, чем у колдуна..." Тут несчастный сделал паузу.

Комиссар задумчиво смотрел на стоящего перед ним человека; было очевидно, что туземец не осмелился упомянуть имя знахаря. Вскоре он поднялся, взял с бокового столика графин, налил себе виски и добавил содовой из бутылочки. Вернувшись на свое место, он глубоко выпил пузырящуюся жидкость.

На туземца это произвело большое впечатление. Насколько он знал, так пузырилась только кипящая вода; он знал об испытании кипятком и, несомненно, не раз видел, как его применяют. Но этот белый человек пил кипящую смесь с явным удовольствием. Значит, перед нами был главный из всех колдунов.

Он закончил фразу: "-Чиромо".

"Где он живет?"

Он подробно объяснил.

"В чем вы обвиняете Хиромо?"

"В убийстве моего сына с помощью колдовства".

"Продолжайте свой рассказ".

"У меня есть несколько коз. Мой сын пас их днем, а ночью загонял в деревню. У моего сына была черно-белая собака, которая каждый день ходила за ним в уголья. Два дня назад собака украла шкуру с кровати Хиромо. Хиромо увидел, как собака ест шкуру, и убил ее своим топором. Хиромо - злой человек: он злился на моего сына за то, что собака съела его шкуру. Он знал, что собака была собакой моего сына. Он пришел к моему сыну и сказал: "Я убил твою собаку, потому что твоя собака съела мою шкуру".

Мой сын очень испугался и сказал: "Да, господин".

Тогда Хиромо взял моего сына за ногу чуть выше колена, вот так, и сказал: "Ты чувствуешь боль здесь? Мой сын ответил: "Нет".

Тогда Хиромо сказал: "Завтра почувствуешь".

Затем Хиромо взял другое колено моего сына и сказал: "Ты чувствуешь боль здесь? Мой сын ответил: "Нет".

Затем Хиромо взял руку моего сына за локоть и сказал: "Ты чувствуешь боль здесь? Мой сын ответил: "Нет".

"Затем Хиромо коснулся другой руки и спросил моего сына, чувствует ли он там боль. Мой сын ответил, что нет. Он также коснулся его шеи сзади и спросил, чувствует ли он там боль. Мой сын ответил, что не чувствует боли.

Тогда Хиромо сказал: "Завтра ты будешь чувствовать сильную боль в двух ногах, двух руках и шее".

"Тогда Хиромо вернулся в свою хижину, а мой сын, который был очень напуган, пришел и рассказал мне, что сказал ему Хиромо, и я тоже испугался, потому что Хиромо - великий врач. Тогда я пошел в свою хижину спать, а мой сын пошел в свою хижину.

"Утром, когда я поднялся, козы все еще были в деревне, и я рассердился на своего сына за то, что он не отвел их в уголья. Я позвала его, но он не ответил. Я пошел к нему в хижину и застал его очень жестким. Он сказал мне, что Хиромо убил его; что у него сильно болят руки, ноги и шея, и он не может пошевелиться. Я попытался поднять его, но он закричал от боли. На закате он умер. О, Морена, Хиромо убил моего сына. Моего сына, который пас моих коз. И сегодня ночью я сама умру. Хиромо действительно великий врач. Мое дело очень серьезное. Дело об убийстве людей с помощью колдовства. Я тоже..."

Туземный комиссар прервал его. "Хватит, теперь вы можете идти в комплекс, где вы будете спать этой ночью; вы не умрете, потому что я должен поговорить с вами еще раз".

Мужчина хлопнул в ладоши, несколько раз приложился лбом к полу, похлопал себя по груди, поднялся и удалился, восхваляя туземного комиссара, как это принято:

"Великий вождь".

"Отец своего народа".

"Великий врач".

"Сэр, моя наилучшая благодарность".

"Вождь нашей страны".

"Лев, великий слон, вождь".

Главный посыльный тоже собирался уйти, но комиссар остановил его.

"Мокоронго, ты должен пойти и арестовать Хиромо".

"Завтра?"

"Ночью".

"Его деревня далеко, а солнце уже садится".

"Ты доберешься туда до утра и приведешь с собой Хиромо".

"Сколько человек пойдет со мной?"

"Ты пойдешь один".

Посланник был очень напуган. Он облизывал пересохшие губы, шаркал ногами, взгляд его блуждал от потолка к полу и по залу, в котором сидел комиссар.

"Мокоронго".

"Морена".

"Вы боитесь".

"Я боюсь, Морена".

"Очень боюсь".

"Морена".

"Почему?"

"Разве Хиромо не врач?"

"А что с того?"

"Я всего лишь человек, ваш слуга".

"Да, мой слуга. Тогда почему ты боишься?"

"Морена".

И снова глаза несчастного смотрели в любую сторону, только не на своего хозяина.

"Мокоронго".

"Морена".

"Вы готовы начать? Уже поздно".

"Да, уже поздно, солнце садится".

"Ты готов?"

Мокоронго ничего не ответил: теперь он был очень напуган. В обычной жизни этот простой туземец был полон отваги, он пошел бы за своим хозяином куда угодно; они не раз оказывались вместе в тесном углу, и он великолепно проявлял себя. Но тут рядом оказался его хозяин, в которого он беззаветно верил. Пойти в одиночку арестовывать знахаря - совсем

другое дело. Не убил ли доктор мальчика странным образом? Нет, это было слишком сложное дело, чтобы требовать его от человека в одиночку, да еще ночью.

Комиссар подошел к письменному столу и взял с него тяжелое пресс-папье, которое передал Мокоронго.

"Возьми это с собой, оно защитит тебя от Хиромо, ибо оно мое".

Посланник был удовлетворен; он положил гирю в тунику и повернулся, чтобы уйти.

"Остановитесь, - сказал комиссар, - каковы ваши планы?"

Мокоронго обладал быстрым умом: он без колебаний изложил свой план.

"Я поговорю немного с незнакомцем, и он расскажет мне о Хиромо: есть ли у него борода или нет; очень ли он стар или не очень; толстый или худой; какая у него набедренная повязка или носит ли он кожу".

"Хорошо, а дальше?"

"Я отправлюсь в деревню, до которой доберусь до утра. В кустах я спрячу свою форму. Возле деревни я буду ждать. Утром Хиромо выйдет из своей хижины. Весь день я буду наблюдать, а когда люди пообедают и уснут, я арестую Хиромо".

"Как?"

"Я пойду к его хижине и позову его, сказав, что я путник из Сиджобы, направляющийся в Катору. Что солнце село, и я прошу приюта. Я скажу ему, что у меня есть немного мяса бакса, которого я нашел мертвым у тропы. Тогда Хиромо откроет дверь своей хижины, и я свяжу его. И он пойдет со мной, потому что я в форме, и люди не будут препятствовать мне из-за моей формы".

"Хорошо, возьми наручники. Но есть одна вещь, которую вы забыли. Ты должен принести в корзине все лекарства Хиромо".

"Я принесу лекарства", - ответил гонец, хватаясь за пресс-папье, которое выпирало у него из-под туники.

"Иди спокойно", - сказал хозяин.

"Покойся с миром", - ответил тот.

Комиссар смотрел вслед удаляющейся фигуре. В его размашистой походке чувствовались уверенность в себе и мужество. Мокоронго успешно выполнит все, что от него требуется.

II.

Занимался рассвет. Всю ночь шел дождь, и земля была очень мокрой. Когда выпадает первый дождь, земля медленно впитывает его. Повсюду образуются маленькие лужицы, а маленькие ручейки, увеличиваясь в объеме, соединяясь с другими, превращаются в небольшие озера или стремительные потоки, в зависимости от рельефа местности.

Мокоронго было не по себе. Он проделал долгий путь ночью и много раз спотыкался в темноте. Кроме того, он промок до нитки и очень замерз. Его утешало пресс-папье, которое поддерживало его мужество на протяжении всего долгого пути. Он вспомнил крик гиены, раздавшийся в полночь неподалеку от тропы, от которого его рука схватилась за пресс-

папье. Затем какой-то большой темный предмет зашевелился рядом с ним и унесся прочь, продираясь сквозь кустарник. Сердце Мокоронго заколотилось в такт ударам тяжелых копыт.

Однако наступил рассвет, и его талисман оказался надежным щитом и защитой.

Гонец снял промокшую тунику и накинул ее на плечи, чтобы укрыться от ветра, который всегда предвещает наступление дня. Он положил пресс-папье в рубашку и, застегнув пояс, снова сел на пятки, чтобы наблюдать за деревней.

Вскоре во дворе одной из хижин появился дым, затем из другой. Из низкого дверного проема вышел человек, потянулся и зевнул. Залаяла собака, залаял скот, закудахтали птицы - день наступил.

Он удачно выбрал свой наблюдательный пункт. Перед ним в ложбине лежала деревня. Позади него - заросли густого кустарника. Слева от него тянулась тропа к возделанным землям и к следующей деревне. Справа от него простиралась пересеченная местность, пригодная лишь для обитания бабуинов и других зверей: вряд ли его побеспокоят с этой или какой-либо другой стороны.

Вскоре в деревне появились признаки полноценной жизни. Когда выглянуло солнце, Мокоронго разделся и разложил свои тунику, рубашку и набедренную повязку сушиться, а пресс-папье и наручники положил на небольшой пучок короткой травы, которая была сравнительно сухой.

По мере того как солнце ползло по небу, спина Мокоронго согревалась, и он чувствовал себя комфортнее. До полудня он наблюдал за тем, как приходят и уходят мужчины, женщины и дети. Он без труда узнал Хиромо. Отец погибшего мальчика подробно описал знахаря, но даже без этого описания он бы его узнал. Он был толст и выглядел преуспевающим; к его волосам были привязаны полдюжины надутых желчных пузырей мелких млекопитающих. В мочках ушей он носил чили - верный признак того, что он убил льва или человека.

Его хижина тоже была больше остальных и стояла немного в стороне. Да, это точно был Хиромо; разве не носил он на шнурке вокруг талии шкуру черной кошки-ципа? И разве не сказал вчерашний носитель дела: "У Хиромо шкура черного ципа?"

Да, Мокоронго был уверен в своем человеке, и, поскольку солнце уже припекало, он собрал свои вещи и отнес их в тень зарослей, где устроился на ночлег.

На закате он проснулся. Его мучили голод и жажда, но, поскольку не было возможности удовлетворить ни то, ни другое, он переключился на предстоящую работу.

Он прокрался обратно на свой прежний пост. Скот загоняли в крааль, козы уже улеглись на ночлег, женщины готовили вечернюю трапезу.

Мокоронго надел тунику, набедренную повязку и застегнул пояс. Он надел феску и спрятал пресс-папье в тунику. Затем он убедился, что наручники защелкнулись, как положено, и никакие потуги не смогут их открыть; сбросив, он положил ключ в маленький мешочек, прикрепленный к поясу.

В Африке почти не бывает сумерек. Вскоре после захода солнца наступает темнота. Он разглядел костер Хиромо и в его отблесках - Хиромо, сидящего на низком табурете.

Вскоре до него донеслись ночные звуки. Кто-то бил в барабан в далекой деревне. Далеко в долине залаял шакал. Что-то зашуршало в кустах неподалеку. Лягушки завели свой

пронзительный хор. Собака в деревне начала выть, но остановилась, когда какая-то женщина бросила в нее палкой.

Через некоторое время костры догорели, наступила тишина, и Мокоронго решил, что настало время действовать.

Он спустился с возвышенности и обогнул деревню, пока не вышел на тропу, ведущую из Сиджобы. Затем он повернулся и смело зашагал к скоплению хижин. Собаки начали громко лаять, но сейчас это было неважно: разве он не чужак, идущий из Сиджобы в Катору?

Он дошел до хижины Хиромо. Дверь была закрыта. Мокоронго постучал.

"Кто там?"

"Незнакомец, путешествующий из Сиджобы в Катору".

"Уже поздно, что тебе нужно?"

"Да, уже поздно. Я прошу приюта на ночь. Мне повезло, потому что я нашел мясо и прошу приюта у друга".

В хижине поднялась суматоха, и слово "мясо" повторилось несколько раз.

Мокоронго стоял наготове с раскрытыми наручниками. Неужели этот человек так и не выйдет? Тем временем обитатели соседних хижин тоже зашевелились, открывая двери. Свидетелей ареста Хиромо должно было быть много.

Наконец дверь хижины отворилась, рука ухватила за дверной косяк, и показалась шерстистая голова. Быстро, как молния, Мокоронго схватил правое запястье Хиромо и защелкнул замок наручника. Схватив черную голову, он вытащил из дверного проема ошеломленного Хиромо и, прежде чем знахарь успел оправиться от удивления, закрепил и его левую руку.

Мокоронго отступил назад и осмотрел своего пленника.

Хиромо ничего не сказал, но взгляд его заставил руку Мокоронго метнуться к пресс-папье. Деревня вздрогнула, прибежали люди, но, увидев властную форму, замерли.

Мокоронго снова стал самим собой. "Что это?" - спросил Хиромо.

"Морена зовет тебя".

"Зачем?"

"Откуда мне знать мысли Морены?"

"Опусти мои руки, и тогда тебе не поздоровится".

Мокоронго ничего не ответил.

"Слушай", - сказал Хиромо.

Мокоронго прислушался и услышал смех гиены.

"Это, - сказал Хиромо, - дух".

Мокоронго сжал свое пресс-папье: "Это зверь, а лекарство моего хозяина сильно".

Хиромо оглядел круг односельчан; он не видел их глаз, но чувствовал, что помощи от них ждать не приходится: они не встанут между ним и правительственным человеком.

Хиромо попробовал еще раз.

"В моей хижине есть много денег белых людей и пистолет - все это ваше, если вы развяжете мне руки; кроме того, железо причиняет мне боль, а Морена приказал не причинять никому вреда".

Упоминание о деньгах и пистолете напомнило Мокоронго о лекарстве.

"Заходи, - сказал он, подталкивая к себе Хиромо.

Хорошо, что у Мокоронго было пресс-папье, чтобы поддержать его мужество.

III.

В круглом очаге посреди пола тлел огонь, но свет от него был настолько тусклым, что ничего больше не было видно. Мокоронго, ловко встав на колени, собрал несгоревшие палки и дунул на кучу; внезапность вспыхнувшего пламени поразила его. Затем он поднялся и оглядел хижину.

Хиромо отошел к своей кровати и теперь сидел, наблюдая за происходящим.

Почерневшие стены были обильно украшены грубыми рисунками людей и зверей, выполненными светлой глиной, а кое-где и узорами, подобными тем, что можно увидеть на примитивных глиняных сосудах. С крыши, подвешенный на плетеной коре, свисал человеческий череп. Мокоронго в свое время видел много человеческих черепов, но в таком месте эта жуткая человеческая реликвия его немного нервировала. Череп слегка вращался от потока воздуха, проникавшего в открытую дверь, и призрачные глаза, казалось, смотрели из пустых глазниц сначала на одного человека, потом на другого, как будто безжизненное существо проявляло живой интерес к происходящему.

Мокоронго сделал вид, что почесывается; на самом деле он перекладывал пресс-папье, пока оно не легло под левую руку. В таком положении он мог незаметно прижать его к себе. Облегчение, которое оно приносило, было большим и продолжительным.

С прищепки в стене свисала мумифицированная масса, подозрительно похожая на внутренности; человек это или нет, посланник не стал раздумывать. Из-под соломы торчали лишенные плоти предплечье и кисть руки ребенка; пальцы были растопырены, как при хватании. На полу лежала грудка заплесневелых шкур, а рядом с ней - небольшая кучка мертвых хамелеонов; один из них, более недавно убитый, чем остальные, вносил щедрую лепту в дурной запах, пропитавший хижину. Чуть выше этой кучи находилось скопление черных и красных долгоносиков размером с мышь; они свисали с пера дикобраза, каждый из которых был привязан к нему тонкой нитью скрученного сухожилия. Бесцельные движения лапок свидетельствовали о том, что некоторые из насекомых еще живы. Тут и там у стены стояли тыквы и горшки, наполненные, без сомнения, странными тошнотворными смесями, сваренными знахарем для своих злых целей.

Изношенная одежда и грязные тряпки висели на колышках, вбитых в солому, где крыша хижины упиралась в глинобитную стену. На полу у подножия кровати лежала кровоточащая голова и склизкая шкура свежеебитого козла. Чуть дальше стояла большая корзина, неплотно прикрытая шкурой леопарда; Мокоронго мысленно отметил это.

Если Хиромо ожидал, что его охранник проявит хоть какие-то признаки страха, то его ждало разочарование. Мокоронго придвинул к себе небольшой табурет и сел; за исключением кровати, это была единственная мебель в хижине.

Первым заговорил знахарь:

"Ружье твое, отец, и деньги, когда ты развяжешь мне руки, чтобы я мог достать их для тебя".

"У меня в деревне есть два ружья, - ответил посланник, - и еще у меня много денег, потому что, поскольку я слуга правительства, я не плачу налогов".

"Может ли человек иметь слишком много денег или слишком много оружия?"

"Не могу сказать; но что касается меня, то у меня их достаточно".

"Сколько у тебя жен?" - спросил Хиромо.

Посланник не ответил. Такие разговоры его не волновали. Это был простой африканец, единственным желанием которого было угодить своему хозяину; он был защищен от подкупа в любой форме.

Хиромо попробовал применить другую тактику.

"Вчера, говорят, я убил человека с помощью чар. Говорят также, что многие люди умерли от яда. Говорят, люди заболевают, когда я думаю о них в гневе. Вполне возможно, что твой хозяин заболел, потому что мой гнев силен на него и поднимается против его слуги, который связал меня".

Мокоронго обнял талисман, но ничего не ответил. Он посмотрел на череп, который в этот момент качнулся в его сторону, затем на руку, которая в мерцании света костра, казалось, протянулась, чтобы схватить его. Он посмотрел на хамелеонов и сплюнул на пол, почувствовав исходящее от них зловоние; затем его внимание привлекло бесцельное махание лапок долгоносиков, а потом его взгляд остановился на корзине, накрытой шкурой леопарда.

Хиромо собирался заговорить снова, но Мокоронго, вскочив на ноги, прервал его. Его хозяин сказал: "Возьми с собой Хиромо и принеси его лекарства". В корзине должны быть эти лекарства; кроме того, перспектива слушать Хиромо до утра, сидя среди его дурных свойств, была невыносимой. Он чувствовал бы себя спокойнее, если бы шел ночью, хотя было так темно и холодно.

Он подошел к двери и позвонил. Ответа не последовало. В деревне было много людей, но они испытывали настоящий страх перед тем, что может сделать знахарь. Все попрятались по своим хижинам. Он позвал снова, уже от имени правительства, но никто не пришел.

Тогда он крикнул, чтобы услышала вся деревня: "Я веду Хиромо к нашему вождю. Принесите веревку, чтобы я мог связать его и вести всю ночь".

Вскоре появилась женщина, неся в руках крепкую веревку, какую все туземцы используют для ловли антилоп. Она протянула ее Мокоронго, сообщив, что это ее сын, которого убил Хиромо. Она не сказала, что его убили, и не назвала имя Хиромо - она не осмелилась этого сделать, - но сказала, что перед рассветом ее сын был похоронен.

Мокоронго завязал на веревке узел и пропустил ее над головой Хиромо. Резкий рывок, сопровождаемый требовательным "Встать!", быстро поднял Хиромо на ноги.

Последовательно указывая на ужасы, свисающие с крыши и стен, он сказал: "Положите в корзину это, это и это".

Хиромо заколебался, но лишь на мгновение: затягивающаяся веревка на шее - неприятное ощущение. Закованными в кандалы руками он подхватил каждую отвратительную вещь и бросил ее в корзину.

"Принесите корзину, - приказал Мокоронго и двинулся к двери. На улице, в черной ночи, с пресс-папье под мышкой, к посланнику вернулись все его мужество и чувство власти.

"Пусть все свидетели этого большого дела быстро следуют в суд; таков приказ вождя и закон правительства".

Затем, помогая Хиромо обхватить корзину руками, он зашагал по тропинке, ведущей из деревни, а его пленник, надежно скованный наручниками и с веревкой на шее, покорно следовал за ним.

IV.

Свидетелей было много - всех возрастов и обоих полов. Дело обещало стать знаменитым, поэтому из окрестных деревень приехали родственники и друзья, чтобы присутствовать на нем. Люди ехали медленно, поэтому прибыли они уже поздно вечером.

Туземный комиссар решил выслушать показания на следующий день, поэтому людям было велено разбить лагерь у реки на ночь. Хиромо должен был оставаться в камере, куда его днем раньше привел гонец.

Мокоронго был очень доволен. По прибытии он представился хозяину, вернул пресс-папье, сообщил об аресте Чиромо и передал корзину с лекарствами. Он бы рассказал свою историю там и тогда, но комиссар, который был занят, отпустил его со словами: "Хорошо, а теперь иди, поешь и поспи. Вернетесь на закате и все мне расскажете. Свидетелей я выслушаю завтра".

Но, конечно, Мокоронго не спал. Он чувствовал себя героем, и так считали его товарищи и другие посланники. Он рассказывал о своих приключениях всем, кто хотел слушать, а таких было немало. В тот день никто из местных жителей на станции почти не работал.

После долгих рассказов история улучшилась почти до неузнаваемости. Например, седьмая аудитория была в восторге от пересказа угрожающих слов, обращенных к нему черепом; шерсть вставала дыбом, когда описывались попытки лишенной плоти руки схватить талисман хозяина; храбрые слова, которые Мокоронго адресовал корзине с лекарствами, когда та проявила желание сбежать через дверь, вызвали возгласы восхищения; по слушателям пробежала дрожь, когда он повторил рассказ мертвых хамелеонов о том, как они когда-то были людьми, пока их не превратил и не убил тот самый плохой человек, который сейчас находится под арестом.

Повествование прервал один из мальчиков-домовиков: "Тебя вызывают", - прозвучал отрывистый приказ, означавший, что его хозяин желает видеть Мокоронго.

Под влиянием щедрого восхищения своих товарищей Мокоронго дал волю своему воображению. Его рассказ стал захватывающим; но теперь, под холодным взглядом хозяина, фантазия улетучилась, и рассказ посланника соответствовал формуле суда - правда, вся правда и ничего, кроме правды.

Как Хиромо провел ночь, сказать, конечно, нельзя. Возможно, он потратил время на подготовку своей защиты; гораздо более вероятно, что он просто спал.

V.

К слушанию дела все было готово. На веранде Дома суда был установлен стол комиссара. На нем красовалось пресс-папье. На земле перед ним стояла корзина знахаря с крышкой из шкуры леопарда. Справа сидел Хиромо; он все еще был в наручниках, но без веревки на шее. Рядом с ним стоял Мокоронго. Сразу же за ними расположились остальные посыльные, прикрепленные к станции. Они вместе с зданием суда образовывали две стороны квадрата: фигуру дополняла толпа свидетелей, сидевших на земле.

Вскоре комиссар увидел, что к нему приближается по дорожке, ведущей от его дома. Люди начали хлопать в ладоши, что в некоторых частях Африки является местным способом выражения уважения. Когда комиссар появился на веранде, посланцы отсалютовали ему, подняв правые руки над головой и произнеся "Морена".

Комиссар кивнул в знак признательности, люди перестали хлопать, наступила мертвая тишина.

Белый человек посмотрел через стол на знахаря. Некоторое время он ничего не говорил. Хиромо моргнул и отвел взгляд. Подняв глаза и обнаружив, что этот неприятно пристальный взгляд по-прежнему устремлен на него, он снова быстро отвел взгляд.

"Отстегните наручники, - приказал комиссар. Мокоронго достал из чехла на поясе ключ и освободил руки знахаря.

Обращаясь к Чиромо, чиновник спросил: "Правда ли, что вы убиваете людей?"

"Это неправда", - ответил Хиромо.

"Можете ли вы убивать людей с помощью чар и лекарств?"

Хиромо ответил, что нет.

"Это твоя корзина?"

"Да, это моя корзина".

"Что в корзине?"

"Я не знаю".

"А вещи в корзине не твои?"

"Нет, они принадлежат твоему посыльному, он положил их в мою корзину".

Мокоронго был возмущен этой ложью. Свидетели тоже были поражены наглостью Хиромо. Но ни один не заговорил.

"Вынимайте вещи из корзины по одной и кладите их на землю перед собой".

Колдун без колебаний начал делать то, что ему приказали. Череп, рука, долгоносики размером с мышь, хамелеоны, несвежие отбросы - все это Мокоронго видел в хижине, но были и другие вещи, которых он не видел. Ожерелье из человеческих зубов, еще одно - из рогов антилопы, еще одно - из черепов крыс. За ними следовали панцирь очень маленькой

черепахи, рог кустарникового гребня с пастой красноватого цвета, четыре диска из слоновой кости со странной резьбой, известные как "кости знахаря", маленький кусочек зазеркалья, дюжина или больше маленьких свертков, завязанных в обрывки тряпок, кусок красной глины, кусок змеиной кожи, несколько гильз, заткнувших кусками дерева, высушенная на солнце лапа обезьяны, клювы нескольких птиц, шарик-другой перьев, еще один набор "костей", маленький нож в деревянных ножнах, маленькая тыква, усыпанная бисером, несколько амулетов разных размеров и форм для ношения на шее или запястье. Было еще много всякого хлама, который по знаку хозяина Мокоронго высыпал на землю.

Под руководством комиссара вещи Хиромо были разделены на две кучи. В одну кучу попали череп, рука, внутренности и все остальное, что было в единственном экземпляре. Хамелеоны и все остальное, чего было больше одного, были аккуратно разделены: половину положили на одну кучу, а остальное - на другую.

"Ни одна из этих вещей не ваша?" - спросил комиссар.

"Ни одна, кроме шкуры леопарда", - ответил Хиромо.

"Эти мне понадобятся позже, - сказал комиссар, указывая на большую кучу, - а остальные ты сожжешь".

Колдун собрал немного сухой травы, несколько веток и несколько больших палок. Комиссар достал коробок спичек. Мокоронго поджег траву. Ветки потрескивали, палки загорались и ярко горели.

"Положите эти вещи на огонь, - сказал комиссар, указывая на меньшую из двух куч.

Хиромо сделал паузу и как-то странно оглядел свидетелей. Когда его глаза отыскивали каждого из свидетелей, стоявших против него, его личность давала о себе знать. Мужчины вздрогнули, женщины закрыли лица, а дети громко заплакали. Колдун внезапно указал на небо, затем на землю, а потом на свидетелей. Взяв в руки хамелеона, он подвесил его над пламенем; он не бросил его в огонь, но оглянулся вокруг со злобной ухмылкой. Свидетели не выдержали и бросились бежать со всех ног. Сейчас должно было произойти нечто ужасное. Когда врачи участвовали в испытании силы, обычным людям лучше было не мешать. Одни только посланники стояли на месте. Они не сводили глаз с Мокоронго, который, в свою очередь, наблюдал за комиссаром.

"Приведите старосту, - прогрохотал комиссар, - вас будет двое, - и все гонцы отправились в путь.

Старосту деревни, в которой жил Хиромо, быстро привели, и он стоял, закрыв глаза руками.

"Теперь продолжайте сжигание", - приказал комиссар.

Властный тон был безошибочным, и Хиромо без лишних слов подчинился.

Один за другим в огонь опускались лекарства, шейные платки, амулеты и прочий мусор. Через некоторое время староста убрал руки от лица. Было очевидно, что белый мужчина был более сильным врачом из них двоих. Хиромо выглядел очень плохо, это правда, но он ничего не мог сделать. Один за другим свидетели отползали назад и занимали свои места.

Затем комиссар послал за одним из своих домашних мальчиков и негромко отдал ему распоряжение. Вскоре мальчик вернулся, неся в руках ковровую тапочку.

"Держите Хиромо на земле лицом вниз", - приказал комиссар. Посыльные повиновались. "А теперь, Мокоронго, побей его".

И Мокоронго сделал это, как мать наказывает своего ребенка, но гораздо сильнее.

Хиромо завизжал, громко обещая никогда больше не обижать его. Потом кто-то засмеялся, потом еще и еще; в конце концов смеялись все, кроме Хиромо, и даже комиссар улыбнулся: Мокоронго перестал бить и тоже засмеялся.

Посланцы отпустили Хиромо, и он встал, потирая определенную часть своего тела. Все снова засмеялись.

Смех над человеком убивает веру в него. Заклятие было снято. С того дня этот знахарь, некогда обладавший силой гипнотического внушения, стал таким же, как все.

"А теперь, - сказал комиссар, - мы слушаем показания".

После этого началось предварительное слушание по делу "Рекс против Хиромо".

ЗАГАДКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

Из множества диковинок, которые я приобрел за двадцать пять лет проживания в Африке, есть одна, которой я дорожу больше других. Я купил его за несколько недель до отъезда из страны. Это круглый деревянный горшок с крышкой. На крышке - сидящая фигура маленького старика со сгорбленными плечами, подбородком, опирающимся на две руки, локтями на коленях. На грубо вырезанном лице - выражение легкого веселья; случайно или намеренно - сказать не могу. На одной стороне горшка рельефно изображена змея, на другой - черепаха.

Я купил этот горшок у очень старого туземца. Он был так стар, что его скудные волосы были совсем белыми, а глаза очень тусклыми. Должно быть, когда-то он был довольно красивым человеком, но теперь его тусклая, серовато-черная кожа складками облегла его исхудалую фигуру. Я заплатил старику скромную цену, которую он назвал, и спросил его о значении фигур на крышке и боках горшка.

Ниже приводится его объяснение, данное короткими, отрывистыми фразами, переведенными на английский настолько буквально, насколько позволяет наш язык:

"Да, это было очень давно. Так давно, что ни один белый человек тогда еще не пришел в эту страну. Это было до дня моего отца. И даже до его отца. Оба умерли стариками. Да, это было так давно, что только старики сейчас говорят о тех временах. Тогда люди не старели и не умирали. Тогда не было смерти; все люди жили, и жили счастливо.

"Однажды все это изменилось. Бог разгневался - это Бог на крышке кастрюли. Каких глупостей наделали люди, чтобы разгневать Бога, я не знаю. Наверное, он был очень зол. В гневе Бог послал к людям своего посланника смерти. Он послал своего вестника - змею. Тогда люди стали умирать - это и есть змея на боку горшка.

"Так много людей умерло, что все испугались. Они думали, что скоро все умрут. В страхе они воззвали к Богу. Они просили прощения за свой глупый поступок, каким бы он ни был. Они

пообещали, что больше не будут гневить Его. Они умоляли его отозвать своего посланника, змея.

"Через некоторое время Бог согласился. Он сказал, что отзовет своего посланника, змея. Он пошлет другого посланника - это второй посланник по другую сторону горшка. Бог послал черепаху, чтобы она отозвала змею".

Старик сделал паузу и ненадолго задумался, а затем продолжил:

"Когда я был молодым человеком, я думал, что, возможно, черепаха обгонит змею, что когда-нибудь она передаст Божье послание. Теперь я старик. Я не думаю, что черепаха когда-нибудь обгонит змею - по крайней мере, не в мое время".

Он говорил все это без малейших эмоций. Казалось, он был слишком большим философом, чтобы предаваться столь бесполезному занятию, как жалость к себе.

"Вы убиваете змей, когда видите их?" спросил я.

"Нет", - ответил он. "С какой стати? Но я убиваю черепах. Черепаха очень ленива. Она так медленно бежит со своим посланием. Кроме того, черепаха - хорошее мясо".

Рассказав свою историю и набив цену за свой горшок, старик болезненно поднялся и зашагал прочь. Сразу за воротами моего дома он остановился и злобно ткнул пальцем во что-то в траве.

Положив на плечо свой ассегай, он прошел дальше, а на его лезвие была насажена извивающаяся черепаха.

ФЛАТТЕРИ.

I.

Роберт Грегори гордился своим домом. Один колониальный епископ, проезжая мимо по пути в Англию, остановился у Грегори; в своем письме с хлебом и маслом он написал:

"... Я считаю ваш дом самым красивым и уникальным в Центральной Африке....".

Возможно, он и был уникальным, но вряд ли красивым.

По сути, это было обычное бунгало, примеры которого можно встретить по всей Африке. По размерам оно было очень скромным, имело только холл, столовую с одной стороны и спальню с другой. Кроме того, здесь имелись различные пристройки, которые местные жители называли "навесами". Одна из них была кладовой, другая - кладовкой, третья - ванной и так далее. Нет, должно быть, епископ имел в виду внутреннее убранство.

Грегори надеялся жениться, когда в следующий раз поедет в Англию. Во время своего последнего визита в старую страну, когда он был в отпуске, он обручился.

Женщина, которую он выбрал, однажды заметила ему: "Я надеюсь, что у вас есть кучи и кучи диких винок".

По возвращении в Африку Грегори начал собирать диковинки, и теперь у него их было действительно "кучи и кучи". Видите ли, у него были свои оправдания.

На стенах зала висели трофеи - ассегаи и щиты. Эти трофеи были расставлены в соответствии с принятой в оружейном деле манерой: в центре - щит, от него во все стороны расходятся лезвия ассегаев.

По бокам от главного трофея располагались меньшие трофеи, состоящие из боевых топоров, расположенных группами по два или три. Эти боевые топоры выглядели убийственно. Головки некоторых из них имели форму полумесяца, другие представляли собой просто клинья из металла.

В промежутках между ними лежали разнообразные ножи, примечательные прежде всего своими ножнами причудливой формы и резьбы. Вокруг стены был сделан дадо из стрел, направленных вниз головой к полу. Их дополняли луки, закрепленные горизонтально на стене; они как бы завершали дадо.

С двух других сторон место стрел заняли старинные ружья разных марок и эпох. Здесь были кремневые замки, мушкеты Тауэра, португальские, французские и немецкие гладкоствольные ружья, которые местные владельцы украшали лентами из полированной меди вокруг ствола и гвоздями с латунными головками, вбитыми в ложе.

На полке, опоясывающей зал на высоте нескольких футов от потолка, стояли образцы туземной керамики. Некоторые из них были сильно раскрашены, другие - тускло-красные. На всех были нацарапаны любопытные узоры, сделанные до обжига, а на большинстве - следы обжига и другие свидетельства того, что их изготовители не обладали достаточным мастерством гончара. Однако формы были приятными.

В столовой собралась разнообразная коллекция. Главными предметами были музыкальные инструменты, в основном гармошки, - полосы твердого дерева, подвешенные к тыквам разных размеров. В старые добрые времена вместо тыкв использовались человеческие черепа. Но было и много других, как струнных, так и духовых инструментов, а также несколько погремушек.

В этой же комнате находилась коллекция табакерок; почти все они представляли собой маленькие тыквы, отличавшиеся друг от друга декором. Некоторые были полностью покрыты разноцветными бусинами, прикрепленными хитроумно и в приятных узорах. Некоторые были опоясаны бусинами, что придавало им вид маленьких школьных глобусов. Другие были просто рельефно вырезаны, а некоторые украшены плетеной латунной, медной или железной проволокой. Все они были сделаны очень аккуратно.

Пространство между окном и дверью занимала уникальная коллекция ложек для табака. Почти все они были сделаны из блестящего металла. Туземцы используют их не только для приема нюхательного табака, но и для подготовки к приему табака и для восстановления сил после приема табака. Проще говоря, они используют их так же, как наши предки, принимавшие табак, использовали свои банданы. Есть у них и третье применение - соскабливание кожи в жаркий день.

Единственная причина, по которой у Грегори было так много этих мерзких маленьких орудий, заключалась в том, что они были так аккуратно сделаны и отличались таким разнообразием узоров.

На местах, обычно занятых картинами, висели образцы искусства местных ткачей - очень разноцветные ткани грубой фактуры. На полках над дверями и окнами его столовой стояли горшки, кружки, миски и тарелки из резного дерева. Узоры были похожи на те, что можно найти на ранней керамике, найденной в таком количестве и во многих местах по берегам Средиземного моря. На спинку почти каждого стула было накинуто одеяло из кожи кароса или , которое покрывало единственный диван.

В зале и столовой почти не было ничего европейского. Даже столы и стулья были местного производства и сделаны из деревенской древесины. Вместо ковров полы были застелены камышовыми и тростниковыми циновками, украшенными странными узорами из ярко окрашенной коры и волокон.

В одной только спальне не было ничего, кроме европейской мебели.

Коллекция, безусловно, была замечательной - я не пытаюсь составить ее полную опись, - и Грегори приложил немало усилий, чтобы расставить ее, как некоторые сказали бы, художественно.

Однажды пять туземцев принесли письмо, адресованное Грегори. Это было письмо от женщины, вождя в своем роде. В нем говорилось следующее:

Апрель.

Мой друг,

Я посылаю к тебе моего слугу Сиадиади и еще четырех человек. Поскольку я не могу прийти к тебе сама, я посылаю своих пятерых людей. Я много слышал о твоём прекрасном доме и хотел бы увидеть его. Поскольку я стар, я посылаю своих людей, чтобы они увидели его и сообщили мне о нем. Я прошу вас дать им возможность посмотреть его три дня, а на четвертый они вернутся ко мне.

Я здоров, и все мои люди здоровы, но скот болен. Надеюсь, вы здоровы.

На этом я должен закончить свое письмо с приветствиями.

Ваш верный друг,

Мована.

Написано переводчиком Якобом Мазуни.

Думаю, Григорий был доволен: во всяком случае, он разрешил посланникам осмотреть свой дом. Они пробыли там целых три дня. Он часто заставлял их в коридоре или в столовой, делающими мысленные заметки. Было очевидно, что на пятерых туземцев это произвело большое впечатление. Всякий раз, когда Грегори входил в дом, они приветствовали его и бесшумно выходили. Охранять дом от воровства не было смысла: нецивилизованные туземцы не воруют.

На четвертый день Сиадиади и его спутники поблагодарили Григория от имени своей хозяйки и ушли.

О, если бы нам дали какую-нибудь власть
Видеть урселов так, как видят нас другие!

Это было бы для нас ошибкой и глупостью.
И от глупых представлений.

II.

Спустя полгода Грегори, путешествуя по крайним пределам своего округа, оказался в непосредственной близости от деревни, в которой жила та самая вождь, что с таким любопытством осматривала его дом. Ему захотелось отправиться в путь, чтобы увидеть ее. Когда он отдыхал в полдень, один из туземцев принес ему письмо, которое помогло ему решиться на это.

Мой друг,

Я слышал, что вы приехали в мою деревню. Пожалуйста, приезжайте и посмотрите мой дом. Думаю, он вам понравится. С надеждой на ваше здоровье, с приветствиями.

Ваш верный друг,

Мована.

Написано переводчиком Якобом Мазуни. Я тоже передаю вам привет.

И Григорий отправился осматривать дом.

За пределами деревни его встретило обычное собрание пожилых старост, вежливых и величавых, которые подвели его к двери дома своего вождя.

Дом был похож на сарай, с высокой соломенной крышей.

У входа стояла хозяйка. Она была очень крепкой и одета в набивное платье. На плечи была наброшена красная шаль, а на большой шерстяной голове красовалась маленькая соломенная шляпка. Грегори заметил, что шляпа была сильно надвинута на одну сторону. Ноги у нее были босые.

После необычно сердечных приветствий она провела белого человека в свой дом.

Переступив порог, Грегори остановился и замер, оглядываясь от стены к стене. Старая негритянка истолковала его открытый рот как восхищение, удивление. Вот что он увидел.

На столе лежал полный туалетный набор. Полный настолько, что в него входили два интимных предмета домашней мебели, которые редко можно увидеть за пределами магазинов, где продаются туалетные принадлежности, и наверняка никогда прежде не выставлялись владельцем с гордостью. На гвозде в стене неуклюже висело ведро для помоев из эмалированного железа. С одной стороны его поддерживали совок и щетка, с другой - пара сапог на резинке. С каждой стороны этого замечательного трофея были приколоты по два самых обычных цветных карманных платка.

На небольшой угловой полке стоял большой коричневый фаянсовый чайник с надписью "Advance Australia", выполненной рельефными буквами. Его спутниками были четыре чашки для яиц из эмалированной посуды.

Одна стена была посвящена исключительно кухонной утвари; преобладали новые оловянные чайники, но было представлено практически все.

Напротив этого яркого массива стена была буквально усыпана постельными принадлежностями. Центральное место занимал матрас: простыни с одной стороны, одеяла с другой, подушки сверху, валики снизу.

Но больше всего Грегори шокировало обычное женское нижнее белье, разложенное вокруг двери, через которую он вошел. Он густо покраснел и с трудом подавил порыв броситься бежать без церемоний.

"Что вы думаете о моем доме, друг мой?"

"По-моему, он прекрасен, самый замечательный в мире".

"Да, я так и думал, что он вам понравится. Разве вам не нравятся вещи, которыми пользуются мои люди? Мне самому нравятся вещи, которыми пользуются белые люди. Ты ставишь в своем доме вещи чернокожих. Я кладу в свой дом вещи белого человека. Мы - два друга, у которых одинаковые мысли. Вы покупаете у людей. Я покупаю у торговцев. Торговцы обещали привезти мне еще много вещей. Мой дом еще не закончен. После дождей он будет закончен, и тогда ты должен прийти и увидеть его снова".

Когда Грегори добрался до своего бунгало после путешествия, он ободрал стены и упаковал все свои диковинки в коробки. Их он отправил своему отцу в Англию, который был очень доволен.

На смену диковинкам пришли "Сто лучших картин", оформленные в подходящие рамки из мореного дуба.

"ЛИЗИ".

I.

Туземный комиссар торопился домой. Был уже почти полдень, и становилось жарко. Кроме того, он проделал долгий путь и очень хотел вернуться в свое бунгало, которое для него означало некую цивилизованность. Сад, книги, гравюры на стенах, белые утки, хорошая кухня и отсутствие консервов на некоторое время, прохладная веранда и редкие разговоры с коллегами-чиновниками. Днем он оставил свой караван, а сам двинулся вперед.

Его выносливый конь тоже думал о доме: несмотря на жару, он бодро скакал по пыльной дороге без всякой поддержки со стороны хозяина. В полумиле от дома короткая тропинка, огибающая заросли молодых эвкалиптовых деревьев, вела через территорию для слуг к задней двери бунгало.

Лошадь, не раздумывая и не дожидаясь указаний, пошла по короткому пути. Как правило, комиссар выбирал более длинный путь. Он предпочитал входить в свой дом через парадную дверь; он сам спроектировал и построил свой дом и тщательно продумал его облик и подход к нему, ибо, кто может сказать, не поведет ли он когда-нибудь английскую невесту по извилистой дороге?

Комиссар дал зверю волю: его это позабавило, и он, наклонившись вперед, похлопал лошадь по шее.

Проезжая по территории, он увидел, как несколько слуг беседуют с незнакомцем. В этом не было ничего примечательного, но он заметил две вещи. Во-первых, его люди не видели и не слышали его, пока он не оказался почти рядом с ними, а во-вторых, незнакомец, выходец из речного района, пропустил его без обычного приветствия.

Он поскакал дальше и остановился у задней стены дома. Конюх взял его лошадь. Маленький мальчик открыл ему дверь и провел в парадный зал. Комиссар опустился в кресло и, немного отдохнув, занялся обустройством.

Бритье, затем горячая ванна, переодевание в "слаксы", легкий обед и трубка. Затем он принялся за накопившуюся почту. Он едва успел отделить домашние письма от официальных - последние вполне могли подождать, - как к нему, запыхавшись, вошел главный домовый.

"Морена, - спросил он, - что у нас сегодня?"

"Что ты имеешь в виду, день месяца или недели, и почему ты спрашиваешь?"

"О нет, - сказал мальчик, - но какое число у этого дня?"

"Вторник, шестое. Почему?"

"Просто я хотел узнать, ведь Морена отсутствует уже много дней?"

"Ну, это шестое, вторник шестого сентября".

"Спасибо, Морена".

Мальчик удалился.

Туземный комиссар снова обратился к своим письмам. Мать исписала страницы, рассказывая ему о помолвке сестры со своим старшим другом ; сестра написала еще несколько страниц о своем счастье; отец упоминал о младшем брате в Оксфорде, о только что объявленной помолвке и подробно описывал последнюю забастовку.

Вскоре он встал и вышел на веранду, чтобы размять ноги. Он любовался своим садом и мысленно восхвалял собственную хитрость, проявленную при его разбивке. Дожди еще не закончились, но на некоторых деревьях уже появились новые листья. Каким же ярким будет цвет через несколько недель!

"Морена, какой сегодня день?"

Повернувшись, он встретился взглядом с садовым рабочим, который с лопатой в руках стоял чуть впереди полудюжины своих товарищей.

"Шестое. Но почему вы спрашиваете?"

"Потому что чернокожие не умеют считать, и один день у нас равен другому".

Все вернулись к своей работе. Через несколько минут пришел собачник с приплодом, родившимся за время отсутствия хозяина. Они выглядели весьма привлекательно, и туземец принял на свой счет замечания, сделанные в адрес его подопечных: похоже, он взял на себя ответственность за их окрас, форму и пол.

"Морена, какой сегодня день?"

"А что?"

"Видишь, Морена, я отмечаю каждый день на палочке; собаки родились десять дней назад".

"Ну, это шестое".

"Спасибо, Морена".

На закате пришел скот. Пастух подошел к дому, чтобы сообщить, что два теленка, родившиеся, пока его хозяин был в отъезде, оказались телками, и получил несколько шиллингов в награду за хорошее управление. Когда появились бычки, скотник приводил множество оправданий и не ожидал и не получал никакого вознаграждения.

"Ты хорошо поработал".

"Спасибо, Морена", - сказал мальчик, завязывая серебро в уголок своей набедренной повязки. "Какое сегодня число дня?"

Этот вопрос задавался уже в четвертый раз. Что он означал? Может ли оно означать что-то важное, и если да, то что?

Но комиссар решил, что у его людей возник какой-то пустяковый спор и они обращаются к нему с просьбой разрешить сложный вопрос. И все же ему было немного любопытно, что это может быть за вопрос, но, хорошо зная туземцев, он решил, что узнает обо всем в свое время.

На этот раз он не задавал вопросов, а просто ответил: "Шестой".

Новость о его возвращении быстро распространилась, и несколько чиновников заглянули к нему на "сарафанный коктейль". Новости штаб-квартиры, скучные и тривиальные, как это обычно бывает, были быстро разобраны. Брауны уехали в отпуск, Джонс только что вернулся, а Робинсон отлично сдал экзамен по праву. За городом слышали льва, а по территории поселка носился бешеный керн, в результате чего было застрелено несколько хороших собак и полдюжины туземцев отправлены на юг для лечения.

Чем занимался комиссар?

В целом плохо; он упустил черногривого льва в зарослях кустарника у реки, а когда зверь проскочил в основной лес, не стал его преследовать. Зато ему удалось поймать небольшого леопарда и двух взрослых гепардов. В округе было много птиц и птиц-гну, и, конечно же, он убил старого буйвола, который чуть было не перебил его. Выслушав подробности приключения, гости поднялись, чтобы уйти.

Нет, он не собирался присоединяться к ним в клубе позже, он чувствовал себя усталым и с нетерпением ждал удобной постели для разнообразия.

Комиссар поужинал в одиночестве и рано лег спать.

Утром он резко проснулся. Было уже поздно, почти восемь часов; какого черта его люди собрались?

Он вскочил с постели и отправился в ванную комнату. Ванна не была готова. Он позвал своего мальчика. Ответа не последовало. Накинув халат, он отправился на кухню. Там было пусто, огонь даже не был зажжен. Он вернулся в дом за парой тапочек и шапкой и пошел к дому. К этому времени он был очень зол.

К его изумлению, в доме было совершенно пусто. На обратном пути он заглянул в конюшню. Его лошади скулили: их не кормили и не убрали в конюшне. Он сам накормил лошадей, а затем отправился в стойло для скота. Полдюжины коров не были подоены.

В этот момент подошел магистрат.

"Что случилось с туземцами?"

"Не знаю, а что?"

"Ни одна черная душа в поселке не подаст руки".

"А моих здесь нет".

"Будет ли восстание?"

"Конечно, нет. Вы, люди, живущие в лагере, всегда ожидаете восстания".

"Конечно, вам лучше знать, но мальчики отказываются работать. Они говорят, что Лизи велел им не работать".

"Кто такая Лизи?"

"Откуда мне знать? Я пришел, чтобы спросить вас об этом".

"Никогда о нем не слышал".

"Ну и что ты собираешься с этим делать?"

"Пока не знаю. Пришли ко мне кого-нибудь из своих людей, мои уже не справляются".

"Верно, но что вы собираетесь с ними делать?"

"Ничего, конечно, кроме допроса".

"Я пошлю двух своих домашних мальчиков".

"Пошлите и своего повара".

"Почему повара?"

"Потому что я еще не завтракал".

"Ну, я тоже не завтракал".

"Тогда вам лучше пойти с ними, и мы позавтракаем".

Магистрат ушел, а комиссар вернулся к себе домой, чтобы одеться.

Он ненавидел отсутствие ванны; ему также не нравилось оставаться без завтрака. О неудобствах в путешествии он не думал, но неудобства в собственном доме были смешны.

Когда комиссар вышел из своей комнаты, одетый, но небритый и в очень плохом настроении, он обнаружил в холле своего начальника, а на веранде стояли остальные слуги.

"Мы хотим поговорить с вами", - сказал мальчик.

"Мне тоже есть что сказать".

"Сегодня мы не можем работать. Завтра мы будем работать".

"Вы будете работать сегодня и сейчас".

"Нет, Морена, мы не можем работать сегодня, но завтра мы будем работать хорошо".

"Почему вы не можете работать сегодня?"

"Потому что Лизи говорит, что мы не можем работать сегодня".

"Кто такой Лизи?"

"Великий врач".

"Где он?" - спросил комиссар, оглядываясь по сторонам.

"Нет, его здесь нет, Морена, он живет на Замбези. Вчера он прислал своего человека с посланием".

"Это тот самый гонец, которого я видел в комплексе?"

"Да, Морена".

"Где он?"

"Он уехал".

"Куда?"

"Он не сказал, куда идет. Он сказал нам, что должен отнести послания хозяина".

"Что за послания?"

"Ни один человек не может работать на своего хозяина в этот день".

"А какие еще?"

"Это все, что он нам сказал".

"Вы ели сегодня утром?"

"Да, Морена".

"Тогда принесите завтрак для меня и магистрата, и побыстрее".

"Но, Морена..."

"Ну?"

"Я могу не работать сегодня".

"Завтрак - это еда, а не работа. Принеси его".

"Да, Морена".

Мальчик вышел. Комиссар обратился к остальным слугам.

"Вы не будете работать сегодня?"

В стаде скота ответили: "Мы не можем, это запрещено".

"Кто вам запрещает?"

"Лизизи".

"Кто такой Лизизи?"

"Великий врач".

"Великий?"

"Да, Морена. Разве он не прыгает в реку и не выходит живым на третий день?"

"Я бы сказал, что нет, но где он живет?"

"В Минанге, на реке Замбези".

"Иди на свою работу. Я навещу эту Лизизи. Здесь какая-то ошибка. Посыльный - глупый парень, он забыл слова своего господина. Я прослежу за этим. Скажи всем людям, что я иду с визитом в Лизизи. Кто не работает сейчас, сразу и хорошо, того постигнет несчастье".

Слуги разошлись по своим делам. Сначала медленно и с явной неохотой, но, услышав, что старший мальчик занят приготовлением завтрака для хозяина, они тоже приступили к своим обязанностям.

Когда прибыл магистрат, все было в порядке. Он завтракал вместе с комиссаром. Когда трапеза закончилась, он обнаружил, что его собственные слуги вернулись на . За границей распространился слух, что комиссар посетит Лизизи и наведет порядок.

"Как вы это сделали?"

"Просто немного поговорил с ними".

"Надеюсь, без насилия?"

"Без необходимости".

"О чем вы говорили?"

"Я знаю не больше вашего, но намерен выяснить".

Через несколько часов комиссар был на пути в Минангу, на реке Замбези, где жил Лизизи, великий врач.

II.

Весь следующий день и несколько последующих дней можно было видеть туземцев, проходящих на юг в направлении Минанги. Любопытным в этих стадах путешественников было то, что в основном они состояли из детей - маленьких детей, от младенцев на руках до мальчиков и девочек девяти-десяти лет, ни одного старше. Когда их спрашивали, родители отвечали просто: "Нас позвали. Нас позвал в Минангу Лизизи - Лизизи, великий врач".

Туземные слуги, работавшие в домах чиновников, не могли, да и не хотели давать более полных объяснений. "Да, их вызывает Лизи", - был единственный ответ на все вопросы.

В клубе все разговоры сводились к предположениям о том, что предпримет комиссар. Почти все чиновники ставили на восстание туземцев. Комендант полиции занялся планомерной подготовкой к подобному событию.

III.

Комиссар путешествовал налегке и быстро. Он тоже прошел мимо полчищ туземцев, в основном детей. Он тоже узнал, что Лизизи звонил, что Лизизизи, по-видимому, собрал всех детей в округе. Теперь он был вдвойне уверен, что это не восстание туземцев, иначе детей было бы явно недостаточно. Он не ожидал от Лизи такого беспрекословного повиновения. Двое не могут управлять одной страной.

Наконец он подъехал к Минанге. Соседние деревни были полны детей. В самой Минанге их были многие сотни. Комиссар поскакал в центр деревни и потребовал показать ему хижину Лизизи. Его привели на холм к единственной маленькой хижине, построенной на полпути вверх по склону. Перед ней росло огромное тамариндовое дерево.

"Вот Лизи, - сказал его проводник, указывая на старика, сидевшего на табурете перед хижинкой."

Комиссар наблюдал. Происходило странное представление. Длинная очередь детей медленно двигалась мимо сидящей фигуры, и когда каждого ребенка выводили вперед - по большей части с испуганным криком, - старик клал руки ему на голову.

Комиссар подкатил к хижине. Старик коснулся головы ребенка, стоявшего перед ним, скрещенными пальцами; это было все, и ребенок поспешно прошел дальше, чтобы присоединиться к толпе, уже большой, других, прошедших через испытание, или что это было.

Увидев комиссара, старик поднялся и сел на землю, хлопая в ладоши в знак приветствия.

Этот любопытный туземец носил большие очки, которые придавали ему благожелательный вид. Ноги у него были босые, как и голова, но в остальном он был одет лишь в заплатанную и очень грязную рубашку и старые брюки.

"Вы Лизизи?" - спросил комиссар.

"Морена, я его раб".

"Где Лизи?"

"Он шел по воде. Затем он опустился на дно реки и остался там. Через три дня он вышел живым и здоровым. Так говорили те, кто видел его".

"Где он сейчас?"

"Кто может сказать?"

"Это ты отправил послание слугам белых людей, сказав, чтобы они не работали?"

"Я отправил послание своего хозяина".

"Что ты делаешь с этими детьми?"

"Мой хозяин сказал, что они должны прийти".

"Зачем?"

"Я наложил на них руки, как сказал мой господин. Лизи сказал: "Пусть дети идут, маленькие дети, и не останавливайте их". А Лизи сказал: "Вы должны работать шесть дней, а на седьмой день ничего не делать"".

Таково было объяснение. Оно пришло к комиссару в одно мгновение.

"Кто вы?" - спросил он.

"Меня зовут Синьоро".

"Вы работали на белого человека?"

"Да, я работал в Миссии".

"Я так и думал".

"Лизизи" - это было самое близкое к Иисусу слово, которое смог подобрать этот туземец. Бедный старик, как выяснилось, был немного сумасшедшим. Он прожил с миссионерами много лет и недавно попросил разрешения навестить друзей на Замбези. Главный миссионер отпустил его. Как он потом объяснил, он знал, что этот человек был немного сумасшедшим, но вполне безобидным. Они окрестили его Джеймсом-Джеймсом Синьоро.

Однако Джеймс, судя по всему, пробовал себя в миссионерской работе и отдавал распоряжения, основываясь на том немногом, что он помнил о библейском учении Миссии.

Джеймс Синьоро вернулся на миссионерскую станцию, а район - к своему обычному спокойствию.

МИРОНДА - ЖЕНЩИНА.

У верховного вождя было много жен. Вновь прибывший миссионер, решив обратить великого человека в свою веру, начал атаку с вопроса, почему у него так много жен. Ответ был обескураживающим: "По политическим причинам". Этот вопрос вождя стал камнем преткновения для всех миссионерских начинаний. Вождь должен был отказаться от всех своих жен, кроме одной. Вождь был полон решимости оставить их всех.

Другому реформатору он сказал: "Оставьте меня в покое. Делайте что хотите с детьми и молодежью. Оставьте меня в покое. Вы показали мне, что мои убеждения глупы. Вы не доказали мне, что ваши мудрее".

Третий добрый человек, собиравшийся переключить свою деятельность на другие сферы, предложил подарить вождю свою яркую медную кровать, если тот станет христианином.

"Покажи мне его", - сказал старый язычник. Кровать была принесена. "У меня есть лучше. Я заплатил за нее торговцу десять голов скота". Так что сделка не состоялась.

Думаю, были основания говорить, что он держался за своих многочисленных жен "по политическим причинам", потому что они, или, во всяком случае, некоторые из них, доставляли вождю больше хлопот, чем, возможно, стоили.

Например, Мавевана была крупной и толстой, а потому очень красивой с точки зрения туземцев, но ее язык был постоянным источником раздоров как в гареме, так и внутри него.

Следует пояснить, что у каждой жены была своя группа хижин. Эти группы - их было семнадцать - были окружены высоким тростниковым забором, укрепленным остроконечными жердями. Гарем представлял собой деревню внутри деревни. За оградой жили простые люди.

У каждой женщины были свои рабыни. По ночам гарем патрулировала сильная стража из вооруженных мужчин. Старый Сикоро, хранитель гарема, находился рядом и днем и ночью.

А еще была Миронда. Бедная Миронда, которая впоследствии платила, как и положено женщинам, будь они белыми, черными или желтыми.

Миронда была скорее ближе к желтым, чем к черным. Думаю, в ней было немного европейской крови. Не часто встретишь туземку с карими глазами и веснушками; кроме того, она была очень высокой и стройной.

В знак особого проявления своей доброй воли вождь однажды провел меня по своему гарему. Так я впервые увидел Миронду.

Женщина вызвала у меня интерес. Когда мы вошли в ее комплекс, она уставилась на своего господина и повелителя, как зверь в клетке на свободного человека. Она ни на секунду не отводила от него глаз. Она ни разу не взглянула в мою сторону. Ее глаза один раз поймали свет и отразили его, как у кошки, тигра. Да, именно так, она напомнила мне тигра в клетке.

Она постоянно сжимала руки во время нашего короткого пребывания здесь. Щелчок, щелчок, щелчок ее браслетов из слоновой кости привлек мое внимание к ее рукам. Ее руки и запястья были очень маленькими, а ногти на пальцах - длинными и острыми. Я особенно обратил внимание на ее руки, потому что на каждой руке от запястья до локтя у нее были массивные браслеты из слоновой кости. Эти браслеты были очень маленькими и, поскольку они были массивными, могли быть надеты только на очень маленькие руки.

Я видел эту любопытную женщину всего два раза: второй раз - несколько лет спустя.

Как я уже говорил, старый Сикоро был хранителем гарема. Я возненавидел его инстинктивно, как только впервые увидел: Еще больше я возненавидел его, когда услышал всю эту историю.

У Сикоро был только один глаз. В юности он переболел оспой, которая безжалостно изрыла его лицо и уничтожила один глаз. На нем была солдатская красная туника, цвет которой потускнел от возраста и грязи. На голове у него красовалась высокая конусообразная меховая шапка, которую он срывал при каждой встрече с начальством. Он всегда срывал ее не потому, что был ниже по социальной шкале чернокожего человека, чем все, кого он так приветствовал; напротив, учитывая его должность, он был важной персоной; он был излишне вежлив, потому что предпочитал казаться скромным.

Этот человек хорошо знал свою власть: его профессия давала ему возможность слышать вождя. Все это понимали и были готовы оказать ему должное уважение: Сикоро опередил их, выказав почтение, которое было излишним. Люди не понимали этого его смирения и боялись его. Сикоро любил их страх.

Одна только женщина, Миронда, не боялась его. Она презирала мужчину и не пыталась этого скрыть. Она часто отказывалась видеть его. Лишь скука побуждала ее вообще пускать

его в свой дом. По правде говоря, он был большим любителем посплетничать и являлся связующим звеном между гаремом и внешним миром. Сикоро знал все, был авторитетом во всем и первым узнавал все новости.

Вот это-то и постигло Миронду. Я не виню ее; никто не мог. Я считаю ее жертвой обстоятельств. Старая, старая история. Молодая и импульсивная женщина, пожилой, много раз женатый лорд, благосклонный молодой человек. Суть ее в том, что Миронда в конце концов развелась, но способ этого развода приводит меня в ярость всякий раз, когда я вспоминаю о нем.

Однажды утром она сидела на циновке в тени, отбрасываемой нависающим навесом ее хижины. Она пела низким голосом и нанизывала бусины, вынимая их острием иглы из деревянной чаши, которую держала маленькая девочка-рабыня.

Отец Мбутуту
был убит на песчаном берегу.
Вэй йе-и, вэй и-йе,
Вэй йе-и, вэй и-йе,
Отец Мбутуту
Был убит на песчаном берегу
Wei ye-i, и т.д.

Монотонное пение в минорном ключе было прервано чьим-то царапаньем по тростниковой изгороди.

"Иди, - сказала Миронда ребенку, - посмотри, кто это".

Ребенок положил чашу с четками и побежал к складке в заборе, образующей ворота. Она выглянула наружу. Одного взгляда было достаточно. Она побежала обратно мимо хозяйки в дальнюю хижину, бормоча на ходу: "Ма-ве! Ма-ве! Это Сикоро!"

Миронда беспокойно зашевелилась на своей циновке, потом стала нервно тереть украшавшие ее узоры из ярко раскрашенной коры.

Сикоро, ссутулившись, вошел в дом, на ходу снимая меховую шапку. Внутри он опустился на колени и сел на пятки, положив шапку на землю рядом с собой. Он аккуратно расправил вокруг себя объемные юбки и почтительно хлопнул в ладоши.

Миронда не смотрела на него. После короткого перерыва Сикоро нарушил молчание.

"Доброго дня тебе, Морена".

"Да, доброго дня".

"А жена вождя хорошо спала?"

"Да".

"А рабы ее дома, хорошо ли они спали?"

"Да".

"А довольна ли жена вождя новой шалью, которую Сикоро выбрал в качестве подарка вождя своей жене?"

"Все в порядке".

Сикоро замолчал, а Миронда промолчала. Вскоре мужчина встал и, приседая, приблизился и сел как можно ближе к краю женской циновки, не касаясь ее. Прикоснуться к циновке жены вождя было бы оскорблением, а подойти к ней так близко - откровенной наглостью.

Миронда сердито подняла голову, встретила взглядом с налитыми кровью глазами Сикоро и открыла рот, чтобы заговорить. Однако вместо этого она отвела взгляд и занялась работой, которой была занята в момент появления мужчины.

Сикоро усмехнулся и, отстегнув от пояса небольшую кувшинку, высыпал в ладонь немного нюхательного табака.

Это было преднамеренное оскорбление жены вождя и убедительное доказательство того, что она, если ей это действительно было нужно, может теперь ожидать худшего.

Сикоро неприятно высморкался и громко вытряхнул нюхательный табак из ладони. Затем, прочистив горло, он произнес: "Кто-то украл одну из телок вождя".

"Э-э..."

"Желтую, которую вождь вполне мог продать еврею".

"Так."

"Для вождя это не большая потеря, так как телка бесплодна".

Глаза Миронды пылали яростью; у нее не было ребенка.

"Вор пойман".

"Что с ним сделают?"

Наконец-то он вызвал ее интерес. Сикоро приятно улыбнулся и сказал: "Его, конечно, задушат".

"Разве миссионеры не предотвратят это?"

"Миссионеры? Они не знают и могут не знать еще много дней, да и вообще, что они могут сделать?"

"Правительство белого человека предотвратит убийство людей".

"Несомненно, правительство белого человека сделает много глупостей, но магистрат еще не пришел".

"Он скоро придет".

"Но они душат Мийобо сегодня, сейчас".

Имя не было названо, да оно и не требовалось: Миронда знала о поручении Сикоро по тому, как он вошел в ее дом.

Мерзкий человек наклонился вперед и повторил: "Сейчас, сейчас, сейчас", а затем приложил руку к уху. Женщина тоже прислушалась и отчетливо услышала крик и бульканье умирающего, а затем тишину, кроме топота ног рабов и их пронзительных расспросов и догадок. Мийобо был задушен совсем рядом с домом, в котором сидела женщина.

Миронда смотрела на Сикоро расширенными от страха глазами. Он, конечно же, наслаждался ситуацией. Разве он не ненавидел эту женщину за ее непомерную гордыню? Разве не она и Мийобо не одурачили его не раз, и разве не случай привел их в его руки?

Его один глаз сузился от веселья, жестокая улыбка приподняла губы и обнажила ряд остроконечных зубов - племенной знак подвластной расы; он был свободным рабом.

Указав на браслеты на руке женщины, Сикоро спросил: "Что ты делаешь со слоновой костью вождя?"

Миронда один за другим сняла браслеты и положила их на циновку перед собой.

"А это не новая шаль вождя?"

Несчастливая женщина сняла ее с плеч и положила на циновку рядом с браслетами.

"А почему, - сказал Сикоро, - ты сидишь на циновке вождя?"

Миронда медленно поднялась на ноги.

"А разве это не хижина вождя?"

Это было последнее слово, полный приговор разводу; она, теперь уже обычная женщина, не имела права стоять там, где стояла. Она торопливо оглядела территорию, а затем молча подошла к воротам и вышла.

Мужчина собрал браслеты из слоновой кости и завязал их в платок. Он свернул циновку, на которой сидела Миронда, и сунул ее под мышку. Затем, презрительно сплюнув на землю, он пошел следом.

Несколько лет спустя я видел Миронду, одетую в лохмотья рабыни, просящей еду на станции Миссии.

Когда жена вождя разводится, ее падение происходит постепенно. На какое-то время она становится женой старосты, который впоследствии передает ее кому-то более низкому в социальной шкале, и так из рук в руки она переходит, пока не становится супругой раба.

В случае с Мирондой она сначала стала женой Сикоро; несомненно, для нее нельзя было придумать более жестокого наказания.

ЧЕЛОВЕК И ЧУДОВИЩЕ.

ЗАЩИТНАЯ ОКРАСКА.

У Мобиты были свои взгляды на защитную окраску. Кто такой Мобита? Охотник на слонов, чернокожий; очень хороший парень, как и подобает чернокожим. Мобита говорил, что слоны, да и вообще крупная и мелкая дичь, не видят черного и белого. Черное они видят, а белое - нет, но не могут разумно сочетать эти два цвета. Его обычный охотничий набор состоял из черной шляпы с белым пером, черного жилета поверх белой рубашки и черно-белой полосатой набедренной повязки. Его тонкие руки и ноги были тусклого черного дерева. Вот вам и Мобита.

Какое-то время теория Мобиты работала очень хорошо, но поскольку он упустил главное, то в итоге поплатился. Зебра черно-белая - более или менее - и в кустах практически незаметна, пока стоит на месте. Это и есть главное дополнение к защитной окраске - нужно не шевелиться.

Именно это и произошло с Мобитой.

Перед самой войной я охотился на краю Большого болота. Однажды рано утром, когда день был самым жарким, я услышал выстрел. Позже я встретил только что раненного бивня и бросил его. Я подошел осмотреть его и обнаружил сухую кровь на бивне и дыру за плечом: кто-то пробил ему сердце. Мой выстрел попал ему в ухо.

Я оставил нескольких своих людей вырезать бивни, а сам из любопытства отправился обратно по тропе. Идти было недалеко. Сидя вокруг кучи зеленых веток, я обнаружил дюжину людей Мобиты с очень хмурым видом.

Они рассказали мне свою историю, в которую я не поверил, пока не осмотрел ее сам. Шпур подсказал мне, что их история вполне правдива.

Оказывается, Мобита следил за быком с раннего утра. Он сделал умеренный выстрел; бык увидел его и бросился в погоню. Местность была неширокая, без больших муравейников и деревьев, за которыми можно было бы укрыться. Они носились туда-сюда, то в одну сторону, то в другую, но тускер не сводил глаз с Мобиты - надо полагать, по его защитной окраске. Потом Мобита как-то споткнулся и упал, и игра была окончена. Слон набросился на него, поставил на колени, вонзил в него бивень. Затем - и вот тут-то и кроется самое странное - он стал переходить от дерева к дереву, собирая зеленые ветки и наваливая их на то, что осталось от Мобиты.

Потом он ушел и вскоре встретил меня.

Похоронил ли я Мобиту? Нет. Вскоре вокруг появились люди, как это делают туземцы, когда есть мясо, и я заставил их навалить на него камни; получился неплохой холм. Я заплатил им за хлопоты слоновьим мясом, а бивни отдал людям Мобиты, как и положено по обычаю.

С защитной окраской все в порядке, не сомневайтесь - если не шевелиться.

ДАРВИН - ПТИЦА.

Когда строительство железной дороги достигло разумного расстояния от моего лагеря, я понял, как мне надоело жить в глинобитной хижине, и приобрел у подрядчика достаточно

материала для небольшого дома. Я также попросил его выделить одного из своих плотников, чтобы он возвел его для меня.

Посланный ко мне человек был немцем по имени Фриц Кунст. Он был не только плотником, но и каменщиком, водопроводчиком и маляром. Он был отличным работником, не состоял ни в одном профсоюзе и стремился лишь к тому, чтобы закончить свою работу быстро и качественно. Спешу пояснить, что это было за много лет до войны.

Он был очень маленького роста, почти деформирован. У него была ненормально большая голова, руки и ноги, особенно ступни. Он считал свои ноги своим спасением. У него было плоскостопие, и по этой причине он никогда не служил в немецкой армии. Он говорил о своих ногах так: "Моя удача, не так ли?".

У меня был только один недостаток. Он был груб со своим местным слугой. Мальчик иногда жаловался мне, а когда я отчитывал Кунста или грозил ему законом, он разражался слезами и предлагал заплатить наличными за его проступок. Однажды мальчик пожаловался мне, что Кунст жестоко и беспричинно избил его. Он, однако, не мог показать никаких следов, но я послал за его хозяином и потребовал объяснений. Кунст, очевидно, был очень зол на мальчика, потому что он потряс кулаком перед его лицом и прорычал своим грубым, гортанным голосом: "Зо, ты делаешь из меня тама вул, а? Я проломлю тебе голову. Ты испортил мои деньги. Gott tam you!"

На ломаном английском, но с большой беглостью и силой Кунст рассказал мне об источнике своего негодования. Оказалось, что время от времени он поручал своему мальчику делать для него мелкие покупки - яйца, птицу, молоко, рыбу и тому подобное. Накануне вечером мальчик принес очень большое яйцо, за которое, по его словам, он заплатил шесть пенсов. Поскольку яйца в той стране никогда не стоили больше шести пенсов за дюжину, Кунст обвинил его в обмане. Мальчик объяснил, что яйцо было очень большим. Оно и в самом деле было большим - огромным для куриного яйца, поэтому Кунст не стал настаивать на обвинении, а отправился спать, велев мальчику сварить его к завтраку на следующее утро.

На столе для завтрака яйцо выглядело еще больше, чем прежде. Оно не могло поместиться в жестяную чашку для яиц и лежало на столе рядом с ней.

Кунст был жадным человеком и набросился на яйцо в самом хорошем расположении духа. Он попытался разбить его ложкой, как обычно, но безуспешно. Тогда он стукнул им по столу. Скорлупа треснула, но, к негодованию Кунста, яйцо оказалось твердым. Подумал ли он, что некоторые части яйца могут быть хорошими, я не могу сказать, но немец вскрыл яйцо и осмотрел его более внимательно. И тут он очень рассердился, потому что то, что он обнаружил, убедило его в том, что яйцо вовсе не куриное. Существо, на которое он смотрел, состояло из трех частей: клюва и большей части, остальное - ноги. Кунст никогда не видел ничего подобного. В ярости от разочарования он побил мальчика. Он с таким нетерпением ждал возможности съесть то самое большое яйцо, которое, как уверял мальчик, было куриным. Разве его доверенный слуга не сказал, что яйцо стоило шесть пенсов?

Я успокоил расстроенные чувства Кунста и убедил его заняться своей работой и простить мальчика.

Когда я уладил мелкие разногласия между немцем и туземцем, я задал последнему перекрестный вопрос. Оказалось, что гигантское яйцо принадлежало аисту-марабу, который гнезвился на дереве в нескольких милях от нас. Поскольку одно яйцо все еще оставалось в

гнезде, я сказал мальчику, чтобы он подождал неделю или две и, если к тому времени яйцо вылупится, принес птенца мне.

Со временем появился Дарвин. Я не называл его Дарвином в течение нескольких недель; это имя пришло мне в голову позже. Дарвин был самым странным объектом. Это был большой пушистый шар, стоящий на двух очень длинных ногах, над которыми возвышался огромный клюв, торчащий из лысой головы. Он был мудрым с рождения; только когда я полностью осознал, насколько он мудр, я окрестил его Дарвином.

Когда он впервые попал ко мне, то не умел правильно пользоваться своими ногами. Он не мог стоять прямо, а сидел неловко, выпятив сзади колени, похожие на птичьи, и выставив вперед большие ступни с раздвинутыми пальцами. Он напоминал пушистый шар на рельсах. Он ползал по моему бунгало почти с первого дня его появления у меня. Для этого он скользил по полу сначала правой, а потом левой рукой, хлопая огромным клювом после каждого движения. Полагаю, я подсознательно принял это хлопанье клювом за пение птицы-малыша, так как вскоре обнаружил, что предаюсь с ним детскому лепету.

Аппетит у него был потрясающий, более того, он был всеяден.

Когда не было ни его, ни моего времени для еды, он садился передо мной на пол и смотрел на меня с мудростью в глазах. Он подмигивал. В этом нет никаких сомнений. Как будто он только что заметил: "То, чего мы с вами не знаем, не стоит знать". Вскоре я перестал разговаривать с Дарвином как с ребенком и обсуждал с ним государственные дела.

Он быстро рос. Однажды я обнаружил перо. Постепенно перья сменились пухом, но самым важным признаком взросления Дарвина стало то, что он сделал свой первый шаг. Однажды утром он без предупреждения поднялся и, используя клюв как третью ногу, встал на ноги. Целую минуту он оставался в таком положении, а затем, внезапно подняв голову, встал прямо. Только на одно мгновение; затем, перевесившись назад, он с грохотом упал на пол во весь рост. Сначала он выглядел ошеломленным. Я поднял его и снова усадил на перила, и он сидел, обдумывая ситуацию. Вскоре он повторил маневр, но не более удачно, упав на этот раз, как сказал бы ребенок, на "перед". Я снова поднял его, и, видимо, по зрелом размышлении он решил, что его время ходить еще не пришло, так как в тот день он больше не делал попыток.

Примерно через неделю, как будто идея осенила его впервые, он внезапно встал и спокойно вышел через заднюю дверь во двор; он стоял там, загорая, и болтал со всеми и со всем, что попадалось ему на глаза.

Дарвин ни разу не оглянулся. У него быстро развилось любопытство, такое же ненасытное, как и его аппетит. Он также стал игривым. Он подружился с собаками и резвился с ними. Он заметил, что доктор ежедневно навещает территорию, и спрятался за забором, поджидая его. Когда доктор проезжал мимо на велосипеде, Дарвин стрелял в него из своего тяжелого клюва. Птица стала таким метким стрелком, что всегда чуть-чуть не попадала в седло, но попадала в доктора, и тот жаловался и приближался к дому окольными путями.

Настал день, когда некоторые щенки должны были лишиться хвостов. Дарвин с должным интересом наблюдал за этой операцией и пожирал каждый хвост по мере его падения. Похоже, ему понравились собачьи хвосты, и он отправился на поиски новых. Он нашел хороший длинный хвост, который попытался проглотить, но оказалось, что он все еще прикреплен к пожилой борзой. Бедный Дарвин получил свой первый серьезный отпор в

жизни: он пришел ко мне за помощью с большим проколом в клюве. След недовольства собаки остался навсегда.

Когда туземцы сотнями приходили продавать продукты из своих садов, лесов и ручьев, Дарвин осматривал их товары. Повернув клюв, он брал щепотку муки из миски, чтобы проверить, одинаково ли она бела. Яйца приходилось защищать с вытянутыми руками, как и корзины с маленькими рыбками, потому что он был очень равнодушен к ним обоим, и только очень полная проба могла его удовлетворить. Туземцы объявили его одержимым. Судя по тому, как он сначала издевался, а потом нападал на любого из них, кто осмеливался сопротивляться его осмотру, я думаю, они были правы.

Я уже упоминал о его любопытстве. Он позволил этому недостатку своего характера завести его слишком далеко, когда стал обычным вором. Один путешественник пробыл у меня несколько дней. Несмотря на предупреждение, он оставил дверь своей хижины открытой, когда пришел в столовую завтракать. Дарвин вошел, чтобы осмотреть его. Есть предположение, что он проглотил щетку для бритья и зубную щетку моего гостя, так как они так и не были найдены. Это только предположение, но есть косвенные улики, подтверждающие обвинение: на полу была найдена палочка мыла для бритья со следами, которые могли быть сделаны клювом крупной птицы.

Кроме того, было найдено содержимое двух коробок сигар, разбросанных повсюду; каждая сигара была разрезана пополам. Дарвина допросили; он поумнел, но ничего не сказал. Туземец поклялся, что видел, как обвиняемый ходил по двору с трубкой белого человека во рту. Это была злая клевета, потому что трубка была у белого человека в кармане, и она была его единственной.

Дело не было доказано, но Дарвин покинул суд без единого пятнышка в характере.

Я уже упоминал о его аппетите. Однажды повар упустил кусок бараньей шеи весом, наверное, в полдюжины фунтов. Он не мог обвинить кошку, потому что ее не было, поэтому обвинительный палец был направлен на Дарвина. За злой птицей послали. Я чувствовал, что он виновен, и, хотя он подмигнул мне, чтобы я ему посочувствовал, я должен был это сказать. Кроме того, он недостаточно тщательно скрывал добычу; даже профессиональный детектив мог бы узнать мясо по очень большой неровной выпуклости в мешочке птицы. Местами бараньи кости грозили пробить тонкую маскировку.

Дарвин, безусловно, нашел ему применение. Ни один отвратительно пахнущий клочок не мог долго лежать незамеченным. Его нюх был острым, а глаз зорким. После того как Дарвин вырос, я не нашел в доме ни одной змеи, да и крыс было не так много.

Однажды на нас обрушилась огромная стая саранчи, и все бросились ее уничтожать. Дарвин присоединился к ним, и вскоре мы ушли на покой, оставив его доделывать работу: он избавился от тысяч к нашим общим сотням. Его метод был очень прост. Он метался здесь, там и повсюду с широко раскрытым огромным клювом. Лишь время от времени и на мгновение он закрывал его, чтобы проглотить то, что в него попало.

Доктор, живший в миле отсюда, недолго любил Дарвина; отчасти из-за его дурацкой выходки - клевать его, когда он проезжал мимо на велосипеде, но главным образом потому, что он, казалось, знал, что происходит в больнице. Если проводилась операция, было слышно, как Дарвин нетерпеливо топчется на крыше здания из гофрированного железа. Поскольку аист-марабут живет в основном на объедках, доктор считал, что в визитах Дарвина есть сомнительный вкус.

Увы! Дарвин встретил насильственную смерть в раннем расцвете сил.

Как и все остальные представители его рода, он отрастил прекрасные пуховые перья, которые так ценятся хорошо одетыми женщинами. На эти перья был спрос по всей стране, и в результате многие из этих восхитительных и полезных птиц погибли от рук туземцев.

В больнице шла операция, и Дарвин спешил туда пешком, так как я недавно подрезал перья одного из его крыльев. На дороге ему встретился незнакомый туземец, который набросился на него со своим ассеем, лишил его перьев и пошел дальше.

Вскоре к похитителю подошли двое моих слуг, которые, узнав о его удаче, как он выразился, отвезли его обратно на место преступления.

Да, это был "Да-ви-ни"; не то ли самое отверстие в его клюве, которое проделала разъяренная борзая?

Мои слуги решили, что Дарвина убили самым жестоким образом, и действовали в соответствии с их представлениями.

Хорошо, что доктор знал свое дело. Через шесть тревожных недель туземец настолько оправился от побоев, что его объявили вне опасности.

ЛЬВИНАЯ ШКУРА.

В 1898 году сержант Джонсон, тот самый, с ярко-рыжей бородой, был отправлен за город, чтобы основать и возглавить новую станцию Ликонга. Ликонга, малоизвестное место в Центральной Африке, находилось, да и сейчас находится, за много миль от цивилизации. Командование сержанта Джонсона было урезано до небольших размеров из-за малярии в штабе. В его распоряжении были лишь капрал и два человека. В те дни Ликонга представляла собой лишь название на карте, но не имела ни зданий, ни чего-либо другого, что могло бы показать, что вы туда попали. Комендант полиции нечетко нарисовал карандашом на несовершенной эскизной карте и поручил сержанту Джонсону отправиться туда. Сержант взглянул на карту, лежавшую на столе в кабинете, и сказал: "Да, сэр".

"Возьмите с собой капрала Мертон и рядовых Хэя и Хэйра. Больше я не могу выделить".

Сержант снова ответил: "Да, сэр".

"Вы возьмете паек на девяносто дней, небольшую повозку и черную упряжку волов".

В третий раз сержант Джонсон ответил: "Да, сэр".

Этот человек с ярко-рыжей бородой, прежде чем стать полицейским в центре Африки, был солдатом в другом месте. Его старое обучение не поощряло вопросов, поэтому он никогда не задавал их и сейчас. Поэтому, когда комендант полиции поднял взгляд от карты, сержант отдал честь, повернулся и вышел из кабинета.

Он не терял времени даром. Он взял капрала Мертон, рядовых Хэя и Хара, небольшую повозку, паек на девяносто дней, четырнадцать черных волов, зулуса Джейкоба за руль и каффирского мальчика "Девять-тридцать" в качестве ведущего.

Перед самым закатом он выехал из лагеря. Вряд ли стоит говорить, что вожак повозки - это туземец, идущий впереди волов, но необходимо пояснить, что вожак волов в Африке отзывается на любое имя, которое ему подsunут. Этого конкретного вола прозвали "Девять тридцать", потому что он без всяких видимых усилий стоял и шел, расставив ноги под невозможным углом. Если большой палец его правой ноги был направлен на восток, то левый - на запад, а сам он был обращен на север или юг, в зависимости от обстоятельств.

В течение семи дней отряд двигался в северо-восточном направлении, сержант Джонсон большую часть времени проводил на спине в повозке, капрал Мертон топал сразу за ним, а рядовые Хэй и Хэйр следовали на расстоянии от ста ярдов до полумили.

Группа была не из веселых; она могла бы идти еще день, а то и больше, если бы сержант не уронил свое смотровое стекло с хвостовой части повозки. Он был предан своей большой рыжей бороде. Лежа в вагоне, он все время ласкал и подстригал эту бороду, мазал ее вазелином и любовался ею в свое маленькое смотровое стекло в свинцовой оправе.

Когда же он уронил стакан, то сказал: "Черт!", а затем, еще громче: "Это Ликонга; проваливай, Якоб!".

Водитель крикнул волам: "А, сейчас!", и наряд остановился.

Место, случайно выбранное для лагеря, было неплохим. Здесь были дрова, вода, хорошие пастбища для скота и, очевидно, дичь. Кроме того, слева находилось несколько гранитных валунов, выложенных в форме грубого круга. Под руководством сержанта все вскоре были размещены. Для безопасности скота на ночь круг из валунов был искусно укреплен: здесь кустом терновника, там несколькими жердями. Патрульные палатки, защищенные пестрым забором, вполне устраивали сержанта и его людей. Джейкоб провел день под прикрытием своей повозки, а ночь - под ней. "Девять тридцать" спал на другой стороне скотомогильника, под крышей заброшенной туземной хижины; днем он пас скот. Обустройство этой весьма примитивной стоянки заняло менее пары дней, а затем вопрос "Что, черт возьми, нам теперь делать?" обрушился на партию, как беда.

Но, как это часто бывает, дьявол решил.

Все улеглись на ночлег. Сержант в последний раз оглядел свою бороду. Капрал Мертон прочитал кое-что из Киплинга. Рядовой Хэй после долгого спора с рядовым Харом, в котором, казалось, ни один из них не получил преимущества, сказал своему противнику, чтобы тот отправлялся в ад. Рядовой Хэй с удовлетворением сказал: "То же самое, брат". Джейкоб улегся под повозкой и, как большинство туземцев, сразу же уснул, укрывшись одеялом с головой.

Вождь с глупым именем, единственный из всей партии, бодрствовал в своем уединении по другую сторону скотного двора. Его вечерний ужин - маисовая каша - булькал в маленьком котелке, стоявшем на горстке углей. Он играл на минутном туземном "пианино" - трубящей, звенящей вещице, сделанной из половинки тыквы, полоски твердого дерева и нескольких металлических язычков, прикрепленных к ней.

Звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон - очень пронзительно и одиноко звучало в широких африканских просторах. Мальчик тоже пел - если его вой можно было назвать пением.

Крокодил,
Плавает у берега,
Спит в реке.
Динь, динь, динь, динь, динь.
Рыба,
Плывет по воде,
Спит в реке.
Динь, динь, динь, динь, динь.
Бегемот,
Плывет по течению,
Спит в реке.
Динь-динь-динь...

Музыка прекратилась. Африка была мертвенно неподвижна, если не считать кваканья лягушки.

"Девять тридцать" сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, за пределы своего маленького костра. Прямо напротив него стоял крупный лев с черной мордой. Они стояли лицом друг к другу на расстоянии ярда или около того. Единственным движением был львиный хвост, который переминался из стороны в сторону. Огромный зверь пристально смотрел на "Девять тридцать", а тот, полный страха, смотрел на льва в ответ.

Когда речь идет о жизни и смерти, все происходит очень неожиданно. Лев сделал шаг вперед и схватил Девять-Тридцать за колено. Мальчик достал свой асsegай и вонзил его в ребра льва.

Сержант услышал крик и рев боли во сне, а проснувшись, стал возиться с бородой. Капрал Мертон, опомнившись от прерванного сна, закричал: "Стоять! Кто там идет?" Рядовой Хэй, если и проснулся, то ничего не сказал, а его товарищ по оружию пробормотал: "Что случилось?" Джейкоб ответил из-под одеяла: "Это лев, хозяин, и он убил моего жоака". Во всяком случае, было ясно, что произошло что-то серьезное. Лев, находившийся неудобно близко, издавал такой грохот, что, казалось, трепетали листья близлежащих деревьев, а по другую сторону скотного двора стонал "Девять тридцать".

"К оружию!" - скомандовал сержант.

Все выскочили из одеял, с винтовками в руках, с развевающимися на ночном ветру рубашками. Они не были трусами, но и не были дураками. Четверо прислушались к звукам львиного рыка и отступили, когда он зарычал. Стон доносился из одного места, так что было очевидно, что Девять-Тридцать на данный момент в безопасности. Тогда, поспешно зажегши фонарь, полицейские пробрались в обход кошары к маленькому костру Девять-Тридцать. Сержант знал кое-что о первой помощи. Он осторожно поднял израненного туземца и отнес его к повозке. Колено мальчика было в плохом состоянии - сустав был раздроблен. Выпив по стакану бренди, тщательно промыв рану, перевязав ее, наложив пару одеял и постелив траву

у костра, Девять-Тридцать устроился как можно удобнее. Разведя костер, все снова легли спать.

На рассвете сержант собрал своих людей и обратился к ним с такими словами:

"Сейчас мы пойдем и уничтожим этого проклятого льва. Заряжайте, и помните, никто не стреляет, пока я не дам команду. Наденьте сапоги, о сумках не беспокойтесь".

Четверо выстроились в шеренгу.

"Марш!"

Идти оставалось совсем немного - едва ли пара сотен ярдов. Лев поднял голову и зарычал. Из ребер зверя все еще торчал коротко обрезанный ассегай Девять-Тридцать.

"Огонь!" - скомандовал сержант. Четыре выстрела прозвучали как один, и голова льва опустилась на лапы. Люди перезарядили оружие и осторожно приблизились, но мародер был мертв.

Сержант велел Джейкобу снять шкуру со зверя, и все четверо вернулись в лагерь, чтобы позавтракать и обдумать проблему, которая возникла в связи с убийством этого льва.

При прочих равных условиях в спорте, при раздельном звании и как человек человеку, кому принадлежала шкура? Кто-то промахнулся, ведь в шкуре было всего три дырки. Кто-то сделал плохой выстрел, потому что в крестце льва была дырка от пули. Кто-то убил зверя, потому что пуля прошла через мозг льва. Кто-то покончил с ним, потому что другая пуля попала ему в плечо.

Все утверждали, что стреляли в голову.

Джейкоб, во всяком случае, был не в себе. Как и бедняга Девять-Тридцать. Ни один из них не выстрелил.

Когда я приехал, то обнаружил, что Девять-Тридцать уже выздоравливает, а полицейские все еще "как один человек". Депутация вручила мне череп и попросила решить вопрос с кожей. Я объявил Девять-Тридцать владельцем по всем правилам охоты; он первым пустил кровь и остановил льва.

Однако я предложил, что, поскольку Девять-Тридцать не хочет шкуру, четверо, стрелявших в льва, должны устроить тотализатор на пять шиллингов: Девять-Тридцать получит фунт, а победитель - шкуру.

Приз разыграл сержант Джонсон.

Но Джейкоб, будучи зулусом, собрал львиный жир, переплавил его в консервные банки, бутылки и маленькие тыквы и продал за много фунтов своим друзьям, когда через год вернулся домой. Все зулусы знают, что львиный жир, намазанный на голову, лицо или бороду, делает человека храбрым в бою.

ПРЕПОДОБНЫЙ МИСТЕР БУМПУС.

Некоторые миссионеры мне очень нравятся, они хорошие ребята; в других я не так уверен; третьи, признаюсь, мне искренне не нравятся. Преподобного мистера Бампуса я отношу к третьей категории. Однажды я встретил его, спускаясь по дороге от Замбези, когда поднимался вверх. Он, счастливый нищий, ехал в своей повозке с волами на железную дорогу, собираясь в отпуск. Я ехал на север в своей повозке, только что отгуляв свой отпуск. Все его развлечения были впереди, а мои на время закончились. Встретив его, я почувствовал себя мальчиком, который, съев свой сливовый пирог, должен теперь смотреть, как другой мальчик поглощает его.

У преподобного Бампуса была жена. Бедняжка, она сидела с ним в фургоне, и так было уже три недели. За это время они проехали около двухсот миль от своей миссионерской станции. Подумать только, три целых недели просидеть в клетке с преподобным мистером Бампусом. Как мне было жаль ее!

Как изменилась эта маленькая женщина. Тремя годами раньше, помнится, она отправилась на север с Бампусом, недавно вышедшая замуж, с выражением лица храброго солдата веры, розовощекая, благовоспитанная и пухленькая. А теперь! Какая битва, должно быть, была у нее! И я уверен, что она не нашла хорошего союзника в выбранном ею мужчине. Она была худой и осунувшейся, с грустным, удрученным взглядом, и выглядела более чем вдвое старше своего возраста.

Почти первый вопрос, который она задала, был: "А у вас есть табак? Я имею в виду, не найдется ли у вас табака?" Я достал свой кисет и сказал, что у меня много табака в фургоне, который едет сзади.

Преподобный Бампус соскользнул с повозки, взял горсть, набил свою трубку и положил остаток в карман своего альпакового пальто. Затем он прикурил, сделал пару затяжек и ничего не сказал! Это она поблагодарила меня, добавив:

"Фред был невозможен последние пять дней, у него не было табака. Я не упаковала достаточно. Может быть, теперь он будет лучше себя вести". И эта бедная маленькая леди бросила умоляющий взгляд на своего господина и повелителя.

Что касается преподобного джентльмена, то он забрался обратно в повозку, уселся с довольным ворчанием и энергично затянулся своей трубкой.

"Я так рада, что мы встретили вас, - продолжала женщина. "Несколько дней нас преследовали львы. Прошлой ночью они забрали моего верхового осла".

"А потом они заберут тебя", - с ухмылкой заметил ее галантный супруг. "Они любят мясо ослов".

Этот парень был грубияном. Его жена была напугана, и даже если бы он не смог ее подбодрить, ему не стоило пытаться напугать ее еще больше. Но он сидел, ухмыляясь со своего места в повозке и показывая свои большие желтые зубы. Да, конечно, мне не нравился преподобный мистер Бампус. Я постарался успокоить даму, посоветовал мужчине выставлять по ночам фонари, чтобы отпугивать львов, и попрощался.

Вечером я совершил короткий поход и рано вышел из палатки. Я не мог не думать о бессердечном мужчине и испуганной женщине. Я знал, что, если львы придут, Бампус не сможет справиться с ними или, если на то пошло, принять разумные меры

предосторожности. Для себя я вытесал несколько шестов, привязал к ним зажженные фонари и установил их на некотором расстоянии впереди, позади и по обе стороны от своей повозки. Кроме того, я разжег хороший костер за ведущими волами и еще один большой костер перед моей патрульной палаткой на обочине повозки.

После ужина я немного посидел у костра, покуривая, когда меня испугал винтовочный выстрел, а затем еще один. По направлению я решил, что стреляли, должно быть, преподобный Бампус или его водитель, а по звуку - что мы расположились лагерем не очень далеко друг от друга. Взяв пару мальчишек, винтовку и фонарь, я поспешил по дороге посмотреть, что случилось. Повозка миссионера оказалась дальше, чем я ожидал. Когда я добрался до него, преподобный Бампус лежал на крыше фургона, на вершине палатки, в ночной рубашке. Я давно не видел на мужчинах ночных рубашек. Его жена была внутри повозки. Водитель - именно он стрелял - вместе со своим вожаком присел под повозкой. Вола были очень беспокойны.

Уже совсем стемнело, и луны не будет всю ночь. Костер миссионера угас, и я не мог разглядеть ни ярда за пределами кольца света, проливаемого фонарем в моей руке. Поэтому моей первой задачей было стряхнуть недогоревшие поленья и снова разжечь огонь. Затем, держа фонарь в одной руке и винтовку в другой, я пошел вдоль шеренги волов, разговаривая с ними на ходу, чтобы успокоить их. Проходя мимо, я пересчитал скот и обнаружил, что пролет не нарушен.

Затем, под моим руководством, мои ребята собрали столько дров, сколько смогли найти под рукой, и разожгли еще один костер, опередив волов. Затем я вернулся к повозке, чтобы расспросить миссионера.

Видел ли он льва?

"Да, большого".

"Где?"

"Рядом с ведущими волами".

Видела ли она кого-нибудь?

"Нет, ничего", - сказала его жена.

Видел ли водитель льва?

"Ja, baas, two".

В этот момент я чуть не выпрыгнул из кожи. Водитель из-под повозки снова выстрелил; его пуля, должно быть, промахнулась мимо моих ног всего на несколько дюймов. Мне пришлось прибегнуть к невоспитанному в воскресной школе языку, прежде чем я смог заставить преподобного Бампуса прекратить свой грохот с вершины повозки; он был в ужасе и показывал это без стыда и сдержанности. Я забрал у водителя винтовку. Львы ночью и так опасны, но дополнительный риск от испуганного туземца, вооруженного мартини, - это уже слишком.

"Какого дьявола ты выпустил пулю?"

"На льва, баас".

"Где?"

"Вон там, баас".

"Вон там", действительно, в нескольких ярдах от повозки, он был черен, как чернила, но я возразил: у туземцев хорошее зрение, а глаза льва имеют свойство отражать свет далекого костра. Возможно, он видел льва.

Что ж, ничего не поделаешь, надо разводить больше костров.

У миссионера был только один фонарь, и его зажег я. Было слишком темно, чтобы найти шест, поэтому я вырыл яму в песчаной почве, опустил в нее кнут повозки и прикрепил фонарь к кнуту.

Затем началась ночь трудов и тревог; у меня нет желания пережить такую ночь снова. Мои мальчики теперь были напуганы". Испуг не описывает состояние преподобного мистера Бампуса. Вот он, странная фигура, сидит на крыше фургона-палатки, призрачный в своей белой ночной рубашке, и болтает от тревоги. Миссис Бампус сидела, полностью одетая, внутри фургона, совершенно неподвижная и молчаливая. Водитель миссионера, вождь и мои мальчики стояли, сгрудившись вокруг самого большого костра в хвостовой части повозки, и их глаза казались необыкновенно большими и белыми, когда они вглядывались в густую темноту.

"Вот он, баас!"

"Где?"

"Там!"

"Где он, дурак?"

"Слушай!"

Я прислушался и, конечно же, услышал тихий, тихий звук чего-то, шевелящегося в мертвых листьях и сухой траве на небольшом расстоянии. Ближайшие к повозке воны проявляли признаки нервозности. Я бы многое отдал за собаку в эту ночь. Движение прекратилось. Мы все прислушались. Преподобный Бампус начал что-то бормотать со своего возвышения.

"Ради всего святого, заткнись! Как я могу что-то услышать, когда вы так шумите!"

Он остановился.

"Вот он, баас!"

"Где?"

"Там!"

Я прислушался, но ничего не услышал. Я слушал довольно долго. Мы все прислушались - и ничего не услышали. Ближайший бык лег с хрюканьем, что означало, что он, во всяком случае, не сильно встревожен.

Преподобный Бампус спросил, не может ли он спуститься вниз, поскольку на вершине фургона-палатки было очень холодно. Я как раз собирался ответить, что можно, как вдруг снова раздалось "тише, тише! На этот раз я услышал его отчетливо. И тут же снова раздался хор "Вот он!" на стольких языках, сколько туземцев сгрудилось вокруг меня.

Я решил, что надо что-то предпринять, сделать вылазку и набрать побольше дров: костры прогорели.

Вскоре у нас уже пылало четыре костра: один перед ведущими волами, один по обе стороны повозки и один в хвостовой части. Смелость моих мальчиков росла по мере того, как увеличивался круг света. Они носились туда-сюда, строго в пределах круга света, образованного кострами, и собирали сухие дрова. Через некоторое время на любом из костров можно было зажарить пресловутого быка.

Пока мы были заняты, преподобный Бампус спустился со своего места и лег спать. Его жена, которая была лучшим человеком из них двоих, приготовила нам крепкий кофе. Водитель и руководитель миссионера присоединились к поискам дров.

Лев, очевидно, удрал, поэтому мы выпили кофе и встали греться у костра.

"Вот он, баас!"

Я схватил винтовку. "Где?"

"Там, я уже слышу его".

"Слушайте! Молчать, все вы!"

Тише, тише; тише, тише.

Оттуда! Нет, оттуда! Где он, черт возьми?

И так продолжалось всю ночь. На некоторое время наступила тишина. Костры утихли. Тише, тише; тише, тише. Торопливый сбор дров. Костры разгораются. Тишина. Шуш, шуш только за пределом света. "Вот он, баас!" "Где?" "Там!" и так далее.

Потом рассвет. Как медленно он наступал! Острое желание убить того льва или львов. Теперь стало немного легче.

Я отправился с туземцами на поиски бешенства.

Тише, тише; я слышал это совершенно отчетливо. Боже правый! Где же этот лев? Уже рассвело. Это призрак?

Нет. Вот он - маленький чешуйчатый муравьед! Все еще копошится в опавших листьях. Тише, тише; тише, тише.

Мы стояли и смотрели на него, усталые и измученные.

"Почему бы вам не убить эту жалкую крысу?"

Это говорил преподобный мистер Бампус.

Говоря о крысах, я мог бы убить этого человека там и тогда.

Когда я вернулся к своему фургону, то обнаружил на песчаной дороге львиные следы. По их следам - а их было три льва - нетрудно было понять, что они следовали за миссионерской повозкой, пока не дошли до поворота и не увидели мои фонари. От этого места шкура вела

вниз к руслу реки, пересекала его и уходила в густой кустарник на другом берегу. К повозкам они не приближались.

КАПИТАН АРМИИ СПАСЕНИЯ.

Сегодня вы можете заказать билет в компании Cook's на Ладгейт-Серкус до водопада Виктория и обратно, и всю дорогу путешествовать с комфортом. В 1897 году все было иначе. Тогда к водопаду Виктория не было ни дороги, ни тем более железной дороги. Я не буду утомлять вас рассказом о нашем путешествии на фургоне до Панда-Ма-Тенга или о том, как мы ехали через всю страну от края пустыни Калахари к водопаду, ориентируясь на столб брызг, поднимающихся от него, или, где земля уходила вниз, на чувство направления.

В конце концов мы добрались туда, или, вернее, оказались в сотне ярдов от бурлящих вод. Их рев был оглушительным. Это был удивительный звук и еще более удивительное зрелище. Представьте себе гул лондонского транспорта, увеличенный в десять тысяч раз. Представьте лес из пальм, папоротников, черноствольных деревьев, все это в теплице огромных размеров, и прохладный тропический дождь, пропитывающий вас до костей. Мы преодолели расстояние, отделявшее нас от губы водопада. Густой, жесткий вьюнок и подлесок, девичий папоротник высотой по пояс; казалось, грех топтать его ногами. Время от времени по бедро в водянистой грязи, когда, по несчастью, наступали в похожую на яму яму от проплывшего ночью гиппопотама. Сверху доносится стрекотание обезьян. Кажется, я увидел буйвола.

Какая разница с сегодняшним днем! Время от времени на деревьях можно увидеть обезьяну, но в конце сухого сезона через эти джунгли прошел пожар, и столетие не восстановит нанесенный ущерб. Более того, от нового отеля к любому "виду" теперь ведут гравийные дорожки, но нам, видевшим водопад Виктория двадцать четыре года назад, есть что вспомнить и чем похвастаться.

Мы провели полдня, глядя, глядя и глядя. Мы были облиты брызгами, высушены солнцем, оглушены ревом воды и поражены красотой всего этого.

Примерно в час дня мы почувствовали голод и отправились на поиски наших вьючных лошадей. Мы выехали из зарослей и отпустили наших животных на волю. Мы без труда нашли наши седла, да и лошадей тоже; трава была такой сочной и обильной, что ни одна лошадь не захотела бы забрести далеко после нескольких недель пребывания в сухом Калахари. Мы пообедали и немного отдохнули, а затем снова отправились на поиски. Мы не успели далеко уйти, как наткнулись на след повозки. Робинзон Крузо, обнаружив отпечаток ноги человека Пятницы, был поражен не больше нашего.

Насколько нам было известно, до нас к водопаду не приходила ни одна экспедиция. Кто же тогда этот незваный гость?

Мы пошли по следу и вскоре на небольшой поляне увидели повозку. Кем бы он ни был, этот путешественник заслуживал полной благодарности за свой поступок. Мы добирались до водопада верхом и гордились этим, но здесь был человек, который провел через него повозку. Крепкий парень. И вот, сидя на шкуре рядом со своими волами, был тот самый человек. У него была всклокоченная борода, и выглядел он не слишком чисто. Под одной рукой он держал огромный калабаш, из которого палочкой ел мед. Мед был старый и

гранулированный. В нем было много мух - свидетельство того, что горлышко калабаша иногда оставалось незакрытым. Увидев нас, он не шелохнулся, а, протянув палочку, сказал: "Угощайтесь".

Мы сказали ему, что только что поели, но все равно поблагодарили.

"Садитесь, - сказал он, - садитесь на эту шкуру", но места для нас не нашлось. "Я подстрелил ее вчера у водопада. Это детеныш; львица ушла".

"Как давно вы здесь?"

"Пару дней".

"Как вы пробрались?"

"Прорубил себе дорогу".

"Потерял какой-нибудь скот в стране жажды?"

"Я туда не заходил; я взял курс на Булавайо".

Это было действительно хорошее представление. Все старики говорили, что это невозможно.

"Зачем ты пришел?"

"Что ты сделал?"

Человек, задавший вопрос первым, ехал на север, чтобы взять на себя управление страной размером с Францию. Он рассказал о своих делах.

"О, так вы магистрат, да?"

"Да, примерно так. А вы?"

"Я капитан Армии спасения на юге, но я привез одного парня для поисков полезных ископаемых по ту сторону Замбези. Он переправился вчера, а сегодня утром двинулся пешком вверх по стране".

Я с интересом посмотрел на этого странного парня. Его кепка с призывом лежала на земле рядом с ним. На протяжении всего разговора он продолжал есть мед. В те дни Замбези был последним местом, где я ожидал встретить человека из Армии спасения. Оглядевшись по сторонам, я увидел знакомую красную майку с желтыми буквами. Она висела на кусте, очевидно, сушилась. Капитан проследил за моим взглядом и добровольно предложил: "Немного постирал, впервые в этом путешествии". По его виду я заключил, что его собственная очередь еще впереди.

"Ну, расскажите нам о львенке".

Думаю, он сказал правду. Я, конечно, не могу за это поручиться, но он сидел на шкуре только что убитого львенка. Перед тем как мы покинули водопад, стервятники рассказали нам, где можно найти львицу. А вот его история:

"Я шел по тропическому лесу с ружьем в поисках свиньи, паллы или чего-нибудь еще съедобного. Я не успел далеко уйти, как чуть не упал на этого львенка. Он зарычал на меня, и

я выстрелил в него. Пока он лежал, брыкаясь, на спине, подошла его мать, и я перезарядил свой старый "Мартини" и дал ей одну пулю. Не будучи первоклассным стрелком, я не стал делать это сразу. Она выглядела такой разъяренной и, казалось, надвигалась, что я отступил на шаг или два, не сводя с нее глаз. Я попытался перезарядить ружье, но пустую гильзу заклинило. Я отломил палку от ближайшего куста и вставил ее в дуло. Наверное, я слишком сильно надавил, потому что палка коротко сломалась".

Капитан остановился, встал и достал из повозки свою винтовку. Палка все еще находилась в стволе, очевидно, прочно застряв в патроннике, который, в свою очередь, был прочно закреплен в казенной части. Мы посмотрели на винтовку, а затем на капитана. Он просто сказал: "Кто-нибудь из вас, джентльмены, может мне ее починить?" Мы оба сказали, что можем, и оба спросили: "А как же львица?"

"О, львица. А что, вот она, а вот я. Она с очень уродливым видом и рычанием, а я с винтовкой, выведенной из строя. Я почувствовал, что пора что-то делать, и отступил от куста, громко распевая гимн".

СПОРТ КОРОЛЕЙ.

Прошли те времена, когда верховные вожди племени баротсе ежегодно устраивали масштабную охоту на лечве. Я полагаю, что последняя большая охота состоялась в 1899 году. Во всяком случае, с тех пор я не слышал ни об одной такой охоте.

И очень хорошо, что эти охоты прекратились. Представления африканских туземцев о спорте не совсем совпадают с представлениями белого человека; ни одному спортсмену не нравится, когда животных массово убивают.

В те времена антилопы лехве строго охранялись для удовольствия верховного вождя и его окружения. Ни одному туземцу не разрешалось беспокоить их в их естественных местах обитания - на широких открытых равнинах, и ни один человек не мог убить ни одной под страхом сурового наказания. Единственным исключением из этого правила были случаи, когда несколько голов забредали в окрестности Леальни, главной туземной деревни в долине Баротсе. Тогда людям разрешалось охотиться на них с собаками, но не стрелять в них.

Время, выбранное для этих загонов, наступило после того, как дожди прекратились, но в Замбези оставалось еще больше воды, чем могли вместить ее берега. Разлив был таким, что на некоторое время долина Баротсе превратилась в огромное озеро, глубина которого варьировалась от нескольких дюймов до дюжины футов.

То же самое можно с равной долей правды сказать и о реке Луена, важном притоке, который, протекая с востока, соединялся с Замбези недалеко от Леальни. Именно в бассейне Луены и происходили перегоны.

За два месяца до начала охоты начиналась подготовка к ней. Длинные, тяжелые литые ассегаи, характерные, как я полагаю, для этой части Африки, чистились и точились. Узкие охотничьи каноэ собирали, чинили и заделывали. Пики длиной в четыре фута, заточенные с одного конца - который закалялся обжигом - и с прочным лезвием, закрепленным на другом конце, были в большом количестве заготовлены батотела, племенем рабов, искушенных в

изготовлении железа. Лезвия этих пик были короткими и плоскими, с закругленным острием, как у устричного ножа.

Вождь пригласил меня присутствовать на охоте в 1899 году, и я поехал.

Путь до места охоты занял два дня. Мы путешествовали на каноэ с мелкой тягой. Первую ночь мы спали в искусных травяных укрытиях, приготовленных для нас заранее.

На следующее утро с рассветом мы возобновили путешествие. Вождь отправился первым в очень маленьком и узком каноэ. Его сопровождал только один человек. Они стояли в каноэ и отталкивались длинными шестами из красного дерева. Туземцы отказались от всей европейской одежды. На вожде был шерстяной ночной колпак и длинная белая рубашка. Вокруг талии, но под рубашкой, была накинута разноцветная скатерть с бахромой. Ноги и ступни у него были голые; руки тоже до локтя.

Мое каноэ стартовало сразу после каноэ вождя, но я недолго оставался в таком положении. Оно было более удобным и, следовательно, гораздо тяжелее и медленнее. В нем находилась команда из семи человек.

Я полагаю, что в каноэ должно было находиться несколько тысяч человек. Две жены вождя сопровождали партию. Все этикетки были отброшены. Следование за вождем превратилось в гонку, и, хотя ширина водного пути составляла несколько миль, столкновения случались часто. Все были веселы, включая одну из жен вождя, чье каноэ перевернулось в суматохе. Ее спасли на фоне смеха и шуток, к которым она присоединилась.

По пути мы проплыли мимо множества каноэ, до краев нагруженных пиками. Все обходили их стороной, боясь захлебнуться, ведь щуки были необходимы для спорта.

Во второй половине второго дня мы прибыли на выбранное место, точнее, на большую стоянку в непосредственной близости от него.

Здесь для нас были приготовлены еще более замысловатые травяные хижины. Вождь предоставил мне хижину, расположенную совсем рядом с его собственной, - комплимент, который я не оценил по достоинству, потому что его оркестр играл, а женщины пели всю ночь и лишили меня всякого сна.

Как только мы прибыли, вождь отправился на своем быстроходном каноэ, чтобы осмотреть землю, по которой на следующий день должны были проехать лечве. Вернувшись, он сказал мне, что место было выбрано удачно и что лечве здесь обитают. Он также сказал, что нашел высокий муравейник, чтобы я мог стоять на нем и наблюдать за процессом.

С рассветом мы снова отправились в путь и примерно через час добрались до моего муравейника. Вождь отвел меня на вершину, указал направление, откуда придут антилопы, и объяснил планы на день.

Посмотрев в полевой бинокль, я увидел две слабые линии, которые, начавшись более чем в миле от нас на открытой равнине, сходились, образуя воронку. Узкий конец воронки заканчивался в четверти мили от моей муравьиной кучи и находился на одной линии с ней.

Слабые линии на самом деле были тонкими полосками сухой пальмовой ленты, белеющей в ярком солнечном свете. Через каждые несколько ярдов полоса огибала пучок высокой травы, что создавало впечатление, что здесь возведена однорядная изгородь или какой-то барьер.

Вождь назвал две тонкие линии стенами и заверил меня, что антилопа, если ее правильно загнать, не пробьется сквозь них.

Затем он обратил мое внимание на явное отверстие в узком конце воронки и спросил, вижу ли я что-нибудь, что могло бы помешать лехве бежать в этом направлении.

Я ответил, что не вижу никакой преграды. Он ответил, что лехве тоже не видят, поэтому, когда на них надавят, они бросятся к отверстию.

"Вот тогда-то и начнется спор", - добавил он.

Тогда я присмотрелся внимательнее и увидел, что в землю было вбито бесчисленное множество пик, железные острия которых были направлены вперед, к проволочному концу воронки. Трава была тщательно переложена.

Значит, таков был общий план: загнать лехве в воронку, спустить в нее и нанизать на пики в узком конце.

Отвечая на мои вопросы, он сказал, что многие тысячи избивателей, набранных из племен рабов, два дня пробирались через болота, собирая небольшие стада антилоп и медленно загоняя их вперед к устью воронки.

На боку муравьиной кучи он начертил палкой схему, показывающую, как располагаются бьющие. Он принял хорошо известный африканский способ обхвата - полумесяц, рогами вперед. Люди, образующие рога, уже достигли крайних точек воронки и медленно спускались вниз за линию. Антилопы, как он сказал мне, находились в дуге людей, идущих вперед.

Пока я не видел ни антилоп, ни людей, образующих дугу, - они были еще слишком далеко.

Тем временем все мужчины, приплывшие на небольших охотничьих каноэ, заняли свои места за пределами двух тонких линий или стен, но близко к ним. Как только они достигали своих мест, они садились и пропадали из виду в длинной траве. Вождь объяснил, что эти люди остаются незаметными до тех пор, пока лехве не пройдут мимо них, тогда их задача - встать и криками и жестикуляцией пугать антилоп. Если лехве пытались прорваться через борта воронки, каноисты должны были оттеснить их назад или отбросить.

Теперь я знал, чего ожидать.

Вождь вскоре покинул меня, так как ему тоже нужно было занять свой пост. Он попросил меня не высовываться, так как преждевременное разоблачение может испортить всю поездку.

Я улегся на муравейник, глядя в небольшую щель, которую проделал в высокой траве, венчавшей его. Я прекрасно видел, но не мог быть замечен.

Прошло немало времени, прежде чем я смог различить какое-либо движение даже в устье воронки. Я слышал крики бьющих, когда они приближались, сначала слабые, потом гул, потом рев.

Вскоре я увидел одинокого камышового барана, который очень медленно шел к скрытому ассегаю. Время от времени он останавливался, ставил клеймо, принохивался и свистел, чуя опасность. Что с ним стало, я не знаю. Я потерял его из виду.

Снова посмотрев через очки на вход в воронку, я увидел зрелище, которое заставило меня вздрогнуть. Хотя самые дальние битеры еще не появились, огромное стадо лехве, казалось, буквально перегородило воронку и уверенно рысило по ней. На полпути они остановились. Прекрасный баран повернулся и пошел к левой стене. Человек встал, и антилопа повернула в сторону противоположной стены; она снова пошла рысью, и огромное стадо последовало за ней. Когда они оказались в двадцати ярдах от пальмовой ленты, около дюжины мужчин встали. Все антилопы, кроме барана, остановились. Он, как и подобает хорошему парню, сделал смелую попытку вырваться на свободу. Он бросился вперед, собрался с силами и преодолел ограду. Один из мужчин в каное сделал движение. Было слишком далеко, чтобы что-то разглядеть, но когда лехве приземлился на землю, я понял, что он был зажат в воздухе одним из этих тяжелых охотничьих ассегаев.

Стадо недолго оставалось без вожака. Еще один баран вырвался вперед и рысью направился к узкому концу воронки. Все мужчины тут же присели. Было ясно, что этих охотников очень хорошо обучили.

Быстро продвинувшись на сотню ярдов, лехве остановились. Они были еще не напуганы, но очень подозрительны.

Сначала они повернулись в сторону правой стены: там стоял человек. Они перешли к левой: первый человек сел, а его противоположность встал. Антилопа перешла на рысь. Пройдя немного вправо, несколько сотен оторвались назад, и здесь, я думаю, была допущена ошибка, так как вместо того, чтобы оставить их на попечение избивателей, которые приближались, ведя перед собой еще много стад лехве, человек за человеком вставали, крича и дико размахивая руками.

Это привело к тому, что весь строй антилоп распался. Они метались туда-сюда, основательно перепуганные; некоторые прорвались сквозь стену, некоторые проскочили ее, некоторые бросились назад, а другие понеслись к ловушке.

Я наблюдал за последними. Их было несколько сотен. Они шли очень быстрой рысью, бараны держали головы вперед, носы вверх, а рога лежали вдоль спины. Один баран шел впереди. Он ударил грудью по одному из спрятанных пик и мощно подпрыгнул в воздух, истекая кровью из страшной раны в груди. Он приземлился на острие другой пики и поднялся с нее, его внутренности волочились за ним. Сильно ослабев, он прыгал и прыгал снова, пока, полностью обезглавленный, не упал и лежал неподвижно.

Убежать было невозможно: пики были установлены так близко друг к другу, что не было ни фута расстояния между ними. Они тянулись прямо через щель в воронке и на глубину сорока или пятидесяти ярдов. Я не думаю, что хоть один из этой части большого стада спасся. В течение двух минут они промчались мимо меня и устремились к спрятанным пикам. Все были растерзаны, прежде чем упасть замертво - и бараны, и овцы, и молодняк. Это было отвратительное зрелище.

Туземцы были в бешеном возбуждении. Несомненно, их единственной идеей было загнать лехве в ловушку, и это им удалось; но они также загнали значительную часть стада обратно к избивателям, которые давили другие стада перед ними. Замешательство было полным. Лехве метались во все стороны. Мужчины кричали и бросали свои ассегаи. Оглушительный рев поднялся со стороны бьющих, которые теперь приблизились вплотную. Время от времени несколько десятков лехве набрасывались на пики и усугубляли резню.

Я видел, как из суматохи к пикам неторопливо приближался сетутунга. При каждом шаге он высоко поднимал ноги - привычка, выработанная жизнью в папирусных болотах. Откуда ни возьмись появился туземец и, сбив его с ног, убил дубиной.

Поездка была окончена.

Вечером, когда я встретил вождя, он все еще был в ярости. Кто-то оплошал, и большая часть лехве сбежала. Более того, один человек в маленьком каноэ, бросая свой тяжелый асsegай в лехве, промахнулся мимо зверя и убил его брата. Повар самого вождя и несколько его спутников были растерзаны леопардом на равнине. Нет, поездка отнюдь не была успешной.

Я задался вопросом, каков был бы мешок, если бы все пошло по плану вождя. Я лично насчитал три сотни изуродованных туш, но, почувствовав недомогание, бросил подсчеты и вернулся в лагерь.

ЛЬВЫ МАКУЛУМИ.

Как же было жарко! Сентябрь 1897 года. Тогда я еще не подстрелил своего первого льва, и должно было пройти много-много месяцев, прежде чем мне улыбнулась удача. Госпожа Фортуна не часто снисходительно смотрит в мою сторону. Однажды она широко улыбнулась, когда я с тремя билетами выиграл первый, второй и третий приз в тотализаторе на Grand National; но с тех пор я никогда не выигрывал в тотализаторе.

Однако вернемся к сентябрю 1897 года. Да, клянусь Джинго, было жарко. Ни глотка воздуха, ни листочка на дереве. Дожди почти должны были начаться, но не выпало ни капли. Единственная тень была в тени повозки.

Но не только с палящим солнцем нам приходилось бороться. В пустыне Калахари процветает маленькое вредоносное крылатое насекомое - пчела Мопани, названная так в честь лиственного дерева, в котором она устраивает свой улей. Казалось бы, это существо должно иметь влагу, влагу любого рода - оно совсем не привередливо. И подумать только, что я ел то, что они называют медом мопани, пока однажды не увидел, как кучка этих пчел впитывает влагу из вспотевшего бегуна. Уф!

Эти пчелы десятками скапливаются в уголках ваших глаз, пытаются залезть в них, а затем собирают слезы, которые вызывают дискомфорт от их норы. Они будут толпиться в уголках вашего рта; когда вы откроете его, чтобы сдуть маленькие язвы, они бросятся внутрь. Слава небесам, пчела Мопани не жалит.

Мы с трудом добирались до Замбези из Булавайо. Наши повозки были перегружены, так как Калахари сильно потрепала наш скот, и поэтому у нас было мало волов.

Мы достигли и преодолели первые десять миль из тридцати пяти, отделяющих Макулуми от Касиби. Все, кто знал старую Охотничью дорогу, помнят этот участок. Первые десять миль идут неплохо, но следующие семь - это самый тяжелый и рыхлый песок, по которому волам когда-либо приходилось тащить повозку.

Между Макулуми и Касиби нет воды, поэтому майор, командовавший нашим небольшим отрядом, счел разумным отправить волов обратно с десятимильной точки, чтобы они

отдохнули в Макулулуми лучшую часть пары дней, прежде чем отправиться в следующий этап путешествия.

Во второй половине второго дня, следуя примеру моего вождя, я одержал верх над этими пчелами. Правда, я медленно задышался, но это было лучше, чем мучиться. Я лежал на спине под повозкой, с головой укрывшись одеялом, и очень сильно потел. Так продолжалось еще по меньшей мере три часа, прежде чем скот вернулся и мы продолжили свой путь.

Вскоре я услышал разговор на голландском языке между майором и одним из его парней. Я выглянул и увидел одного из погонщиков, который должен был быть со скотом.

"Что ты здесь делаешь?" - спросил майор.

"Львы, баас".

"Где? Сколько? Когда?"

"Прошлой ночью в Макулулуми. Да, их много, баас".

"Есть погибший скот?"

"Четыре, баас".

"Расскажи мне об этом".

Водитель рассказал свою историю. Оказалось, что накануне вечером, как только стемнело, мальчики собрали скот и погнали его к лагерным кострам. Волы немного постояли, а потом улеглись. Увидев это, мальчики легли спать. Когда зашла луна, скот снова отправился к водопоям, чтобы пить и пастись.

Вскоре у воды поднялся большой переполох, волы ревели и топали. Мальчики встали и побежали вниз с фонарями и ружьем. Там они обнаружили трех волов, лежавших мертвыми в ста ярдах друг от друга, и четвертого, тоже мертвого, на небольшом расстоянии. У каждого вола была сломана шея, но в остальном он не имел никаких признаков. Одному из мальчиков показалось, что он услышал льва в траве, и он выстрелил из винтовки.

Снова собрав скот, они погнали его к лагерным кострам и до конца ночи вели строгий дозор.

На рассвете они вернулись к месту убийства и обнаружили, что львы вернулись к тушам и плотно пообедали двумя из них, третья была съедена наполовину, а четвертая осталась нетронутой.

Это была настоящая катастрофа; мы просто не могли пощадить этих четырех волов.

"Где сейчас скот?"

"На водопое с другими мальчиками".

"Что ты сказал делать другим мальчикам?"

"Пусть скот пасется до заката, а потом полейте его и приведите с собой".

"Хорошо. А теперь давайте займемся делом".

Во время этого разговора я вылез из-под повозки и теперь слушал.

"Что вы собираетесь делать?" спросил я.

"Пойду назад и уничтожу несколько львов".

"Можно мне тоже пойти?"

"Ты когда-нибудь стрелял в льва?"

"Нет".

"Вы когда-нибудь видели льва?"

"За пределами зоопарка - нет, но мне бы хотелось".

"Что ж, вы можете прийти при одном условии".

"Каком?"

"Не стреляйте, пока я вам не разрешу".

Я пообещал. Это было настоящее приключение!

Майор взял топор и длинный шнур. Он передал мне билли-кан, две чашки и кофе. Он выбрал двойной 303-й калибр из своей батареи. Я взял единственную имевшуюся у меня винтовку, а именно однозарядный "Мартини-Метфорд".

Без лишних слов мы отправились преодолевать десять миль до Макулулуми. Тропы, конечно, не было, только заросшая колея для фургонов через лес. Движение по этой дороге было недостаточным, чтобы справиться с лопухами, которые вырастали вокруг каждого дерева, срубленного при прокладке этой так называемой дороги. Те, кто изначально прокладывал дорогу, не потрудились обкорнать ее. Идти было утомительно, и, как ни был я легко нагружен, вскоре обнаружил, что то небольшое, что мне пришлось нести, становится для меня все более тяжелым бременем.

Примерно в миле от места назначения мы встретили остальных туземцев, перегонявших скот. Мы остановились на несколько минут, чтобы расспросить их. Они не подпускали стервятников к четвертому быку, который был еще цел, но птицы почти полностью съели трех других. Незадолго до их отъезда появился бушмен, привлеченный кружащими стервятниками. Его заставили сторожить еще нетронутого быка на случай, если мы вернемся за львом.

Все это нас удовлетворило, и, велев мальчикам досмотреть повозки, когда они до них доберутся, и как можно дольше пробираться по плотному песку, мы двинулись в путь.

Мы без труда нашли место, где были убиты быки. Сотни стервятников, наевшись мяса, сидели на верхних ветвях кучи деревьев. Чуть дальше при нашем приближении встал необычайно высокий бушмен.

Майор опытным глазом осмотрел местность и быстро составил свои планы.

Водоемы Макулулуми на самом деле представляют собой ряд водоемов, расположенных вдоль пересохшего русла небольшой реки. От трех убитых волов остались лишь кости и шкура; они были убиты в русле реки. Четвертый лежал на дальнем берегу, где река делала крутой изгиб и сужалась не более чем на дюжину футов.

Майор выбрал точку как можно ближе к берегу и прямо напротив мертвого быка. Он не стал тратить время на объяснения, а, взяв топор, велел мне следовать за ним. Солнце уже начало

садиться. Он поспешил к ближайшей куче небольших деревьев и быстро срубил их, обрезая ветки и распиливая на жерди длиной около шести футов.

Моя часть работы заключалась в том, чтобы донести столбы до поворота. Всего было срублено двадцать штук, толщина которых варьировалась от двух до пяти дюймов в диаметре. Затем мы соорудили нашу моральную опору, ибо больше ее не было. Я держал верхушки трех жердей, пока майор связывал их вместе куском веревки, который он принес с повозки. Затем, поставив их на концы, он раздвинул их, чтобы получилась тренога. Ее он укрепил дополнительными жердями, которые скрепил полосками коры. Готовое убежище напоминало скелет колокольной палатки. Оно не отличалось ни прочностью, ни устойчивостью, поскольку у нас не было времени утопить концы жердей в пропеченной солнцем земле.

К тому времени солнце уже село, и бушмен, который все это время молча наблюдал за нами, сказал что-то на своем странном щелкающем языке и поспешил прочь, предположительно в безопасное место.

Майор решил, что нам не помешает поесть, и, вернувшись вдоль реки, пока мы не пришли к сухому месту с высокими берегами, разжег костер. При виде пламени я понял, что замерз. Мы и не думали о своих куртках под лучами полуденного солнца. Однако ничего не оставалось, как довести дело до конца.

Я чувствовал себя вполне комфортно после нескольких порций говядины и хлеба, запитых двумя-тремя чашками горячего кофе.

В восемь часов мы как можно тише вернулись в наш форт, застигнув по дороге гиену, которая сдирала шкуру с одного из волов. Нам пришлось очень осторожно заползти в наше убежище, боясь задеть столб и обрушить все на уши.

Как только я оказался внутри, у меня было достаточно времени для размышлений. Мы сидели в трех ярдах от берега реки, ширина которой в этом месте составляла всего четыре ярда. В ярде от противоположного берега лежал мертвый бык; за быком, примерно в ста ярдах, трава была выжжена коротко; дальше снова была длинная трава и густой кустарник.

Луна, полная на три четверти, зайдет только через пять часов; между рекой и густым кустарником все было почти ясно, как днем; мы могли видеть вверх и вниз по руслу реки. Бык, сильно поредевший за день под палящим африканским солнцем, был слишком близко, чтобы быть приятным, и, находясь на одном уровне с нами, заслонял большую часть пейзажа на другом берегу реки. Мы отчетливо слышали, как гиены, шакалы и мелкие падальщики ссорятся из-за обрывков костей, шкур и отбросов, оставленных львами и стервятниками.

Мы сидели лицом к быку. Майор решил, что если львы и появятся, то только из густого кустарника впереди, поскольку сразу за нами на значительном расстоянии была открытая местность.

Как ни странно, мне очень хотелось спать. Мы посовещались шепотом, и было решено, что я должен спать, пока могу. Майор пообещал разбудить меня, если ситуация станет интересной. Ему не хотелось спать.

Я лег, положив винтовку на бок, прислонив голову к одному столбу, а ноги - к другому. Я заснул почти сразу, несмотря на холод и твердость земли. Ночной воздух был не только холодным по сравнению с жарким днем, но и испарения из водяных ям снижали температуру.

Меня разбудил звук винтовки моего спутника. Приподнявшись, я увидел в воздухе льва, который спускался к нам. Майор выстрелил еще раз, и лев упал в ручей, буквально у наших ног. Я отчетливо видел его крестец и хвост. Его ярость была ужасающей, когда он пытался добраться до нас. Его рев, должно быть, был слышен на многие мили вокруг, и, несомненно, многие бушмены и многие звери вздрогнули от его звука.

Я помню, как кричал во весь голос: "Я вижу его крестец. Мне стрелять?"

Ответ, должен признаться, привел меня в замешательство: "Крестец - это не тот конец, но если он покажет голову, стреляйте".

Я так внимательно следил за борющимся зверем, что не заметил, как подошел второй лев. Он дал знать о своем присутствии ревом, который громко и отчетливо прозвучал над грохотом его раненого собрата. Он стоял широким боком к нам, прямо за быком. Майор выстрелил, и лев бросился вперед. Шум был оглушительным. Хор двух раненых львов - такое нечасто услышишь.

Теперь я наблюдал за вторым львом. Он бросился в сторону кустарника, передумал и бросился на нас. Он несясь огромными прыжками, ревя на ходу, а затем, подумав, резко остановился, вздымая тучи пыли, и остановился почти на быке. Я мог видеть только его голову, да и то очень нечетко из-за пыли, которая теперь окутывала и льва, и мертвого быка.

И снова успокаивающее предупреждение: "Не стреляй, пока не сможешь разглядеть его лучше".

Пока майор говорил, лев свернул с дороги и рысью направился обратно к кустам, злобно похрюкивая на ходу.

"Вот он опять идет!" Так он и сделал, скача по дороге и ревя так, что я засомневался, выдержит ли наш дом из жердей вибрацию звука.

Снова лев замешкался, снова метнулся в сторону, на этот раз в кусты. Мы слышали, как он продирался сквозь него, пока снова не наступила тишина, поскольку первый лев уже перестал подавать признаки жизни.

Должен признаться, что тогда я почувствовал себя крайне неудобно. Мое сердце стучало, как кувалда. Мне захотелось выйти и размять ноги. Огромное количество действий было сжато в короткий промежуток времени, вероятно, не более десяти минут. На предложение майора взглянуть на мертвеца я отреагировал с готовностью - слишком с готовностью: моя нога зацепилась за один из столбов, и вся конструкция рухнула ему на голову.

Освободившись, он спустился в русло реки и стоял, глядя на льва. Я последовал за ним.

Не знаю, почему я это сделал - какой-то внезапный импульс, которому я не могу дать объяснения, - но я шагнул вперед и, подняв голову льва двумя руками, заглянул ему в глаза.

Я определенно слышал, как майор говорил, и отчетливо слышал, что он сказал.

"Какого дьявола ты делаешь, проклятый молодой дурак? Брось эту голову и уходи. Откуда ты знаешь, что он мертв?"

Я не обратил внимания. Я не мог. Я был в ужасе, загипнотизирован. Я не мог ничего сделать, только смотреть и смотреть.

Несомненно, лев был мертв, но свет в его глазах - нет. Он умирал, но не умер. Это был пылающий, яркий, ослепляющий свет - как будто свет необузданного духа, неохотно покидающего могучее тело.

Когда, наконец, я отпустил эту грубую голову, свет померк; я стоял, дрожа, чувствуя себя маленьким и ничтожным, как тот, кто смотрел на то, что ему не суждено было увидеть.

БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ ЛЮДИ ЗА ИГРОЙ.

Белый человек выше черного и должен показывать это в своих манерах и поведении.

Это неписаный закон, который соблюдается с первых дней существования любого из наших африканских поселений.

Человек, нарушивший этот закон, подвергается быстрому и суровому наказанию: его сторонятся представители его касты и цвета кожи.

Говорят, но в целом это правда, что по мере процветания поселения этот прекрасный закон отходит на второй план. Люди без манер прибывают и вскоре становятся большинством.

Но вначале белый человек очень внимательно следит за собой. Он знает, что все глаза устремлены на него. Он не должен позволять себе отступать. Соблюдая закон, человек очень стесняется себя и может показаться жестким и несимпатичным.

В самом начале существования Казунгулы туземцы наблюдали, как некоторые белые люди расслабляются, и это зрелище вызывало у них не меньший интерес, чем осознание того, что их видели, причиняло белым людям боль.

В течение многих дней туземцы Казунгулы собирали множество зрителей в любой точке страны, ведь разве не они, и только они, видели белых мужчин за игрой?

Произошло это следующим образом.

Одинокий белый человек стоял на северном берегу реки Замбези и смотрел на другой берег.

Это был Найт, туземный комиссар, который последние две недели ежедневно ожидал прибытия фургонов с провизией и другими запасами на год. У него почти ничего не осталось. Ни сахара, ни чая, ни единственной бутылки джина в погребе.

Каждый вечер он мечтал о привычном "сарафане", но решил не открывать единственную оставшуюся бутылку, чтобы не попасть впросак. Что он имел в виду под случайностью, он

сказать не мог. На прямой вопрос он мог бы ответить: "О, все может случиться, никто не знает".

Сегодня ночью, по какой-то неведомой ему самому причине, он был более нетерпелив к нерасторопным повозкам, чем обычно. Неужели эти проклятые штуки никогда не приедут?

Солнце садилось, и небольшие утиные стаи спускались по течению к болотистым местам кормежки. В том же направлении пролетел гусь.

Камышовые птицы большими шумными стаями выбирали себе место для ночлега. Казалось, они никак не могут определиться. Не успевали они расположиться на одном участке тростника, как с большим щебетаньем отправлялись на поиски лучшего места. Так они делали уже не меньше дюжины раз, и их нерешительность раздражала человека.

Пухлый зимородок, сидевший на бревне почти у его ног, время от времени нырял на мелководье и снова возвращался на свой насест. Найт заметил, что эта занятая птица обычно возвращается с крошечной серебристой рыбкой в клюве, и мысленно похвалил ее за удачную рыбалку.

Повозки не приходили и не придут до вечера. Солнце село, и становилось все темнее. Поднялся прохладный ветер, и камышовые птицы замолчали. Наблюдатель медленно повернулся и пошел в сторону своего лагеря.

Остановившись, он увидел странного человека, который ковылял к нему по тропинке, ведущей вдоль реки. В угасающем свете он увидел, что незнакомец - белый человек в сопровождении одного туземца, что у него длинная светлая борода, что он необычайно высок, что его штаны обрезаны выше колена, что у него нет сапог, что он очень хромым и ноги у него перевязаны тряпками. Короче говоря, он увидел белого человека, попавшего в беду.

Он забыл о своих мелких неприятностях и поспешил навстречу новичку.

Он произнес обычное приветствие "Халлоа".

"Hulloo", - раздалось в ответ.

"Вижу, немного не хватает".

"Да, я уже почти закончил".

"Позвольте мне помочь вам добраться до моего лагеря".

"Спасибо; я слышал, что найду вас здесь".

"Далеко пришли сегодня?"

"Да, от водопада".

"Сорок пять миль, ей-богу!"

"Да, думаю, именно столько".

Оба мужчины замолчали: высокий - потому что был очень измотан и остро чувствовал, что его путь подошел к концу; более низкий - потому что понимал состояние своего спутника и не хотел беспокоить его вопросами, которые вполне могли подождать.

Достигнув лагеря, рыцарь крикнул своему слуге-телохранителю: "Горячую ванну и побыстрее!" Повернувшись к своему спутнику, он сказал: "Ты бы хотел принять горячую ванну, не так ли?"

"Есть только одна вещь на свете, которую я хотел бы получить больше, но, несомненно, вы можете дать мне и то, и другое".

"О, я знаю; вы, конечно, хотите выпить. Я сейчас принесу. Садитесь."

"Будь прокляты эти повозки", - пробормотал Найт, торопливо доставая последнюю бутылку джина. Вторым его побуждением было возблагодарить Бога за то, что бутылка оказалась "малышкой", то есть самого большого размера.

Вернувшись с драгоценной "малышкой", он впервые ясно увидел лицо своего гостя. Туземцы разожгли костер, и его свет падал на сильные черты незнакомца.

"Боже правый! Это же Линдси!"

"Да, а почему бы и нет? Разве вы не узнали меня сразу?"

"Нет. Не хотите ли воды или чарки с джином?" - спросил Найт, наливая примерно полстакана спиртного - количество, известное путешественникам как "три пальца".

"Я за ним сбегая", - сказал Линдсей и, отхлебнув джина, протянул свой стакан за водой.

"Ванна готова, Морена", - позвал чернокожий мальчик из соседней хижины.

"Будешь еще?" - спросил хозяин.

"Нет, спасибо. Я могу принять горячую ванну".

Уставший мужчина вошел в хижину, за ним последовал туземец, который добрался до лагеря вместе с ним.

Найт позвал кухарку и стал оценивать ситуацию. Что у нас на обед? Суп. О да, суп был всегда, его готовили, разваривая кости и мясо, добавляя несколько сушеных овощей и загущая гороховой мукой.

Рыба? Хороший человек; значит, он поймал немного в тот самый вечер? А еще была холодная свиная голова из кустарника. Да, это им понравится. Что еще? Вспомнив о том, что его кухарка называла омлетом, он отказался от мысли о яйцах.

Конечно, были куры. Они только что улетели на насест и теперь вели себя тихо после шумного отхода ко сну. Да, два совсем молодых цыпленка, зажаренных вкрутую, с большим количеством черного перца и немного соли. И еще в магазине был консервированный сливовый пудинг, его бы они съели.

Этот сливовый пудинг ежедневно предлагался поваром, но всегда отвергался, потому что его могли захотеть. Сейчас он был нужен. Да, они будут есть сливовый пудинг.

А потом был джин. Что ж, в конце концов, не все так плохо. Суп, рыба, цыплята, холодная свиная голова и горячий сливовый пудинг - чего еще желать двум мужчинам?

К этому времени Линдсей наплескался от души, и щедрые свойства джина возымели свое действие. Он почувствовал себя новым человеком.

"Ты уже вышел из ванны?"

"Да; не могли бы вы дать мне какую-нибудь чистую одежду?"

"Конечно, но подойдет ли оно вам?"

"О, почти. Оно будет чистым, а это главное".

Линдсей, рост которого в носках составлял шесть футов три дюйма, влез в одежду хозяина, так как Найт был ниже ростом на шесть дюймов, но, к счастью, шире в плечах.

"В сапогах не могу".

"О, ничего страшного. Дайте мне несколько лимбо [B], чтобы перевязать ноги".

Во время перевязки лагерные собаки начали громко лаять, и оба мужчины приостановились, чтобы послушать.

"Кстати, - сказал Линдсей, - это, должно быть, Хобдей. Я шел впереди него, а он такой медлительный. Вы знаете Хобдея? Он "таблетки" для нашей экспедиции. Неплохой парень, если говорить о врачах".

"Нет, я его не знаю, а вы мне еще не сказали, что это за экспедиция и вообще ни о чем".

"Ну, мы прошли через всю страну от Занзибара, точнее, от Момбасы, в поисках полезных ископаемых".

"Нашли что-нибудь?"

"Нет".

"Ну, тогда я лучше пойду и посмотрю - как, вы сказали, его зовут?"

"Хобдей, довольно маленький парень".

Найт вышел из хижины и, проходя мимо кухни, заказал еще одну ванну и сказал повару, что, поскольку прибывает второй белый человек, он должен убить еще одну курицу.

Почти сразу же появился Хобдей. Это был невысокий, точный человечек, склонный к пузатости.

"Как поживаете? Меня зовут мистер Хобдей. Я медик, прикрепленный к важной экспедиции, возглавляемой мистером Дж. Г. Линдсеем, который, возможно, вам не знаком".

На это многословное приветствие Найт ответил: "Что ж, пойдете, выпьем, примем горячую ванну и переоденемся, а к тому времени и ужин будет готов. Линдси уже здесь".

"Я не часто балуюсь алкогольными напитками и никогда днем, но после очень утомительного дня..."

"Скажите, когда. Будете ли вы пить игристое или предпочитаете воду?"

"Э-э, спасибо, пожалуйста, спарклэт. Я придерживаюсь мнения, что газировка - очень полезное изобретение. Чего бы не отдал великий путешественник и охотник Гордон Камминг за то, что представляет собой портативный завод по производству содовой воды? Спасибо, этого вполне достаточно. И, как я всегда говорю своим пациентам, если они должны пить алкоголь, они найдут в джине его наименее вредную форму".

"Какой странный маленький дьявол", - подумал Найт.

"Я очень обязан вам за этот стимулятор, а теперь я буду еще больше и еще глубже обязан вам, если смогу принять ванну. Я всегда говорю, что горячая ванна, когда человек устал, оживляет его быстрее и эффективнее, чем что-либо другое".

Найт затруднился с ответом и почувствовал облегчение, когда объявили, что ванна принята, и доктор скрылся в хижине.

Линдсей выглядел крайне забавно в одежде Найта. Старая стрелковая куртка была немного коротка в юбке и рукавах. Брюки доходили до половины голени высокого мужчины, но он чувствовал себя чисто и комфортно, и внешний вид не имел значения.

"Будете еще?"

"Спасибо".

Двое мужчин сидели и разговаривали, пока третий принимал ванну.

Остальные члены экспедиции остались у водопада Виктория. Белых было с десяток, а туземцев - около ста пятидесяти. Линдсей узнал, что Найт находится в Казунгуле, и отправился к нему. Они вместе пережили восстание матабеле и имели другие общие переживания. Хобдей тоже настоял на приезде. Его преданность "начальнику экспедиции" скорее смущала Линдсея. В целом он был неплохим парнем и очень способным врачом. Остальные, за исключением Грея - Найт знал Грея, - были профессиональными старателями, достаточно хорошими людьми в своем деле, но в экспедиции они доставляли массу хлопот.

Нет, они не нашли ничего действительно стоящего, подумал Линдсей, но некоторые признаки нефти могут оказаться очень кстати.

Да, они ехали домой прямо от водопада через Булавайо, Солсбери и Бейру, и если кто-то из них вернется, чтобы еще раз взглянуть, то только сюда, а не в Момбасу.

Вопрос "Еще?" был задан и получил удовлетворительный ответ, прежде чем Хобдей появился вновь. В одежде хозяина он выглядел так же забавно, как и Линдсей. Единственное отличие заключалось в том, что предоставленные ему пальто и брюки были так же велики для него, как и малы для Линдси.

Хобдей начал было извиняться за свой внешний вид, но объявление о том, что ужин готов, оборвало ненужную речь.

Все трое были голодны, а двое гостей - особенно.

Если во время ужина Хобдей замечал, что туземец пополняет свой стакан всякий раз, когда тот пустеет, он не выражал протеста.

Разговор почти сразу же перешел на Англию, на Лондон и на то, что каждый из них видел и делал, когда был там в последний раз. Ближе к концу трапезы речь зашла о танцах. Все согласились, что эти новые танцы, джаз, шиппинг, два шага, фокс-трот и другие, невозможны, что между ними и обычными каффирскими танцами мало разницы, если она вообще есть. Хобдей стал весьма красноречив на эту тему и, когда они пересели на стулья, приготовленные для них вокруг костра, грациозно отчеканил такт, который он с удовольствием назвал величественным вальсом, и затем противопоставлять его тому, что он назвал нелепыми пранками сегодняшнего дня.

Хотя нелюбезные термины, которые он применил к современным танцам, можно было с равной справедливостью применить и к вальсу в его исполнении, его спутники согласились и снова заговорили о танцах, на которых они побывали, когда в последний раз были дома.

Вдруг Линдсей сказал: "А почему бы нам не потанцевать? Один может напевать мелодию, а двое других танцевать. Мы можем танцевать по очереди и поворачиваться к нему. Вы с Хобдеем танцуете первыми, а я буду напевать. Почему бы и нет?"

Так начался танец, о котором до сих пор говорят туземцы, видевшие его.

Линдсей напевал "Итонскую лодочную песню", а Найт и Хобдей вальсировали вокруг костра. Несмотря на то, что он покачивался в неоправданно энергичной манере, Найту было ясно, что Хобдей побывал в бальном зале.

Затем Найт сел и стал напевать "Голубой Дунай", но очень плохо и со многими нотами, чуждыми мелодии, ведь Линдсей был ростом метр восемьдесят три, а Хобдей - метр пятьдесят четыре!

Затем Найт и Линдси танцевали под "Веселую вдову", которую напевал Хобдей. Несмотря на забинтованные ноги Линдси, они отлично ладили друг с другом, ведь в цивилизации оба считались хорошими танцорами.

После этого каждый из них слегка подкрепился еще одной порцией джина, и именно тогда Хобдей показал себя человеком с богатым воображением.

"Давайте все потанцуем, - сказал он. "Давайте станцуем "Лансеров"".

"Как?" - сказал Линдси, - "нас всего трое, а танцоров должно быть не меньше восьми".

"Это неважно, - ответил Хобдей, - вы двое - по сторонам, я - сверху и снизу; наши партнеры - ну, они в Англии, разве вы не видите?"

Так и получилось, что в самом сердце Африки, под звездным небом, три здравомыслящих и более или менее трезвых англичанина протанцевали танец "Лансеров" от начала до конца, один - верх и низ, двое других - стороны, а их партнеры присутствовали только в мыслях каждого.

После танца они молча стояли вокруг угасающего костра, вглядываясь в угли.

Кто может сказать, какие прекрасные формы и лица они там увидели?

Именно Найт столкнул поленья в костре и тем самым вызвал внезапное пламя.

"Что это?" - спросил Линдсей, вглядываясь в темноту.

Все посмотрели и увидели белки глаз бесчисленных чернокожих мужчин, в которых отражался свет костра. Затем раздался топот множества ног, и молчаливые свидетели танца поспешили прочь.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ МОСТОВ.

Если в разговоре родезийцы упоминали "старика", их соотечественники знали, что имеется в виду Сесил Джон Родс.

Никто из тех, кто знал его лично, не говорил об этом великом человеке как о Родсе; в Родезии такая фамильярность считалась дерзостью.

Если кто-нибудь в клубе Булавайо говорил: "Родс сказал мне...", мы отворачивались, так как знали, что парень собирается солгать.

Нет, это должен быть "мистер Родс" или "Старик".

Лично я никогда не заходил дальше "мистера Родса" при его жизни и не вижу причин для этого теперь, когда он умер.

Как я уже собирался заметить, лучшим произведением воображения, которое когда-либо делал мистер Родс, был план железной дороги из Кейпа в Каир. Он еще не осуществлен, но это неважно; когда-нибудь мы его увидим, если только летучие мыши не убьют поезд.

Краеугольным камнем этой фантастической работы, несомненно, является мост через водопад Виктория.

Я наблюдал, как строится этот мост, не балка за балкой, конечно, но в целом. Старый Мкуни наблюдал за ним балка за балкой.

Мкуни был старым дикарем, который в далекие молодые годы выделил для себя небольшое королевство. Ему принадлежал левый берег маленькой реки Марамба, несколько квадратных миль скал, несколько акров хорошей земли и водопад Виктория.

Человек, который смог обосновать свои притязания на водопад, имеет право считаться сколько-нибудь значимым.

На памяти людей большое стадо слонов прошло над водопадом и окунулось в кипящий котел внизу - благородное подношение духам, обитающим там. Тот, кто отрицает, что водопады - обитель духов, - глупец, будь он белый или черный.

Старый Мкуни присматривал за водопадом и разными способами удовлетворял потребности духов, населявших это место. Именно он в честном и жестоком бою отбил это драгоценное место у старого Секуте, стенобитного грубияна, жившего на северном берегу Замбези.

Чтобы скрыть свое поражение от глаз проходящих мимо туземцев, старый Секуте установил благородную аллею из шестов от реки до своей деревни. На каждом столбе он разместил по человеческому черепу; он поклялся, что это головные уборы людей Мкуни. Мкуни мог позволить себе смеяться, ведь он и весь мир не знали, что некоторые из этих мрачных трофеев - головы собственных последователей Секуте, убитых людьми Мкуни и пополненных за счет полусотни собственных рабов Секуте? И все это было до того, как Ливингстон обнаружил водопад.

Так что, как видите, Мкуни был человеком, достойным уважения. Он всегда пользовался моим, и мы быстро подружились.

Мне выпало рассказать ему о мосте, который должен был стоять над бурлящими водами. Он заинтересовался и безропотно дал согласие.

Когда он спросил, как это будет сделано, мне пришлось признаться, что я не знаю; инженерные подвиги не в моей компетенции.

"Вы собираетесь его строить, Морена?"

"Нет".

"Кто же тогда построит этот мост?"

"Люди Великого Человека".

"Короля всех белых людей?"

"Нет, не он сам, а один из его величайших людей".

"Если бы король построил его, я бы поверил, или, - добавил он очень вежливо, - если бы вы построили его, я бы согласился, что это можно сделать, но что другие знают о мостах?"

Ответить на этот вопрос было трудновато, поэтому я попросил его посмотреть.

Мкуни воспринял мои слова буквально; он действительно наблюдал. Ежедневно его можно было видеть на скале, откуда открывался вид на работу, в окружении большого количества своих людей.

Время от времени к наблюдателям добавлялись чужаки с материка. Всем Мкуни говорил:

"Разве я уже не старик? Разве я не убил многих в бою? Не я ли отнял громовой дым у одного человека? Кто же знает столько о строительстве мостов, как не я?"

С этим бессодержательным аргументом толпа наблюдателей роптала в полном согласии.

"Когда человек строит маленькую хижину, нужен ли ему шест от земли до крыши?"

"Нет", - отвечают ему зрители.

"Это верно, но если человек строит хижину высотой до небес, разве не нужен шест?"

Все согласились, что это так.

"Но посмотрите на этих белых людей, которые строят мост через грозовой дым. Строит его не король белых людей, и не он собирает с нас налог на хижины, а чужеземцы. Они строят этот мост с северного берега и с южного, но где же столб, чтобы удержать крышу моста?"

День ото дня число сторонников Мкуни росло.

"Приходите посмотреть, как мост белых людей падает в бурлящие воды", - таков был его ежедневный призыв, и многие приходили.

"Мне жаль этих белых людей, ведь они работают без пользы".

И приверженцев Мкуни становилось все больше.

Но, несмотря ни на что, работа продвигалась. Тонкие стальные руки, протянутые с обоих берегов, с каждым днем все больше приближались к сцеплению рук, а мост все не падал.

Бедному старому Мкуни, твердо верившему в это, было трудно смириться с тем, что число его товарищей по наблюдению уменьшилось. Он был крайне возмущен. Напрасно он говорил, нагромождая неопровержимые аргументы на неопровержимые аргументы. Кто-то сказал, что

нет ничего, чего бы не мог сделать белый человек. Многие согласились с этим и разошлись по домам.

Наконец инженер, построивший мост через водопад Виктория, увидел, что его работа завершена.

Мкуни тоже увидел, что работа закончена - все, кроме столба посередине, чтобы он не упал.

От волнения бедный старик заметно осунулся; уменьшилось и число тех, кто верил в него и пришел по его приглашению посмотреть вместе с ним на катастрофу, которая, как он уверял, должна постигнуть этот мост.

Бедный старый Мкуни!

Надо признать, что в сыром, необученном дикаре есть что-то от джентльмена, и когда первый поезд благополучно проехал по мосту через водопад Виктория, Мкуни стоял один на своей скале. Никто не остался свидетелем его разочарования.

Он медленно спустился к своей деревне. Все в ней были заняты своими обычными повседневными делами; все чужаки спокойно разошлись по своим делам.

ЗАКОНЧЕННЫЙ РЫБОЛОВ.

Р. Э. Бейкер был назначен проводником наших повозок во время одного из путешествий из Булавайо в Замбези, и более способного скотника, чем он, я уверен, не было между Кейпом и Каиром.

Если вол не мог тянуть, он его заставлял. Если вол заболел, он вылечивал его с удивительной быстротой.

Бейкер, хотя и англичанин по происхождению, был кейп-голландцем насквозь. Быка с плохим характером он называл "Англичанин" и порол несчастное животное, чтобы оно лучше себя чувствовало.

С другой стороны, он проходил много миль, чтобы найти хорошее пастбище для своего скота, и увидеть, как Бейкер ласкает вола, было незабываемо. Не будучи сам скотоводом, я подумал, что наш проводник выкалывает глаз быку. Это было очень похоже на правду. Он вращательными движениями вдавливал кулак в глаз животного.

В ответ на мой вопрос он объяснил, что ласкает вола, что скот ценит внимание; нужно быть энергичным, а то защекочешь бедняжку, а волы не любят, когда их щекочут.

Очевидно, он был прав, потому что каждый вол, когда Бейкер приближался, казалось, знал, чего ожидать, и безропотно подчинялся.

Через несколько дней пути из Булавайо Бейкер вернулся с воды, неся рыбу. По его словам, он поймал их в большом водоеме. Мне и в голову не приходило, что в почти пересохших реках, которые мы время от времени пересекали, может водиться рыба. Бейкер заверил меня, что где есть вода, там есть и рыба, только надо знать, как ее поймать.

Через день или два мы проплыли недалеко от нескольких водоемов. Бейкер сказал, что собирается ловить рыбу, и спросил меня, не хочу ли я тоже пойти с ним. Я сказал, что хочу, и начал распаковывать удочку и снасти, которые купил в Лондоне, намереваясь ловить тигровую рыбу в Замбези.

Бейкер наблюдал, как я распаковываю вещи и делаю свой выбор. Казалось, его это очень забавляет. Вскоре он достал из кармана свои собственные снасти, которые показались мне беспорядочной массой спутанных ниток и крючков.

Мы отправились в путь. Бейкер остановился у небольшой глубокой ямы с прозрачной водой. Настала моя очередь улыбнуться. Озерцо, в котором он собирался ловить рыбу, было чуть больше, чем ванночка с водой.

Я пошел дальше и нашел довольно длинный бассейн. Вода была довольно мутной, и я нигде не обнаружил глубины. Однако я надеялся на лучшее и ловил только у самого дна. В качестве наживки я использовал небольшой кусочек мяса из грудки дикого голубя, рекомендованный Бейкером.

Я обладаю определенным запасом терпения, но, как мне кажется, не настолько большим, чтобы называть себя рыбаком. Примерно через два часа этой возни я бросил это занятие и отправился на поиски Бейкера.

К моему изумлению, у него на траве рядом с собой было довольно много рыбы.

"Ты поймал их все?" спросил я.

"Да".

"В той лунке?"

"Да".

"Как вам это удастся?"

В ответ он спросил, сколько я поймал. Я ответил: "Ни одной".

"Ах, - сказал Бейкер, - вам надо не рыбачить, а ловить. Смотрите на меня".

Я сел и стал наблюдать.

В руке у Бейкера была короткая толстая палка. С конца палки свисал толстый кусок плетеного шнура. На конце шнура висел камень с отверстием, который мы, дети, называли счастливым камнем. Прямо над камнем он привязал голубя, содранного с кожи, - всю птицу. От птицы во все стороны расходились крючки; крючки были установлены под всеми мыслимыми углами - десятки крючков. Время от времени Бейкер подбрасывал в наживку несколько хлебных крошек. Я отчетливо видел, как мелкие рыбки собирались вокруг. Время от времени он наносил резкие удары. Почти каждый раз он подсекал мелкую рыбешку, в основном под челюсть или в брюхо. Каждый раз, когда он подсекал рыбу, он повторял: "Мой парень, ты не должен ловить рыбу, ты должен подсекать".

Когда мы добрались до реки Гвай, Бейкер достал длинную леску с огромным крючком на конце. В качестве наживки он использовал кусок стирального мыла. Я не пошел с ним, потому что не был готов, а ему не терпелось начать.

"Здесь мы поймаем больших барбусов", - сказал Бейкер.

Я последовал за ним и увидел, как он забросил кусок мыла далеко в реку. Я стоял на берегу и наблюдал.

Бейкер раскурил трубку, посмотрел вверх и вниз по реке и на свою леску. Затем он переложил леску в левую руку, которую поднял к левому уху. Правой он сделал извилистое движение возле головы и произнес: "Улло! Обмен; соедините меня с мистером Барблом, пожалуйста, мисс".

К моему большому удовольствию и явному удивлению Бейкера, он резко дернул за леску. Некоторое время он оставался с рукой, подвешенной к правому уху, словно все еще держась за ручку старомодного телефонного аппарата. Затем он нанес сильный удар. Но барбл - если это действительно был барбл - успел выплюнуть кусок мыла и скрыться.

Бейкер, все еще не подозревая о моем присутствии, сказал: "Черт бы побрал этого парня!" Он переложил трубку в правую руку и снова изобразил пантомиму выхода на биржу, на этот раз звоня левой рукой.

"Улло! Это вы, Биржа? Соедините меня с мистером Барблом, пожалуйста, мисс".

Рыба не отвечает.

"Улло! Биржа! Что? Мистер Барбл не отвечает? Ушел на обед, да?"

Я тихонько двинулся вверх по реке и со временем сумел поймать рыбу-грязевика весом в сорок восемь фунтов. Вернувшись через пару часов, я обнаружил, что Бейкер поймал две огромные рыбы того же вида: одна весила пятьдесят три фунта, другая - пятьдесят девять. Он также поймал ядовитого на вид угря. Как он поймал этих чудовищ, он не стал мне рассказывать; он довольствовался тем, что повторял: "Мой мальчик, ты не должен ловить рыбу, ты должен ловить угол".

Когда мы достигли Замбези, Бейкер почти не обращал внимания на свой скот. Он никогда раньше не видел этой великой реки. Он сразу же достал леску и отправился ловить рыбу.

Спустившись по берегу реки, я увидел Бейкера, стоящего на камне в нескольких ярдах от берега.

На берегу сидел старик и наблюдал за ним.

"Есть успехи?" - спросил я.

"Нет".

"Давно здесь?"

"Не очень давно, но этот старик слишком много говорит, чтобы мне понравиться".

Я посмотрел вниз на старика. Он поднял на меня глаза. Он поприветствовал меня на местном языке. Я ответил на его языке. Тогда он спокойно сказал: "Я рассказывал этому белому человеку, что вчера со скалы, на которой он стоит, крокодил утащил женщину".

Я поспешно перевел. В тот день Бейкер больше не ловил рыбу! Он думал, что старик говорил ему "Как поживаете?".

В конце концов мы перевели Бейкера на наш способ ловли, и он стал опытным спиннингистом и убил много благородных тигровых рыб. Но в первый же день использования удочки с ним произошел казус, из-за которого он почти решил больше не пользоваться

удочкой. Он ловил с берега леща, который в этой части реки водится в больших количествах. Он впервые использовал поплавок. Вскоре поплавок исчез. Бейкер ударил вверх, используя обе руки. Он вытащил рыбу из воды, но с такой силой, что она перелетела через его голову и с плеском упала в пруд, расположенный позади.

Думаю, мы только что спасли его от немедленного возвращения на "рыбалку", притворившись, что не заметили его конфуза.

ПЕСНЯ ВЕЛИКОГО СЛУЧАЯ.

Быстро распространилась новость о том, что "Великий человек", его жена и несколько друзей едут на север от Замбези, чтобы пострелять. Уильямс, туземный комиссар, узнал об этом от мальчика, который присматривал за его птицами, за целую неделю до того, как получил официальное предупреждение из штаб-квартиры.

Как мальчик-курица узнал об этом, остается загадкой. Тот, кто может рассказать вам, как быстро распространяются новости в Африке, несомненно, сможет объяснить это; но на вопрос мальчик ответил: "Люди так говорят".

Благодаря такому заблаговременному уведомлению у Уильямса было время, чтобы на досуге составить свои планы. У него был опыт распускания подобных слухов среди туземцев, и, неизменно действуя в соответствии с ними, он приобрел репутацию хорошего организатора.

Несомненно, представитель государя захочет подстрелить льва, буйвола, эланда, соболя и, кроме того, хотя бы по одному экземпляру каждого из мелких обитателей равнин и лесов. Что ж, он сделает и то, и это, и другое, и не будет вины Уильямса, если не удастся собрать представительную сумку.

Как и все спортсмены, занимающие официальные посты, живущие далеко от штаб-квартиры и контролирующей большой район, Уильямс точно знал, где дичи больше всего. Как правило, он держал эту информацию при себе, поскольку прекрасно понимал, что в противном случае его специальные резервы вскоре перестанут существовать.

Но для прямого представителя короля ничто не было слишком хорошо.

Уильямс строил планы, разбивал лагерь и ждал прибытия гостей.

За два дня до того, как "Великий человек" должен был прибыть, мимо проезжал старый музыкант Гарампингве. Он остановился, чтобы засвидетельствовать свое почтение Уильямсу.

"Добрый день, мой отец".

"И тебе доброго дня, Гарампингве".

"Какие новости, мой вождь?"

"Я жду от тебя новостей".

"О, нет ничего, кроме прихода "Великого человека".

"Да, он идет".

"Я хотел бы увидеть "Великого человека"".

"Увидишь, Гарамаринге".

"Большое спасибо тебе, мой вождь".

Уильямсу пришла в голову идея. Несомненно, спорт, который он планировал организовать, будет превосходным, но как быть с вечерами, проведенными у костра после ужина?

Может случиться так, что его гости не захотят играть в бридж. Сам он терпеть не мог эту игру, что было очень неестественно с его стороны, но это было так. Он не любил "магазин" в нерабочее время, и можно было слишком много говорить о личном опыте. Он должен предусмотреть возможный пробел.

Сколько человек из тысячи слышали родную африканскую музыку? Не ту, что можно услышать в любой день из мальчишеской компании на задворках дома, а музыку, достойную называться музыкой, созданную такими людьми, как Гарамаринге? Очень немногие.

Так Уильямс дополнил свой план.

Была пятница. Великий человек снимал уже три дня. Первые два были многообещающими. Ничего особо выдающегося подстрелить не удалось, но разные члены группы добыли отличные головы эланда, буйвола, косули и водяного бека.

Великий человек показал неплохие результаты, но ему, пожалуй, больше подходит ружье.

Но пятница выдалась неудачной. По просьбе Великого человека Уильямс отправился с ним на поиски соболиной антилопы. До сих пор никто не смог подстрелить соболя. И вот они наткнулись на соболя, причем таким образом.

С рассветом все разошлись в разные стороны.

Великий человек и Уильямс отправились на восток. Удача, соболиная шкура и совсем свежая. Уильямс был неплохим следопытом: он перенял кое-что из этого искусства у бушменов на юге. Они шли по следу, Уильямс вел их осторожно. Вдалеке послышался выстрел из винтовки! Великий человек остановился. Уильямс почувствовал себя дикарем. Кто это браконьерничает? Кто покинул свой участок и набросился на них? Он жестом велел Великому человеку сесть.

Они ждали.

Они ждали минут десять, а потом внимание Уильямса привлек щелчок ветки, раздавшийся где-то слева.

Клянусь Джинго, вот они, соболя.

Ведомое коровой, благородное стадо соболиных антилоп медленно шло через лес.

Великий человек посмотрел на Уильямса, тот усмехнулся и, подняв руку, приказал молчать.

Они шли, коровы, коровы и еще коровы. Где был бык? Должен же был большой бык сопровождать такое стадо коров?

Еще больше коров и молодых быков, но большого, черного, выдающегося быка все еще не было.

Уильямс был озадачен.

Великий человек стал раздражаться от бездействия: для него не было видимой разницы между коровой и быком. Он никогда раньше не видел соболиных антилоп.

Огромное стадо пронеслось мимо в сорока ярдах.

Быка все еще не было.

Великий человек посмотрел на Уильямса, и выражение его лица было не слишком приятным.

Уильямс почувствовал отчаяние. Он уже начал думать, что лучше позволить Великому человеку убить хорошую корову и покончить с этим, как вдруг, посмотрев влево, увидел быка. Это был бык! Черный, как чернила, с белоснежным брюхом. Рога казались выше среднего.

Сердце Уильямса охватило спазм радости. Перед ним был бык, достойный Великого Человека, прямого представителя Государя.

По знаку Уильямса Великий Человек посмотрел, увидел, поднял ружье и - Уильямс проверил его. Боже правый, что случилось с этим быком? Казалось, он идет коротко, не в ногу. Этого не может быть.

Тогда он приказал Великому человеку выстрелить. В следующее мгновение благородный бык рухнул на землю, а коровы понеслись галопом и скрылись из виду.

"Хороший выстрел и хороший бык, сэр", - сказал Уильямс, но его охватило тошнотворное чувство ужаса.

Они поспешили наверх. Бык лежал мертвый, пуля угодила точно в плечо.

"Может, мне наметить шкуру с головы, сэр? Вы захотите сохранить эту голову?"

"Да, пожалуйста".

Уильямс работал как одержимый. Он разрезал гладкую черную шкуру от бедер до грудинки, пока бык лежал. Не двигая тушу, он сделал разрез по гриве до основания черепа. Здесь он остановился и прислушался. Он что-то услышал. Приближающиеся шаги. С отчаянным вздохом он выронил охотничий нож и повернулся лицом к тому месту, откуда пришел бык.

Будь проклят этот парень! Вот он, помощник великого человека, болтающий как дурак. Он говорил по-английски с туземцем, который его сопровождал. "Вы уверены, что находитесь на правильном пути?" Туземец ничего не ответил, потому что не понимал ни слова ни на одном языке, кроме своего собственного. А.Д.К. направился прямо к быку Великого человека. Вдруг он поднял голову и, улыбаясь, подошел к нему.

"Привет, Соамс, что ты делаешь здесь, на моем участке?"

"Я сбил соболиного быка примерно в двух милях отсюда и поехал за ним".

"Ты сбил быка?"

"Да, сэр".

"Значит, я убил твоего быка для тебя, да?"

"О нет, сэр. Это ваш бык, конечно же".

"Мой дорогой мальчик, я знаю законы стрельбы. Мистер Уильямс, был ли этот бык ранен, прежде чем я его убил?"

"Я посмотрю, сэр", - сказал Уильямс, чувствуя себя уличенным вором.

Представьте себе, что придется ответить "да" на этот вопрос! В задней передней конечности было пулевое отверстие. Вот это выстрел!

В тот вечер все ужинали сдержанно. Великий человек поздравил своего А.Д.С. с тем, что ему удалось заполучить отличного быка, но это не улучшило дела.

После ужина все молча собрались у костра.

Уильямс произнес.

"Не хотите ли послушать африканскую музыку, сэр?"

"Очень хотелось бы. Вы играете?"

"Нет, сэр, но у меня здесь есть один человек".

"Во что бы то ни стало дайте нам его послушать".

Послали за Гарамарингве.

Старый музыкант пришел, за ним следовали еще два туземца. Сам он нес два диковинных на вид музыкальных инструмента, один из мужчин нес другой; третий мужчина, ведомый маленьким туземным мальчиком, был слеп и шел с пустыми руками.

Трое туземцев приветствовали Великого Человека, который так же приветливо ответил им.

Затем они сели по другую сторону костра, и Гарамарингве взял несколько смелых аккордов. Он не был обычным музыкантом.

Уильямс сказал что-то на жаргоне Гарамарингве, тот ответил.

"Что он сказал?" - спросил Великий человек.

"Я спросил его, что он собирается петь, - ответил Уильямс, - и он сказал: "Песню о великом событии"".

"Не могли бы вы спросить его, что это за великое событие, о котором он собирается петь?"

Вопрос был задан, и ответ был переведен. "Великое событие - это визит в нашу бедную страну Великого Человека, который представляет короля белых людей".

"Как интересно! Пожалуйста, скажите ему, чтобы он продолжал".

Гарамарингве пел и играл энергично. Он играл на инструментах обеими руками. Его спутник играл на одном инструменте обеими руками. Слепой подпевал речитативу Гарамарингве.

Это было очень красивое исполнение. У Великого человека был музыкальный слух. Уильямс был в восторге, потому что Великий человек выглядел довольным и заинтересованным.

Закончился второй куплет и начался третий, как вдруг слепой вскочил на ноги, прервав гармонию пронзительным воплем.

Все, кроме Уильямса и туземцев, решили, что это часть представления. Долго сомневаться им не пришлось. Дико хватаясь за одежду, слепой стонал, стонал и стонал. Он разделся и повернулся к огню, чтобы его осмотрели товарищи. Жена Великого человека убежала в свою палатку. Уильямс увел музыкантов.

К слепому подкрался большой скорпион и ужалил его, когда он сидел.

Так внезапно закончилась песня Великого человека.

ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Рэндалл снимал шкуру с обезьяны. Утром он подстрелил двух обезьян и уже снял шкуру с одной из них. Он собирал обезьян и делал это постоянно на протяжении многих лет.

Рэндалл был окружным комиссаром и магистратом большого участка Британской Африки. Один из многих людей, которые живут и умирают, не будучи услышанными британской общественностью; людей, которые тихо, но эффективно "управляют" африканскими владениями Англии.

Возможно, когда-нибудь Англия поймет, в каком долгу она находится перед этими неизвестными людьми.

Я был помощником Рэндалла. Я прослужил четыре года, то есть на год больше испытательного срока. Я добился того, что попал в Учреждение и получил звание помощника туземного комиссара.

Рэндалл прослужил на службе двадцать три года. В отношениях с туземцами он был тверд и справедлив. Он испытывал глубокую симпатию к вверенным его заботам людям, но успешно скрывал ее от них. Он говорил мне: "Играй в игру со своими людьми, но не слюнявь их, они этого не понимают".

Часто говорят, что все люди, которые провели более десяти лет в сердце Африки, - сумасшедшие. Я знал мало более здравомыслящих людей, чем Рэндалл, но не могу отрицать, что у него была одна особенность: он коллекционировал обезьян.

Я никогда не мог понять, зачем он стрелял в этих несчастных тварей и почему снимал с них шкуру таким необычным способом. Позвольте мне объяснить.

Рэндалл стрелял только в один вид обезьян и только в зрелого самца этого вида. Положив обезьяну в мешок, он доставал маленький потертый черный карманный блокнот, делал в нем запись, а затем принимался за работу, чтобы снять с животного шкуру.

Наблюдая за ним, я понял следующее: он сохранял только голову, плечи и одну руку каждой обезьяны. Иногда это была правая рука, иногда левая, но никогда - обе. По-видимому, для

того чтобы определить, какая рука ему нужна, требовались какие-то вычисления в карманном блокноте.

Я также заметил, что он тщательно очистил череп и кости руки от всех частиц плоти и, намазав кожу консервантом, обернул ее вокруг черепа и костей, сделав из всего этого аккуратную маленькую посылку. Промаркировав образец, он упаковал его в коробку, которую, куда бы он ни отправился, носил с собой его слуга Монга.

По прибытии на станцию, после путешествия по округе, Монга и его хозяин перекладывали содержимое коробки в большой жестяной ящик. У Рэндалла было три таких ящика. Два из них были полностью заполнены, третий - почти полностью.

Я никогда не расспрашивал Рэндалла о его хобби. Однажды я подстрелил обезьяну и отдал ее Монге, думая, что его хозяин снимет с нее шкуру, но он этого не сделал, а просто велел своему человеку выбросить ее. Поскольку он ничего не сказал мне по этому поводу, я оставил это дело и больше не предпринимал никаких попыток.

Как я уже говорил, в это утро Рэндалл подстрелил двух обезьян. В каждом случае он решил оставить левую руку. Монга сидел перед ним на корточках и держал тело убитой обезьяны, пока его хозяин снимал с нее шкуру. Пара молчала: благодаря долгой практике Монга точно знал, что от него требуется, и не нуждался в указаниях. В конце концов Рэндалл сказал: "Это последняя, Монга, после нее обезьян больше не будет".

Монга принял это заявление без комментариев, но оно заставило меня заново задуматься о предмете причудливого увлечения Рэндалла. Однако, поскольку мой шеф не предложил никаких объяснений, я не стал их требовать.

Когда со снятием шкуры было покончено, Монга позволил себе заметить: "Когда-то обезьяны были такими же людьми, как я, Морена".

Рэндалл сделал паузу и некоторое время серьезно смотрел на Монгу; затем, снова склонившись к своей задаче, он сказал: "Монга, я верю тебе, расскажи мне больше".

Монга если и напоминал что-то, так это обезьяну. Глаза у него были близко посажены, нос очень маленький, нижняя челюсть слегка выступала, а лоб был очень низким и сильно наморщенным. Я увидел юмор в этом разговоре и захотел рассмеяться, но, как мне показалось, это понизило бы меня в оценке моего шефа. Однажды Рэндалл сказал мне: "Блэкмор, несмотря на твое нелепое имя, ты должен работать в туземном департаменте. Если бы тебя звали Уайтлоу или даже Смит, ты бы не был инвалидом. У вас дурацкое имя, с которым придется смириться, ведь это страна чернокожих. Однако всегда помните: никогда не смейтесь с туземцем и только в том случае, если он заслуживает наказания и вы хотите его наказать. Только дурак бьет туземца; насмешка - более чистая форма наказания, и она не так жестока".

Я подавил желание рассмеяться, и Монга продолжил.

"Да, Морена, обезьяны когда-то были людьми, так же как и мы. Они жили в своих деревнях в красивых хижинах, у них были свои вожди, и они говорили, как люди.

"Но им стало лень мотыжить поля и пропалывать их, лень строить хижины и штукатурить их. И сказали они друг другу: "Плохо работать; давайте уйдем в лес и будем жить там, а в лесу мы найдем плоды, чтобы есть". И они пошли в лес и стали там жить.

Однажды один из них сказал: "Не надоело ли нам делать одежду? Давайте отрастим волосы на наших телах, чтобы нам всегда было тепло". И все согласились и отрастили волосы на своих телах.

"Когда наступила осень и созрело зерно на землях, ленивые пришли воровать из мужских садов. Люди пытались следить за своими садами, но воры были слишком умны.

"У обезьян были свои слуги, и когда им нужна была еда, они посылали своих слуг посмотреть, нет ли в этих краях людей. Если там не было людей, они крали кукурузу, тыквы, дыни и калабаши и уносили их в лес.

"А если они находили спящего человека, наблюдающего за полем, то проходили мимо него осторожно, а когда заканчивали воровать, то нарезали веток и сильно били его. А когда человек просыпался и начинал убегать, они смеялись над ним и издевались.

"Когда обезьяны возвращались в лес с украденными ими продуктами, они разжигали костры и готовили их. Тогда люди, увидев дым, пришли с палками и асегаями и избили одних обезьян, а других убили.

Тогда обезьяны сказали: "Нехорошо иметь огонь, потому что люди видят его, приходят и убивают нас". Поэтому теперь обезьяны воруют, когда люди не смотрят, и едят пищу ночью на деревьях в неприготовленном виде".

Рэндалл сделал только одно замечание. Он спросил Монгу, откуда у обезьян хвосты. Но Монга признался, что не знает.

Рэндалл закончил снимать шкуры и сделал обычные аккуратные свертки; Монга принес коробку и тщательно упаковал их вместе с остальными.

Дорожный ящик был полон!

Через несколько дней у Рэндалла началась черноводная лихорадка, и он умер. Мы отнесли его тело на станцию и похоронили у подножия большого дерева баобаба. Туземцы на много миль вокруг приняли участие в похоронах.

Когда все закончилось и преемник Рэндалла собирался вступить в управление районом, Монга подошел ко мне и напомнил, что в дорожном ящике лежат обезьяньи шкуры, которые нужно упаковать в большой жестяной чемодан. Поскольку он знал о странном увлечении своего хозяина больше, чем я, он занялся упаковкой, а я наблюдал за этим.

Когда последняя шкурка была переложена, я понял, что ящик заполнен до отказа и не вместит еще одну. Это, помню, показалось мне странным. Между собой мы припаяли жестяную подкладку и прибили крышку кейса.

Затем Монга посмотрел на меня, чтобы получить инструкции. Это заставило меня задуматься. Почему Рэндалл коллекционировал обезьян? Я осмотрел крышки футляров и обнаружил, что на каждом из них аккуратно написаны его имя и домашний адрес. Очевидно, он намеревался забрать их домой. Но это не объясняло, зачем он их собирал. Я вспомнил о маленькой потрепанной черной записной книжке, пошел в дом и просмотрел ее. Все, что мне удалось выяснить, - это то, что Рэндалл собрал триста восемьдесят праворуких и сто двадцать леворуких шкур. Пятьсот несчастных обезьян - и зачем? И почему не двести

пятьдесят праворуких и двести пятьдесят леворуких; или почему не все праворукие или все леворукие?

Я вернулся к Монге, стоявшему у ящиков, и спросил его, зачем его хозяин собрал обезьян. Он, казалось, удивился моему вопросу; ему, видимо, никогда не приходило в голову поинтересоваться, почему и зачем он делает то или иное действие своего хозяина. Похоже, он принимал все, что делал или говорил его хозяин, как само собой разумеющееся.

Все это было чудовищно. Я не мог отправить эти жалкие вещи его родным. Они сочли бы его сумасшедшим, возможно, так оно и было в отношении его хобби, но в отношении всего остального более здравомыслящего человека не существовало.

И тут меня посетило вдохновение. Я приказал выкопать большую яму у подножия другого дерева, стоявшего примерно в ста ярдах от того, под которым находилась могила Рэндалла. В эту яму я приказал перенести три ящика и засыпать их землей. Монга не возражал, а если и возражал, то никак не протестовал. Думаю, он принял все как должное, как и подобает ему.

Я так и не узнал, да и не могу представить, зачем Рэндалл собрал головы и плечи пятисот обезьян - трехсот восьмидесяти с правыми руками и ста двадцати с левыми.

Возможно, кто-то из читающих эту историю догадается или узнает. Что касается меня, то я откровенно признаю свое поражение.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДРЯДЧИКА.

Босити вернулся в свою деревню после шестилетнего отсутствия. Большую часть этого времени он провел на строительстве железной дороги, где работа была тяжелой, а оплата - легкой. В физическом плане он улучшился почти до неузнаваемости.

В большой сине-желтой жестяной коробке, которую он носил на голове, хранились разные товары, на которые он потратил часть своей зарплаты. Большая часть его денег ушла на выпивку, еще больше - на азартные игры.

После двухлетнего отсутствия Босити староста и старейшины предположили, что он умер. Так же считала и его жена: она снова вышла замуж и подарила новому мужу двоих детей.

Босити был неразумен. Когда ему сказали, что он должен был умереть, он оскорбил старосту и избил женщину, которая когда-то была его женой. Когда ее муж протестовал, он избил и его.

После того как он таким образом успокоил свои чувства, он открыл свою шкатулку и достал из нее множество ниток розовых и белых бус; их он подарил матерям красивых замужних девушек деревни. Взамен он получил много крепкого пива. Пиво опьянило его - слишком опьянило, чтобы бить или оскорблять других, но не слишком, чтобы крепко держать во влажной руке ключ от своей драгоценной шкатулки.

На следующее утро он помирился со старостой, подарив ему шляпу, но грубо отчитал его покойную жену, чья щедрость была возбуждена размерами этой сине-желтой жестяной коробки.

Он также подружился с мужчинами деревни - не исключая и того, кто женился на его жене, - раздавая кусочки крепкого скрученного табака.

Отдохнув несколько дней, он выбрал несколько сокровищ из своей коробки и отправился в деревню вождя. Прибыв туда, он показал себя во всей красе. Он надел свою лучшую одежду, а в лавках торговцев свободно и громко говорил на плохом английском. Пока его денег хватало, торговцы терпели его, а когда они были потрачены, ему сказали, чтобы он больше не приходил.

Вскоре о нем узнал вождь и послал за ним.

Босити никогда прежде не был представлен ко двору. Это произвело на него огромное впечатление. Он сидел на корточках на песке, один из длинного ряда чужеземцев, прибывших в столицу, и аккуратно складывал перед собой подарки. Прямо перед ним возвышалось длинное соломенное здание. Три его стороны были закрыты тростниковыми циновками, четвертая была открыта для посетителей. Это, как сказал ему один из шезлонгов, был дом Национального совета, или Хотла.

Вождь еще не прибыл, но его оркестр играл вхолостую. Он состоял из трех гигантских гармоник и нескольких барабанов. Инструменталисты демонстрировали свое полное презрение ко всем простым людям, громко разговаривая, когда они играли на струнах и барабанах.

Придворный дурак подражал птицам. У него был пучок перьев в волосах и несколько, воткнутых в пояс сзади, - вот и весь его грим. В данный момент он имитировал хохлатого журавля. Птица красивая, а Дурак был отвратителен; однако его искусство мимикрии было настолько, что все узнали птицу, которую он решил изобразить.

Городской глашатай на мгновение приостановился, чтобы прокричать что-то нечленораздельное, а затем пошел своей дорогой.

Несколько волов, проходивших мимо, остановились, чтобы понюхать мусор. Вооруженные стражники отогнали их несколькими ударами кнута из сыромятной кожи.

Босити принес в подарок вождю большое одеяло с реалистичным изображением льва, разноцветный носовой платок и новую латунную коробочку для золы. Он мысленно сравнил свои подарки с теми, что принесли другие мужчины - в основном в ущерб другим.

Один старик собирался преподнести два хороших бивня из слоновой кости. По тому, как суетились вокруг этого старика, было ясно, что обладатель слоновой кости пользуется большим уважением.

Босити тайком переправил через границу старый мушкет Тауэра и знал, где достать порох. Он пообещал себе слона с более крупными бивнями, чем те, что демонстрировал его соперник.

Вскоре начался переполох. Вождь приближался! Оркестр энергично заиграл, Дурак быстро закружился на одной ноге, повесы присели и заслонили лица от восходящего солнца, длинный ряд посетителей наклонился вперед, пока их лбы не коснулись песка, охранники упали на одно колено и все захлопали в ладоши.

Босити буквально зарылся лицом в песок; немного попало в правый глаз и досаждало ему еще несколько дней.

Вождь двинулся к дому Совета в сопровождении нескольких слуг, один из которых длинной палкой указывал на воображаемые пни и камни, о которые его господин и повелитель, если его не предупредить, мог споткнуться.

Другой нес кресло вождя. Это кресло было крепко сшито по европейскому образцу. Сиденье его было обтянуто шкурой соболиной антилопы, с которой от постоянного использования сошла большая часть шерсти. На перекладине, поддерживающей спину сидящего, было вырезано грубое лицо. Этому лицу люди оказывают почтение, когда вождь не сидит в своем кресле.

Третий мужчина бил двумя маленькими барабанными палочками по большой гармонике, которая была подвешена на берестяной веревке к его шее.

Еще один нес зеленый зонтик, не раскрытый, потому что сам вождь держал в руке меньший.

Вид вождя наполнил Босити благоговением. Он не обращал внимания на толпу советников, следовавших по пятам за августейшей персоной. Ему казалось, что его собственное одеяние, вызывавшее восхищение у простого стада, на самом деле очень убого.

На шефе была серая шляпа с широкой черной лентой. На нем был длинный пурпурный халат, который распахивался, когда он шел вперед, обнажая пару брюк цвета перца и соли. На ногах у него была великолепная, по мнению Босити, пара новых ярко-желтых ботинок. В свободной руке он держал хвост эланда, использовавшийся в качестве мухобойки, с рукояткой из слоновой кости и черного дерева.

Несмотря на нелепую одежду, вождь обладал определенным чувством собственного достоинства. Он был крепко сложен и с возрастом слегка ссутулился в плечах; его небольшая борода была подернута сединой.

Однако ступал он твердо, и Босити с завистью заметил, как загорелись его глаза, когда они на мгновение остановились на двух огромных бивнях из слоновой кости, принесенных стариком.

Вождь вошел в дом Совета и сел. Тотчас же все присутствующие подняли руки и прокричали приветствие с такой доброжелательностью, что оркестра не было слышно некоторое время. Придворный дурак запрыгал с новой силой. Официальный восхвалитель закричал:

Великий лев!
Слон-бык!
Громовержец!
Величайший из всех львов!

Приветствия стихли, и оркестр снова вступил в свои права.

В родном Доме Совета не принято торопиться. Оркестр доиграл свою подборку, а Придворный Дурак продолжал танцевать. Один за другим члены Совета занимали свои места в зале. Это было долгое дело: каждый по очереди садился на землю перед вождем, хлопал в ладоши и несколько раз кланялся, а затем, собрав вокруг себя юбки, переходил в скрюченном положении на свое привычное место.

Наконец воцарилась тишина. Один за другим гости выходили вперед, чтобы преподнести свои дары и изложить суть дела - если, конечно, оно было.

Обсуждали множество пустяков и одаривали вождя сумасбродными подарками, когда дошла очередь до старика со слоновой костью.

"Кто это приносит слоновую кость?" - спросил вождь.

"Это Мойо из страны Ривосве", - ответил кто-то.

"О, человек, который, как говорят, нарушил наши законы. Видите, он принес два бивня, и они большие".

"Да, бивни, которые он принес, большие", - заметили несколько человек в доме Совета.

"Кто обвиняет этого человека в нарушении законов?" - спросил вождь.

Ответа не последовало. Все знали, что их хозяин питает слабость к слоновой кости.

Вождь обратился к Мойо: "Скажи мне, старик, что за беда была в твоём сердце, когда ты в последний раз покидал мою деревню?"

Мойо указал на бивни. "Я отправился охотиться на слонов для вождя. Долго я охотился, прежде чем убить. Когда я убивал, я приносил слоновую кость своему вождю. Я не нарушитель закона. Разве рабу вождя запрещено охотиться на слонов для вождя?"

"Если, - ответил вождь, - принести мне слоновую кость - значит нарушить закон, пусть многие его нарушают. Кто обвинил этого человека?"

Так как ответа не последовало, вождь принял слоновую кость.

На самом деле этот старик Мойо в былые времена доставлял немало хлопот. Он отказывался платить ежегодную дань - мед, кукурузу и шкуры - и прогонял сборщиков налогов, посланных для сбора. Теперь же, осознав, что годы берут свое, он решил заключить мир. Никто не решился напомнить об этом вождю, поскольку ему были предложены два хороших бивня. Мойо было позволено спокойно отправиться к себе домой, однако ему недвусмысленно намекнули, что слоновая кость не спасет его шкуру, если он снова вздумает ослушаться власти вождя.

Наконец настал черед Босити. "Кто этот раб?" - спросил вождь.

Кто-то ответил за него. "Он пришел с небольшим подарком. Он уже много лет работает на белого человека".

"Это тот, кто делал стемалу для белого человека?"

(Под словом "стемала" вождь подразумевал железную дорогу, возможно, это была попытка перевести слово "пароходы").

"Да, вождь, - сказал Босити, - я делал стемалу".

"Ты умеешь делать хорошие стемалы?"

"Да, вождь, я умею их делать. Я помогаю белому человеку делать их уже много лет".

"Для чего белый человек использует стемалы?"

"Для переноски грузов, слишком тяжелых для человека, и для преодоления расстояний, более быстрых и больших, чем может преодолеть человек".

"Ты можешь построить для меня стемалу?"

Босити без колебаний заявил, что может построить железную дорогу для вождя, если ему дадут необходимых людей в помощь и несколько топоров и клещей для рубки и придания формы древесине.

"А разве стела не сделана из железа?" - спросил вождь.

"Да, белый человек использует железо из своей страны, где оно встречается в кусках, длинных и прямых, как пальма. В его стране нет больших деревьев. В стране вождя железо можно найти только в маленьких кусочках, но деревья там большие и длинные".

"Если ты сделаешь для меня хорошую стемалу, то станешь старостой своей деревни и индунной своего округа. Топоры и адзы будут отданы тебе. Иди и сделай для меня стемалу; иди быстро и сделай стемалу быстро".

"Я пойду, но вождь должен знать, что стемала - это большое дело. Для ее изготовления нужно много людей и много дней".

"Хорошо, я понимаю", - сказал вождь. Затем, обратившись к одному из своих главных советников, он велел ему проследить, чтобы у Босити были все люди и все необходимые инструменты.

В ту ночь было много шума вокруг Босити, который должен был стать старостой своей деревни и индунной своего округа, когда он сделает железную дорогу для своего вождя.

Что касается Босити, то он говорил о больших вещах и принимал манеру поведения большого человека, ведя себя так, словно его железная дорога уже построена и он занимает свой высокий пост.

Со временем были улажены такие мелкие детали, как место строительства железной дороги, количество необходимых людей и инструменты, которые понадобятся в магазине вождя.

Наконец партия отправилась в путь. Босити был самым важным ее членом. Следующим, и в некоторых отношениях даже с большей властью, чем у него, был представитель вождя. Этот человек имел право требовать от имени вождя рабский труд и бесплатное продовольствие из ближайших к месту работ деревень.

Место, выбранное для железной дороги, находилось примерно в двухстах милях от деревни вождя. Это было удачей для Босити, так как расстояние избавляло его от утомительного надзора. Оно находилось на главной реке, где свободное плавание прерывается водопадом значительных размеров и рядом грозных порогов. Веками путешественники обходили эти препятствия на каноэ по суше. Идти было очень тяжело, так как почва была рыхлой и песчаной. Железная дорога должна была избавить от этого труда. Каноэ должны были ставиться на рельсы над водопадом и таким образом транспортироваться к спокойной воде внизу. Более полезной железной дороги, с точки зрения туземцев, нельзя было и придумать.

Сам Босити показывал мне работы в самом начале строительства, до возникновения тех сложных проблем, с которыми рано или поздно сталкиваются все, кто "откусывает больше, чем может прожевать".

Если бы Бозити внимательно относился к делу и придавал бы деталям то значение, которого требуют мелочи, я думаю, его железная дорога имела бы успех. Но это слишком много, чтобы ожидать от любого местного жителя.

Он начал хорошо.

Я обнаружил крепко прикрепленные к земле с помощью прочных деревянных колышков полдюжины хорошо сделанных деревянных рельсов. На их изготовление было затрачено много труда, поскольку они были вырезаны из больших деревьев. Они были идеально прямыми и располагались строго параллельно друг другу. На рельсах покоились две пары колес: каждая пара была соединена тяжелой осевой балкой, закругленной с обеих сторон, чтобы колеса могли свободно вращаться, но квадратной между ними. Колеса, прикрепленные к оси деревянными штырями, по форме напоминали катушки для хлопка: чтобы они не соскальзывали с рельсов, на них были сделаны двойные ребра.

Бозити приказал своим людям положить длинное тяжелое бревно на ось двух пар колес и с гордостью толкал его взад-вперед по короткому отрезку пути длиной около шестидесяти футов.

Он объяснил, что когда работа будет закончена, нужно будет только поставить на оси каноэ, полностью загруженное, и толкать его.

Я спросил его, сколько месяцев он работает над этим сооружением. Он ответил, что шесть. Я отметил, что, поскольку расстояние, которое должны покрыть рельсы, составляет около трех миль, пройдет сорок и более лет, прежде чем железная дорога будет готова к использованию. А пока что как быть с бедствиями белого муравья?

Босити выглядел обиженным, но не обескураженным. Думаю, он списал мою критику на естественную зависть, которую белый человек испытывает, узнав, что туземец не способен на великие дела.

Он объяснил, что работа требует некоторого планирования, что местные жители не спешат откликаться на призывы представителя вождя о предоставлении продовольствия и рабочей силы, а дожди мешают продвижению вперед.

Я признал, что это трудности, на преодоление которых нужно время, и попросил показать мне его рабочий лагерь.

Босити провел меня на некоторое расстояние в лес. Здесь я увидел несколько мужчин, которые с помощью крошечных туземных адз обрабатывали срубленные деревья, превращая их в деревянные рельсы. В очень редких случаях рельсы были такими же прямыми, как уже уложенные. Мне было ясно, что колесам придется как-то преодолевать очень неудобные повороты и изгибы линии, и я задался вопросом, как они это сделают.

Какими только вопросами и терпеливыми объяснениями я не убеждал Босити в том, что перед ним стоит сложная задача, поэтому я продолжил свой путь, ободренный обещанием, что когда я в следующий раз буду проезжать по этому пути со своими каноэ, то обязательно прокачусь по деревянной железной дороге.

Этот участок железной дороги от мыса до Каира так и не был закончен. Спустя много месяцев я осмотрел заброшенную линию и, как и ожидал, обнаружил, что белые муравьи съели рельсы почти так же быстро, как они были уложены. Я также увидел, что при их

изготовлении было потрачено меньше усилий. Деревья, из которых они были срублены, были кривыми, поэтому здесь рельсы расширялись, там сужались. Здесь был горб, там - впадина.

Я решил выяснить, что стало Босити. Он не стал ни старостой своей деревни, ни индунгой своего района; но, потерпев неудачу в своем начинании и растратив все свое состояние, он снова отправился на юг, чтобы жить беспечной жизнью железнодорожного лагеря, где под рукой белого человека трудности, кажется, исчезают так же быстро, как утренний туман перед восходом солнца.

ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ВИКТУАЛЕР.

Джон Смит был поставщиком провизии в отдаленной части Африки. Мы звали его Джозефом, по примеру других светил этого ремесла.

Мне кажется, я никогда не видел его трезвым, но, с другой стороны, никогда не слышал, чтобы он был пьян. На него было неприятно смотреть: толстый, лысый и краснолицый.

Однажды незнакомец назвал его Джо. Наш хозяин был возмущен такой фамильярностью и огрызнулся: "Для приятелей я Джо, для знакомых - Джон Смит, для вас - мистер Смит, черт вас побери!". Подойдя к моему столику, он многозначительно подмигнул и сказал хриплым сценическим шепотом: "Наверное, вы уже слышали, как парень так говорит?"

Я признался, что слышал.

"Заходи по-хорошему", - сказал Джо.

Заведение Джо представляло собой каркасный дом со стенами из парусины. Он назвал его "Рестораном герцога Йоркского". Орфография была его, вывески тоже.

Он был человеком с неуверенным нравом. Однажды голодный гость попросил еще говядины. Джо счел это неразумным и обратился к нему с такой просьбой:

"Твои выкрутасы не дают тебе покоя. Вот так, потрошите эту чертову кучу!". С этими словами он швырнул полный круг говядины в голову голодного человека; тот промахнулся и вылетел сквозь холщовую стену. Джо некоторое время смотрел на свою испорченную собственность, а затем громким голосом сообщил всем остальным: "Говядина отменяется".

В другой раз один из постояльцев отказался отведать сомнительного вида мясное ассорти, которое, по словам Джо, было "фрикерделлами".

"Что, они вам не нравятся, да?"

"Нет".

"Не будешь их есть, да?"

"Нет".

Мы все затаили дыхание, гадая, какой способ нападения Джо изберет для этого безрассудного парня.

Но Джо усмехнулся, действительно усмехнулся, и ответил: "Я вас не виню; тот, кто их делает, не стал бы их трогать, ни за какие деньги".

Однажды в субботу днем я случайно проходил через двор, когда Джо обсуждал со своим подручным, Сэмми, воскресный обед. (Сэмми был индейцем, а в Африке все индейцы для всех людей - "Сэмми").

"Сколько здесь мертвых кур, Сэмми?"

"Четырнадцать, босс".

"Eh! Сколько умерло вчера и сколько вы нашли мертвыми сегодня утром?"

"Восемь вчера и шесть сегодня, босс".

"Ну, мы сделаем карри из восьми и зажарим шесть".

В воскресенье я отказался от карри и жареной птицы. Джо спросил, почему. Я сказал.

"Парни, которые стоят у дверей поварни, слышат и видят всякое, и это отталкивает их от еды. Есть хулиганы?"

Да.

У Джо редко хватало официантов, а те, что у него были, в основном были чернокожими, совсем необученными. Я помню одного белого официанта, которого звали Уильям. В наших глазах у него было много недостатков, в глазах Джо - только один. Он разговаривал с клиентами, стоял и болтал, а не выполнял просьбы.

Джо неоднократно предупреждал его, но его предупреждения не действовали на Уильяма.

Однажды Джо вышел из себя. "Слушай, ты, сопляк, что я тебе говорил? Что я тебе говорил? Ты бы отбил ногу у мула! Ты уже в шляпе. Вот, хватит. Выбрось это из головы. Ты мне чертовски надоел".

Уильям моргал на Джо во время этой речи, а потом тихо спросил: "Я правильно понимаю, Джо, что ты хочешь сказать, что я уволен?"

"Да, - сказал Джо, - я тебя увольняю. Подойди к кассе и получи свою зарплату".

"Ты хочешь сказать, - продолжал Уильям, - что я свободный человек?"

"Да", - сказал Джо.

Уильям повернулся и окинул взглядом переполненные столы. Затем он спокойно подошел к свободному месту и сел, рыдая:

"Джо, принеси мне тарелку говядины; смотри внимательно, я тороплюсь".

По мере того как бизнес Джо рос (а он рос, несмотря на Джо), ожидание становилось для него непосильным. У него было так много гостей, что он не мог обслужить их достаточно быстро, чтобы угодить и себе, и им. Этот человек хотел одно, тот - другое, третий - еще что-то; все громко и дружно заявляли о своих желаниях.

Средство Джо было, я полагаю, оригинальным. Резко в час он ставил вокруг каждого места щедрые порции всех блюд на день. На одной тарелке лежал ростбиф, зелень и картофель; на второй - холодная свинина, картофель и весенний лук; на третьей - баранина с картофелем;

на четвертой - горячий пудинг, обильно намазанный патокой; на пятой - полбуханки хлеба и так далее. Прибывшему с небольшим опозданием человеку это зрелище показалось далеко не аппетитным. Один нож, одна вилка и одна ложка должны были выполнять свои обязанности.

Большинство людей съедали то, что хотели, а остальное оставляли. Однажды один из гостей запротестовал, что не может съесть все, что перед ним поставили. Джо обиделся. "К чему все это?" - злобно прорычал он. "Это не будет стоить вам ни больше, ни меньше, в любом случае".

Сразу за дверью "ресторана" стояло то, что Джо называл "мытьем и чисткой ниц и анди". Он утверждал, что обслуживает "лучших кларсов". Умывальник состоял из жестяного тазика на пустом перевернутом ящике из-под виски. Вода обычно была грязной; полотенце, подвешенное на валике, всегда было таким; мыло представляло собой длинный брусок "синей пестроты". На куске веревки, привязанной к гвоздю, вбитому в деревянный каркас стены, болталась зубная щетка. Небеса знают, откуда она взялась у Джо; она была далеко не новой. Сам он никогда ею не пользовался. Когда я спросил его об этом "приспособлении", он сказал: "Некоторые люди пользуются ими. Если бы у меня его не было, я бы быстро его нашел. Лучше всего привязать ее к дому, а то какой-нибудь парень ее поднимет".

Однажды кто-то попросил столовую салфетку. Джо был озадачен и внимательно посмотрел на человека. Он заподозрил, что тот "тянет ногу".

"Зачем?" - спросил он.

Мужчина объяснил.

"О, это услуга, которая вам нужна, да? У меня нет ничего! Подождите, пока придет железная дорога, и тогда мы получим всевозможные вещи - сервисы, зубочистки и тому подобное. Не будьте неразумны, вы же не в гостиной, знаете ли".

Когда железная дорога все-таки появилась, Джо продал свое дело за большие деньги и уехал на север. Вид накрахмаленного воротничка и галстука в его ресторане был для него знаком того, что цивилизация добралась до его дома. Джо не любил цивилизацию и ненавидел "торфов". Он не раз замечал: "Меня тошнит от вида парня в вареной рубашке".

На месте, которое когда-то занимала закусочная Джо, теперь стоит большой отель, построенный из камня, с ванной комнатой, выходящей из каждой спальни.

ДЖОННИ-КОММИ.

Уильям Блейк тихо вошел в бар отеля "Тантани". Всем было очевидно, что он не так давно уехал из Англии, потому что его одежда была такой новой и чистой. Кроме того, в его одежде сквозило самодовольство, которое является безошибочным признаком.

Все мужчины, толпившиеся в баре, были одеты в ричмауны, а если их одежда и была сделана в Англии, то очень и очень давно.

Уильям знал бармена, который учился в Итоне вместе с его старшим братом. Мужчины находят странную работу в Африке в процессе достижения своего уровня. Должен добавить, что со временем тот же бармен купил бар и многое другое, а в итоге представлял свой округ в Законодательном совете.

В тот момент, когда Уильям вошел в бар, бармен был занят, поэтому юноша протиснулся между стеной и мускулистой спиной вельветового гонщика, намереваясь тихонько подождать, пока ему удастся поймать взгляд бармена.

Здесь стоял густой аромат крепких напитков и табачного дыма - бурского табака. Из всех нелюбимых привычек, которые приобретают люди, курение бурского табака - самая неприятная для других людей. Я знаю, потому что сам когда-то курил его и видел, как он опустошает вагоны подземной железной дороги на каждой станции.

Но Уильям не курил и не пил крепких напитков; он просто хотел поговорить с человеком, за которого болел его брат. Но, подойдя к бару, он нечаянно толкнул руку пассажира и пролил немного спиртного.

"Кого, черт возьми, ты толкаешь?"

"Извините".

"Простите, да? Да ты, черт возьми, модель портного".

Главным достоинством бармена был быстрый слух и острое чувство приближающейся беды. Через мгновение он уже стоял у стойки.

"Привет, Билл. Расстроил напиток Роджерса, да? Ну что ж, выпейте за мой счет. Этот парень - мой друг, Роджерс".

"Ну, Джимми, раз он твой друг, я не буду обращать внимания на случайность. Я пью джин с тоником, а что будет пить мальчик?"

Прежде чем Уильям успел объяснить, что он не пьет, бармен сказал: "Я знаю его яд, не так ли, Билл?", после чего многозначительно подмигнул.

"Мистер Джон Роджерс - мистер Уильям Блейк".

"Приятно познакомиться, мистер Блейк. Положите это сюда".

Пара пожала друг другу руки.

Бармен пододвинул два бокала: один с джином - для Роджерса, другой с соком лайма - для Блейка. Он взял что-то из бутылки под стойкой для себя, дал Роджерсу небольшой тоник и разделил с Уильямом небольшую содовую.

"Вот это веселье", - сказал Роджерс.

"Чин, чин", - ответил бармен Джимми.

Мальчик серьезно кивнул каждому. Они выпили.

"Давай еще по одной", - сказал Роджерс. "Мне то же, что и раньше, но не так много твоего чертова тоника, Джимми. Он портит джин".

Как только напитки были налиты, бармен поспешил удалиться, чтобы заняться делами на другом конце стойки, и двое остались одни.

"Что вы пьете, могу я спросить?"

"Лаймовый сок с содовой", - ответил Уильям.

"Как раз то, что я и предполагал. А теперь, мой юный друг, так не пойдет. Разве вы не видели, как сегодня пришел поезд?"

"Да".

"И что?"

"Я не понимаю".

"Не понимаете? Разве это не самый первый поезд, пришедший сюда с юга?"

"Да".

"Так разве вы не собираетесь напиться в нем?"

"Конечно, нет".

Роджерс отступил на шаг и оглядел мальчика с ног до головы. Затем...

"Что ты поставишь?"

Уильям не ответил. Всадник опрокинул сок лайма и поставил перед мальчиком джин.

"Выпей это".

"Нет, не буду".

"Не будешь?"

"Нет".

"Я дам тебе три шанса, и не больше".

С этими словами Роджерс достал из кармана пальто тяжелый револьвер.

"Пить! Один!"

"Нет".

"Пить! Два!"

"Нет".

"Пить! Три!"

"Нет, я не буду пить".

Роджерс на мгновение уставился на мальчика, а затем снова положил револьвер в карман.

"Ты мне нравишься. У тебя есть смелость. Пей гнилую жижу, если хочешь, меня это не касается. Вот, возьми это".

"Это" оказалось пачкой банкнот "Стандарт Бэнк", перевязанных бечевкой. Уильям приблизился к стене.

"Вот, возьми их, это пятерки. Я заплатил за работу сегодня, но ты мне нравишься, так что они должны быть у тебя".

"Мне не нужны ваши деньги".

"Мне тоже. Возьми их".

"Нет."

"Что? Ты не пьешь и не хочешь брать хорошие деньги?"

"Нет".

"Я дам тебе три шанса, и на этот раз я буду стрелять".

"Возьми их! Один!"

"Нет".

"Возьми их! Два!"

"Нет".

"Возьми их, пока я не сказал три!"

"Нет".

"Ну что ж, тогда никто их не получит". И с этими словами Роджерс вышвырнул сверток за дверь в темноту. Затем он склонил голову на скрещенные руки и зарыдал.

Джимми, похоже, наблюдал за ним, потому что он поднял заслонку в стойке бара, вышел за дверь и почти сразу же вернулся, запихивая сверток в карман.

"Не обращай на него внимания, Уильям".

Затем обратился к Роджерсу: "А как же ваша выпивка?"

Транспортник встал.

"Ты видел поезд, Джимми?"

"Да".

"Никто не напился?"

"Не очень".

"Поезд пришел, а никто не пьян? Я напьюсь. Я напьюсь".

И с этими словами он затанцевал вокруг бара, размахивая стаканом. "Поезд! Поезд! Поезд!" ... Треск!

Все обернулись. Джон Роджерс, водитель транспорта Тантани, упал и лежал на полу без сознания.

"Роджерс пьян?" - раздался хор недоверчивых голосов со всех сторон. Никто не опустился, чтобы осмотреть его; возможно, потому, что мало кто, кроме Уильяма и бармена, считал, что опускаться вполне безопасно. Тогда несколько его товарищей толкнули его ногами под сиденье и снова повернулись к стойке.

"Бедный старина Роджерс, - говорили они, - кто бы мог подумать? Должно быть, у него ломка. Раньше он днями напролет ходил без единого волоска. Бедный старый негодяй. Поезд лишил его возможности передвигаться. Да, вот что его расстроило".

Но Уильям встретил Роджерса на следующее утро, уже вполне в себе.

"Доброе утро, парень".

"Доброе утро".

"Джимми вернул мне мои деньги".

"Конечно."

"У тебя есть работа?"

"Нет".

"Ищите?"

"Да".

"Что ж, отправляйся со мной в следующее путешествие. Я поеду на строгом т.т. Я покажу тебе хорошую стрельбу, и мне нужен крепкий молодой человек, чтобы помогать мне со скотом. Джимми сказал мне, что думает, что ты приедешь. Я хочу, чтобы ты приехал".

Уильям поехал, и возникло партнерство, которое принесло прибыль обоим.

Роджерс и Блейк владеют большим скотоводческим ранчо за Белингве. Роджерсу, наверное, уже около семидесяти, а он все еще бодр и весел.

ПОТЕРЯННЫЕ РУБИНЫ.

Если бы вы спросили южноафриканского горняка, он, без сомнения, ответил бы вам, что в Африке нет рубинов. Он будет неправ.

Насколько мне известно, были найдены два очень крупных рубина. Один из них я видел. О другом я слышал. Поверьте мне на слово, в Африке много рубинов. Я даже скажу вам, где именно. Надеюсь, вы отправитесь на поиски и, более того, найдете их.

Рубины, о которых я пишу, можно найти на берегу реки Замбези, где-то ниже водопада Виктория. Если бы я мог дать более точные сведения, я бы не стал этого делать: Я должен сам пойти и поискать их.

Как я уже говорил, я знаю, что они там есть, потому что я действительно держал одного из них в руках. Человек, который мне его показал, сказал, что это рубин. Я ему, конечно, поверил. У меня были на то основания. Но чтобы убедиться в этом, я поместил его между двумя полукронами, положил драгоценный бутерброд на плоскую гранитную плиту и сильно крутанул его под каблуком.

Мое серебро пострадало. Правда, мне удалось выдать эти полкроны кому-то, но я чувствовал себя преступником.

Старик, показавший мне рубин, выглядел очень старым человеком. Он был шотландцем. Его длинная борода была лишь слегка рыжеватой, в остальном она была белой. Если быть совсем точным, то, наверное, следует сказать, что у него была длинная белая борода с розовым оттенком. По крайней мере, так мне показалось, когда я впервые увидел ее и его.

Всего двадцать пять лет назад старик пришел в мой лагерь на реке Замбези, в сорока пяти милях выше водопада Виктория.

Если не считать бороды, он был явно стар. Его ноги были худыми. Он ковылял из-за ревматизма. Его щеки были впалыми, а уши - очень тонкими! Я хорошо помню его уши, они были почти прозрачными, а руки - ну, они были просто когтями.

Этот бедный старик пришел ко мне за тремя вещами.

Первое. Могу ли я починить ружье? Я взглянул на старое грязное оружие и признал, что оно мне не по зубам. Это было двуствольное ружье, у которого из правого ствола ушло четыре дюйма, из левого - один, а металлическое ребро, которое должно было соединять эти два ствола, было выгнуто назад на добрых десять дюймов.

Он объяснил, что пытался подстрелить королевскую рыбу и его ружье взорвалось. Он предположил, что ночью в ствол забралась мышь.

Возможно, так оно и было.

Мне лично следовало бы сказать, что ружье страдает от той же болезни, что и его владелец, - от старости.

Ну что ж, в вопросе с ружьем я ему помочь не мог, так что же делать дальше?

Не найдется ли у меня капельки хорошего виски? Да, клянусь Джинго, у меня была, и бедный старик был очень рад ей.

Я дал ему хорошую дозу его родного лекарства, которое, казалось, отбросило время по крайней мере на пару десятков лет назад.

А третье?

О да, третье. Он начал так: -...

"Видите ли, я старый человек. Я честный человек, о да, очень честный. Я не лгу, как другие".

Он сделал паузу и выглянул из двери моей палатки.

"Двое других - плохие".

Я не пытаюсь воспроизвести его акцент или его странную, кряжистую манеру говорить, потому что не могу. Он был старым шотландцем, так что местный колорит вы можете передать сами.

"Я хочу вам кое-что сказать".

"Да".

"Вы не выдадите меня?"

"Нет, конечно, нет".

"А двум другим не расскажете?"

"Конечно, нет, но кто эти двое?"

Старик снова выглянул из палатки и быстро вернулся ко мне. Он приложил палец к носу и подмигнул. Затем он громко сказал: "Мне пора идти. Спасибо за выпивку. Нет, я больше не буду. Уже поздно, и мои приятели будут волноваться".

За его разговором я услышал приближающиеся шаги.

Старик отступил от моей палатки, и я последовал за ним. В нескольких ярдах от нас торопливо приближался еще один человек. Он с тревогой переводил взгляд с меня на старого шотландца и обратно.

Он остановился и, обращаясь к пожилому старику, сказал: "Что вы здесь делаете?"

Это меня раздражало. Я уже собирался резко спросить, чего он хочет, но выражение лиц обоих заставило меня остановиться.

На лице старика - страх, на лице новичка - гнев, подозрительность, жадность, жестокость - плохое лицо плохого человека.

Мое любопытство было возбуждено, и я ответил на вопрос.

"Ваш друг выпил со мной. Не хотите ли и вы выпить?"

"Нет, не буду". Затем, подумав: "Нет, большое спасибо". И парень улыбнулся своим уродливым ртом, но не глазами.

Незванный гость, как мне показалось, торопился уйти.

"Нас ждут ребята из каноэ, и мы должны идти. Пойдемте, Макдональд".

Старик повернулся ко мне лицом, и, когда он прощался, я увидел в его глазах сильный страх.

Не обращая внимания на другого, я умолял его остаться на ночь и обещал сделать все возможное, чтобы починить его ружье. Он покачал головой и медленно отвернулся.

Уродливый мужчина поспешил за ним к берегу реки и помог ему сесть в каноэ. Я чувствовал, что здесь что-то не так, но не понимал, как могу вмешаться.

Когда пара отчалила от берега, второй мужчина обернулся и бросил на меня ищущий взгляд. В чем может быть загадка? Этот толстощекий, черноволосый маленький дьявол замышлял что-то недоброе. Он выглядел так, словно при необходимости мог убить старика, меня или кого угодно еще.

На следующий день я ничего не видел, но мои туземцы сказали мне, что на той стороне стоят три белых человека с повозкой. Я послал мальчика разведать местность, но он вернулся без каких-либо важных сведений.

На третий день я почувствовал такое беспокойство по поводу старика, что наполовину решил переправиться через реку, чтобы увидеть его. Мне помешало это сделать появление в моем лагере самой отвратительной пары грубиянов, на которых я когда-либо обращал внимание.

Пока они шли от реки, у меня было время рассмотреть их. И выглядели они отъявленными негодяями.

Человек, уже наносивший мне один визит, быстро разговаривал с толстым, нездорового вида парнем, который, похоже, считал простую ходьбу чрезмерной нагрузкой, так как пыхтел, сутулился и ходил неловко.

На незнакомце был жилет, но без пальто. Его красные браслеты неряшливо болтались по обе стороны: он забыл накинуть их на плечи, когда надевал жилет.

Когда они дошли до моей палатки, я предложил им стулья. Толстяк опустился на один из них, а его плотный спутник встал.

Последний заговорил. Второй вытирал потный лоб синим хлопчатобумажным платком и, казалось, только и мог, что говорить: "Так и есть, да, да", поддерживая быструю речь своего собеседника.

Вскоре стало очевидно, что эта драгоценная парочка хотела узнать именно то, что старик рассказал мне три дня назад. Поскольку он ничего мне не сказал, ответить им было легко.

"Как я нашел старика?"

"Просто он показался мне очень старым, слишком старым, чтобы быть в Замбези в его время".

"Не показался ли он мне легкомысленным?"

"Напротив, вполне нормальным".

"Не наплел ли он мне каких-нибудь странных историй?"

"Нет; просто рассказал о своем пистолете и несчастном случае с ним".

"Ну, на самом деле он был не в себе, и я действительно не должен верить всему, что он говорил. О боже, он держал их обоих в приступах смеха по дороге вверх своими странными представлениями. Рассказы о золотых приисках и тому подобная чепуха. Разве он не говорил о таких вещах?"

"Нет".

"Ну, сейчас он лежал в постели с приступом лихорадки и говорил еще более странно, чем обычно. Да, если бы я мог выделить деньги, они хотели бы дать ему немного хинина; но им лучше уйти, потому что не стоит играть в игру, оставляя старика надолго с лихорадкой".

Пара встала, чтобы уйти.

Они оба мне не понравились, особенно толстяк, который показался мне городским паразитом - барменом, букмекером, помощником табачника или кем-то в этом роде. Они оглядывались по сторонам и колебались, явно ожидая, что им предложат выпить со мной. Я бы скорее выпил "на троих" бутылку пива с парой свиней.

Вскоре они ушли, с явным облегчением обнаружив, что я ничего не знаю.

Теперь я был полон решимости узнать все и как можно скорее; но как снова связаться со стариком наедине - вот в чем была сложность.

Сидя в кресле и размышляя, я вспомнил замечание мальчика, которого я послал за ними шпионить: "Толстяк пил много каффирского пива, которое он покупал у туземцев, живших на северном берегу реки".

Я послал гонца к старосте деревни с приказом приготовить много пива, горшки и горшки, и отнести его новым и полуперебродившим к белым людям на другой берег. Я велел старосте продавать его дешево и сказал, что компенсирую разницу.

Со временем я получил свое вознаграждение. Старый шотландец подошел и сказал, что один из его спутников очень страдает, а другой пытается облегчить боль, растирая жир на животе, что он сам ушел незамеченным и теперь хочет рассказать мне все об этом.

Мне, естественно, не терпелось узнать, в чем дело, и я заставил старика сесть.

Почему, спрашивается, старики не могут быстро перейти к делу? К моей досаде, он потратил добрых полчаса, рассказывая мне, какие мерзавцы эти двое; он был уверен, что, получив полшанса, они "уделяют его", но только после того, как выведают у него его секрет. Рассказать им? Ни за что на свете!

Но он рассказал бы мне, о да, он рассказал бы мне. Вы когда-нибудь видели рубин? Нет, не в кольце? Так вот, я должен увидеть его сейчас и подержать в руке. Большой, подходящий для короля. И он рассказал бы мне, где найти еще. Сотни. Двое других привели его в Замбези, чтобы узнать, где есть рубины. Но он не собирался им рассказывать. Они были слишком скупы на бутылку виски; кроме того, они не стали бы подписывать на ней бумагу. Человек, который не подписывает бумагу о сделке, замышляет недоброе - не собирается играть честно. Сколько же, по-моему, они должны заплатить ему за то, что он покажет им, где находится рубиновая шахта? Может, пара сотен будет справедливо?

И так далее, и так далее, и так далее.

Я дал ему самый лучший совет, который мог дать, - предупредил, чтобы он не доверял своим спутникам.

Затем он показал мне рубин, который нес в маленькой синей бутылочке с надписью "микстура от лихорадки".

Я почти ничего не знал о рубинах и сказал ему об этом. Тогда я попробовал его между двумя полукронами.

Убедившись, что это очень твердый камень, даже если это не рубин, я вернул его ему, а он вернул его в бутылочку.

Затем он рассказал мне, что много лет назад он путешествовал в компании с отцом-иезуитом по берегам Замбези. И вот под деревней одного туземца, имени которого он на данный момент не помнит, он нашел рубины. Один он оставил себе, а второй отдал священнику, который сказал ему, что скоро поедет домой во Францию и выяснит, стоит ли этот камень чего-нибудь или нет. Если он имеет ценность, то продаст его и уйдет пополам.

Они вместе отправились на юг и расстались в Грэмстауне. Через год к нему пришел управляющий банком и сообщил, что преподобный отец перевел ему 480 фунтов.

Деньгигодились, и по той или иной причине он не стал беспокоиться о том, чтобы отправиться в Замбези за рубинами. А еще он женился и поселился в Бечуаналенде на ферме.

Но его жена недавно умерла. Две его дочери вышли замуж, а сын был убит во время восстания в Матабелеленде. Затем он потерял весь свой скот из-за чумы.

Поэтому он оставил ферму и отправился в Булавайо. Там он никого не знал, но сошелся с двумя своими спутниками, встретил их в баре, рассказал им о рубине и показал его. Еврей заверил их, что камень - точно рубин, и, как он полагал, дал немного денег на их снаряжение и дорогу.

Но они не подписали бумагу и затеяли что-то неладное. Он отправился в Замбези, чувствуя, что должен это сделать. В наше время было трудно заработать деньги.

"Но я расскажу вам все, - сказал он, - и где находится шахта, так что, если эти ребята меня убьют, вы сможете достать камни. У них их не будет. Ты знаешь, где река Гвай впадает в Замбези?"

"Да".

"Ну, это не так далеко вниз - послушайте! Ты это слышал?"

"Нет, что?"

"Этот призыв о помощи. Вот он снова".

Мы подошли к двери палатки и посмотрели в сторону реки. На середине реки мы увидели каноэ с днищем. На одном конце сидел белый человек, на другом - туземец. Второй белый мужчина плыл к берегу.

Я побежал вниз к причалу, на ходу подзывая своих каноэ. На мгновение я забыл о своем посетителе. В воде был белый человек, и, хотя он, несомненно, был негодяем, я не мог позволить ему утонуть.

Мы с ребятами вытащили его на берег. Это был худощавый человек. Его толстый, нездоровый на вид товарищ плыл вниз по реке на перевернутом каноэ.

Высадив одного, я отправил своих ребят за вторым. Они основательно намокли, а городской парень был сильно напуган.

Я высушил их одежду, а затем отправил их обратно в лагерь на своем каноэ. Оказалось, что на них напал разъяренный гиппопотам.

Все это время у меня было мало времени, чтобы подумать о старом Макдональде. Я спросил о нем своих людей, и они сказали мне, что он ускользнул и переправился на каноэ в лагерь белых, пока сушилась одежда других мужчин.

О каффирском пиве не было сказано ни слова. Если эта парочка негодяев шла через реку ко мне за помощью или лекарством, когда произошел несчастный случай, они забыли упомянуть об этом в волнении момента и после.

На следующий день они исчезли - все трое, рубин и все остальное. И я больше никогда не видел ни одного из них. Но в одной из газет Булавайо, которая попала ко мне позже, я увидел следующее объявление:

"В Мемориальной больнице, Булавайо, Джон Макдональд, умер от черноводной лихорадки. Похороны (Хендрикс и сыновья) начнутся в больнице в 3.30 пополудни".

Итак, повторяю, рубины есть в Африке, где-то на берегу Замбези, ниже водопада, но к северу от места слияния с рекой Гвай. Если вы решите отправиться на их поиски, удачи вам!

КОРОЛЬ СКОТА.

По профессии Шиллер торговал скотом и делал большие деньги.

Он был евреем по происхождению, австрийцем по воле случая, парикмахером по образованию и солдатом удачи при удобном случае. Он был совершенно неграмотным.

Хотя он не умел ни читать, ни писать, но вел достаточно точную отчетность по всем своим многочисленным сделкам с туземцами. Однажды он показал мне свои счета. Они состояли из отметок на счетных палочках. Я не мог понять ни головы, ни хвоста, но Шиллер знал с точностью до шиллинга, сколько стоит каждый вол и сколько у него скота.

Однажды воскресным утром он пришел ко мне в бунгало и рассказал все деревенские сплетни. Между прочим, он заметил, что мои волосы нуждаются в стрижке, и спросил, не может ли он получить удовольствие от операции.

Я поблагодарил его и сел.

К моему изумлению, он достал из маленькой черной сумки все необходимые инструменты, включая розовый лист с печатью, который он стал накручивать мне на шею.

Его прикосновение было безошибочным.

"Разве вы не профессионал?"

"Да, сэр, из... с Бонд-стрит".

С того дня дважды в месяц, если я был дома, этот человек, стоивший не менее двадцати тысяч фунтов, стриг меня за шесть пенсов.

Он называл себя "Королем скота".

Впервые я встретил его, когда он подал заявление на получение лицензии на торговлю скотом в моем офисе: это было много лет назад.

Поскольку в те времена мы могли выдавать или не выдавать лицензию по своему усмотрению, я внимательно расспросил Шиллера.

Он не был похож на обычного еврея. У него не было ярко выраженного носа: напротив, он был маленьким и курносым. Он сказал мне, что он еврей, но я не должен был догадаться об этом.

Он носил длинный ряд медальных лент и, в подтверждение своих притязаний на них, предъявил увольнительные документы от всех иррегулярных войск, сформированных в Африке за последние двадцать лет.

Я внимательно прочитал бумаги и пришел к выводу, что этот маленький человек, обратившийся за лицензией, был убежденным пожирателем огня и очень галантным солдатом.

Он не был приверженцем лагеря. Его медали были заслуженными и получены ценой не одного ранения. Позже я видел эти почетные шрамы.

Я выдал ему лицензию и попросил подписать обязательство, призванное контролировать некоторые нежелательные действия, которыми, возможно, он захочет заняться.

Он не смог написать свое имя. Его обещание украсил большой крестик с несколькими ненужными кляксами. Он никогда не нарушал своего слова: слово этого человека было его залогом в самом прямом смысле этого слова.

Я всегда считал, что неграмотный человек учится гораздо быстрее, чем тот, кто ведет записную книжку. Первый полагается на свою память и тем самым укрепляет ее; второй препятствует ей, признавая ее ограниченность.

Он быстро выучил местный диалект, и его произношение было довольно хорошим. Это дало ему преимущество перед конкурентами-торговцами.

Туземцы любят слушать, когда на их языке говорит белый человек, а поскольку Шиллер был беглым собеседником, его компания была очень востребована.

Он был гением торговли. Все, что он предлагал на продажу, вскоре становилось предметом гордости среди многочисленного туземного населения. Он познакомился с большинством знатных дам страны. Зная, что великие дамы, будь то белые или черные, определяют моду, он убедил их покровительствовать его магазину и принимать длинные кредиты.

Если тот или иной узор не нравился обществу, одна из важных дам вскоре появлялась, задрапированная в ярды этого узора. Если бы этот цветной бисер не продавался свободно, то вскоре можно было бы увидеть на нем одну из важных дам.

Но ему нужен был скот, и он его получил. Его стадо прекрасных животных стало таким большим, что сам вождь стал завидовать и предупредил своих людей, чтобы они не продавали их слишком свободно.

Но стадо все равно увеличивалось. Этот человек вел себя с людьми более справедливо, чем другие торговцы, и, кроме того, не совершал ошибок, слишком сближаясь со своими покупателями.

Во время моего отсутствия в инспекционной поездке разразился кризис. Вождь запретил своим людям иметь какие-либо дальнейшие дела с Королем скота.

Шиллер подсчитал свою прибыль, заклеил скот и отправил его на юг к железнодорожной станции для продажи. Затем он закрыл свой магазин.

Как раз в это время прибыло несколько повозок с множеством ящиков и тюков с новыми товарами для него. Они были разгружены, распакованы и исчезли в закрытом магазине.

Затем Шиллер сделал в двери магазина люк, не похожий на люк железнодорожной кассы. Ставню он оставил приоткрытой, а перед всеми окнами нагромоздил товары. Черные носы в изобилии прижимались к стеклам, но товары - товары повсюду - закрывали вид на внутреннее убранство магазина.

Сквозь люк виднелся таинственно занятый Шиллер. Перед ним лежала клетчатая доска с множеством маленьких деревянных дисков. Он сидел, не отрывая глаз от доски, и время от времени двигал диск.

Всем любопытствующим он говорил, что его магазин закрыт по приказу вождя, а сам он очень занят.

Весть об озабоченности торговца разнеслась по округе. Неужели он готовит лекарства, чтобы навредить людям? Конечно, нет; он был добрым маленьким человеком.

Общался ли он каким-то странным образом с отсутствующим комиссаром? Возможно, и так; лучше убедиться в этом.

Вождю стало не по себе. Наконец он послал своего главного старосту узнать, в чем дело.

Этот староста получил некоторое образование в школе при миссии, поэтому он написал вежливое письмо, чтобы предупредить торговца о своем приходе.

Сэр,

Приветствую честного человека, торговца. Надеюсь, вы хорошо выспались. Я говорю вам, что давно вас не видел и намерен приехать, чтобы узнать, как вы поживаете. Я здоров, и жена моя здорова. На этом я должен закончить свое письмо.

Ваш друг,

Гони.

На конверте был указан адрес:

Мистеру Шилеру, эсквайру,
Торговец.

Письмо было должным образом доставлено к люку. Шиллер сделал вид, что прочел его, и сказал, что ответа нет.

Как правило, он приносил свои письма, чтобы их прочитал мой родной клерк, но я взял его с собой в поездку.

Если король скота и удивился, когда староста открыл задвижку люка и заглянул внутрь, то никак этого не показал.

Он нетерпеливо поднял глаза от своей доски с тягой, нахмурился, заметив, что его прервали, и снова перешел к игре. Он играл сам с собой, и сам себе не давал покоя.

"Доброго дня тебе, купец".

"Доброго дня, Гони".

"Надеюсь, ты хорошо спал?"

"Да, а вы?"

"О, да, я очень хорошо выспался, спасибо, купец".

Наступило молчание, и игра "я *против* себя" продолжилась.

"Спасибо, что не взяли меня сюда", - пробормотал Шиллер.

"Коронуйте меня, пожалуйста", - ответил Шиллер.

"Что ты делаешь, честный человек?" - спросил Гони.

"Да", - рассеянно ответил купец.

"Ты теперь не торгуешь, купец".

"Нет, ваш начальник закрыл мою лавку".

"Вы скажете комиссару?"

"Конечно".

"И что он сделает?"

"Шеф и вы узнаете, что он сделает, когда он это сделает".

"Что ты сейчас делаешь, честный человек?" - спросил Гони и добавил: "Могу я войти?"

"Да, если ты не будешь разговаривать или трогать товар".

Торговец встал и впустил туземца, но без церемоний вернулся к своей игре.

Гони обошел нагроможденные прилавки и осмотрел хорошо заполненные полки. Здесь действительно был товар. Товары на много голов скота. Одежда, цветная печать, бязь, латунная проволока, бусы, рубашки, шапки, пальто, сахар, варенье, табак, трубки, ножи, очки, ротовые органы и бог знает что еще.

При виде всех этих милых новинок в сердце старосты возникло множество желаний. Но вождь уже закрыл магазин.

Гони вернулся к тому месту, где сидел торговец, и стал наблюдать за ним.

С триумфальным криком Само побил себя двумя королями. Шиллер переставлял доску для нового поединка.

"Это игра?" - спросил Гони.

"Да, это игра".

"Это очень трудная игра?"

"Очень трудная".

"Вы долго учились?"

"Годы и годы".

"А я мог бы этому научиться?"

Торговец откинулся в кресле и пристально посмотрел на туземца. "Можешь", - сказал он.

"Ты научишь меня?"

"Я постараюсь; принеси стул и сядь".

Остаток дня Шиллер провел, посвящая Гони в тайны шашек.

На следующий день туземец пришел снова.

"Думаю, я уже умею играть, купец".

"Правда? Ну что ж, вы берите черные, а я буду играть белыми".

Шиллер выиграл, потеряв почти ни одного человека.

"Попробуй еще раз, Гони".

Шиллер сыграл хитро, и в следующий раз туземец показал себя немного лучше. Третью партию он провел еще лучше. Четвертую партию он выиграл.

Это была единственная партия в шашки, которую он выиграл у торговца. Торжествуя, староста уговорил вождя объявить, что магазин снова открыт. Торговец был хорошим человеком. Он действительно был честным человеком. Его скотомогильник был пуст. Что они скажут комиссару по возвращении? Торговец, конечно, стал бы жаловаться. К тому же магазин был полон очень хороших товаров.

На следующее утро магазин был открыт, и туземцы стекались к нему со своим скотом. Шиллер вел отличную торговлю и за неделю купил больше скота, чем все остальные торговцы вместе взятые за три месяца.

Гони был весьма уязвлен, поскольку купец заявил, что теперь он слишком занят торговлей, чтобы играть в шашки. Однако Шиллер, который не был дураком, закрепил свое положение короля скота, подарив Гонье доску и людей.

Последний раз я слышал о Шиллере в начале Великой войны. Он присоединился к войскам, которые отправились захватывать немецкую Юго-Западную Африку.

ПАРТНЕРЫ.

Джек Ферни и Уильям Блэк стали партнерами в обычно приятном деле постижения мира.

Насколько мне удалось выяснить, общего у этих двух людей было немного. Как оказалось, их объединяло то, что они были обуты в сапоги - не самые обычные сапоги.

Ферни ненавидел мокрые ноги. Он утверждал, что если вода попадает через верх сапога, то нога остается сырой весь день, а это вредно. Поэтому он проделал отверстия в коже верха по всему периметру, как раз там, где она сгибается, чтобы соединиться с подошвой. Он объяснил, что, поскольку вода должна найти свой собственный уровень, она будет вытекать из ботинок так же легко, как и входить, если дать ей справедливый шанс.

Блэк постоянно боялся, что у него вырастет ноготь на ноге, поэтому носил ботинки с двумя отделениями внутри: одно для большого пальца, другое для остальных. Это были очень уродливые, неуклюжие ботинки, но Блэк утверждал, что они являются надежной профилактикой и очень удобны.

Эти два странных существа не уставали обсуждать сапоги друг друга.

Ферни был вторым офицером на борту лайнера. По дороге домой из Индии он наговорил неповторимых вещей одному пастору. Когда он прибыл в Лондон, за ним пришли его начальники, строго отругали и уволили со службы.

Когда я узнал Ферни получше, я спросил его, из-за чего произошла вся эта неприятность. Он был не очень общителен; он просто сказал, что не может терпеть черное пальто, как не может терпеть черную кошку. На этом он сменил тему, и мне пришлось довольствоваться тем, что есть.

Блэк проработал клерком в Сити тридцать пять лет и, без сомнения, оставался бы им до конца своих дней, если бы одна пожилая леди, не его родственница, не оставила ему в завещании сумму денег, которая обеспечивала ему доход от шести до семи сотен в год. В завещании ничего не говорилось о том, почему и зачем, и Блэк заявил, что не может себе представить, почему она сделала ему такое доброе дело.

Судя по всему, Ферни и Блэк впервые встретились в Булавайо. Как именно, я не знаю. Они купили повозку с ослами и отправились к реке Замбези, которую пересекли в местечке Казунгула, примерно в сорока пяти милях выше водопада Виктория.

Их знакомство со мной было любопытным. Однажды Ферни вошел в мой лагерь в сопровождении Блэка. Он сказал: "Вы магистрат этих мест?".

"Да".

"Ну что, продадите нас?"

"Что вы имеете в виду?"

"Видите ли, мы партнеры, Блэк и я. Мы не ладим друг с другом и хотим распасться. Не так ли, Блэк?"

"Да".

"Значит, мы хотим, чтобы ты продал нас; продал наше хозяйство - повозку, ослов и все остальное, что у нас есть. Не так ли, Блэк?"

"Да".

"Но, - сказал я, - кого ты рассчитываешь купить в таком месте? В радиусе пары сотен миль нет ни одного белого человека. Я не куплю ослов, а туземцы не могут".

"Ничего страшного, - сказал Ферни. "Я сделаю все, что нужно, а выручку вы разделите между нами".

"Да, - сказал Блэк, - именно это мы и хотим, чтобы вы сделали".

Конечно, я согласился помочь и попросил их разложить вещи для продажи.

Когда все было готово, Блэк передал мне список, аккуратно написанный и с двумя колонками для денег, одна из которых называлась "Себестоимость", а другая - "Цена продажи".

Я никогда раньше не выступал в роли аукциониста, но это не имело значения; проникнувшись духом происходящего, я начал.

"Джентльмены, у меня здесь такая прекрасная орава ослов и такая крепкая повозка, какой никогда не было к северу от Замбези..."

Но Ферни прервал меня, сказав: "Сто шестьдесят фунтов".

Я взглянул на список. В графе "себестоимость" против пункта "пролетка ослов и повозка" значилось 160 фунтов.

Я совсем не получил удовольствия от продажи. Ферни покупал все подряд, назначая за все цену себестоимости. Общая сумма, я думаю, составила всего триста фунтов.

"Блэк, я должен тебе сто пятьдесят, вот, держи".

Блэк взял пачку банкнот, пересчитал их натренированными пальцами, кивнул и протянул Ферни квитанцию. Затем эта странная парочка пожала друг другу руки, озорно ухмыльнулась и поблагодарила меня за то, что я уладил их небольшое разногласие.

Мы пообедали вдвоем, и во время трапезы Ферни рассказал мне столько, сколько посчитал нужным.

Оказывается, по дороге к Замбези между ними возникли трения - ничего серьезного, но достаточно, чтобы они почувствовали себя немного уставшими от общества друг друга. Ферни считал, что он должен командовать отрядом; Блэк тоже хотел иметь право голоса. По мнению Блэка, Ферни был слишком диктаторским. Ферни считал, что Блэк слишком много вмешивается и всегда без необходимости. И вот однажды они сели за стол, спокойно обсудили ситуацию и решили, что Ферни должен купить долю Блэка, а Блэк должен стать пассажиром и платить Ферни столько-то в неделю.

Эта договоренность была настолько простой и полной, что я удивился, зачем вообще понадобилось впутывать меня в это дело. Подозреваю, что дело было в страсти бывшего клерка к регулярности и учету, так как сразу после продажи он составил официальное заявление о расторжении партнерства. Когда он и Ферни подписали этот документ, они попросили меня поставить на нем свою подпись.

После обеда мы некоторое время сидели, обсуждая пистолеты и винтовки. Под словом "мы" я подразумеваю Ферни и меня, поскольку у Блэка не было никакого огнестрельного оружия и, судя по всему, он им не интересовался.

Ферни так дорожил винтовкой Мартини-Генри и старым молотковым ружьем, что я безошибочно догадался, что именно они составляют его батарею. Вскоре он представил оружие на мое обозрение.

Дробовик был хорош в свое время, но пружина правого замка вышла из строя, так что пригодным оказался только левый ствол. Ружье Мартини было таким старым, а нарезка настолько изношенной, что я удивлялся, как Ферни вообще попадал во что-нибудь, во что целился. Но он попал. Он сказал, что познакомился со старой газовой трубой.

В тот вечер пара покинула меня и отправилась на север.

Время от времени я натыкался на этих людей; то один, то другой писал мне; позже их возницы многое рассказали мне; еще больше я узнал от туземцев района, в котором они бесцельно бродили; наконец, сестра Блэка доверила мне дневник своего брата. Записи в этой книге были сделаны стенографией. Я сделал полную расшифровку. Я сказал ей, что потерял книгу; я солгал. Книга до сих пор у меня. Она мирно умерла, так и не узнав о ее содержании.

Из этих различных источников информации я собрал несколько историй, которые теперь рассказываю впервые. Например, было любопытное приключение со львом.

Ферни почти весь день занимался стрельбой: стрелял для котелка, так как в лагере уже некоторое время не было мяса. Блэк, как обычно, оставался в лагере и писал свой дневник. Он также починил сапог.

По количеству выстрелов, сделанных Ферни во второй половине дня, он сделал вывод, что тот очень хорошо проводит время. С таким неопытным человеком, как Ферни, вооруженным такой винтовкой, как у него, было неразумно делать поспешные выводы.

Поздно вечером Ферни вернулся в лагерь очень горячим и усталым. Он был явно не в духе, так как, когда Блэк спросил его, не хочет ли он выпить чаю, тот грубо сказал: "Чай, чертова бабушка" и открыл бутылку виски.

Затем он позвал водителя и сказал, что ему нужна пара ослов, чтобы привезти мясо убитого им хартебиста. Водитель привел двух и последовал за Ферни в буш. Они вернулись только в одиннадцать часов вечера. Со временем Блэк начал беспокоиться. Около десяти часов он снова услышал, как Ферни стреляет, и удивился, как тот может видеть, чтобы прицелиться в темноте. Он, конечно, никогда не слышал о распространенной практике, когда, не будучи уверенным в своем местонахождении, стреляют в воздух, а затем слушают направляющий выстрел из лагеря.

Да это и не помогло бы, если бы он знал, ведь он никогда в жизни не стрелял из оружия. Второму вознице, который тоже остался в лагере, не пришло в голову спросить Блэка, почему он не отвечает на сигналы бедствия; он совершенно естественно заключил, что Блэк не делает этого по собственным причинам, а не по незнанию или неумению.

Справедливости ради надо сказать, что Ферни тоже раньше не слышал о таком способе подачи сигналов. Его ввел в курс дела мальчик из повозки, когда они решили, что заблудились.

В одиннадцать часов странники нашли дорогу обратно в лагерь. Ферни был в еще худшем настроении, чем раньше.

"Какого черта ты не ответил на мои выстрелы?"

"На твои выстрелы?"

"Этот парень не только глухой, но и безмозглый идиот?"

"Я слышал, как ты стрелял, но подумал, что ты наткнулся на еще одного зайца".

"Как, черт возьми, по-твоему, я могу видеть, чтобы стрелять в такой крошечной тьме?"

"Не знаю; мне стало интересно".

"О, так ты удивлялся, да?"

"Ну, и что вы хотели, чтобы я сделал?"

"Петь или что-нибудь еще. Но как можно было ожидать, что у бывшего охотника за тушканчиками хватит лошадиного чутья на то, чтобы сделать хоть что-то, требующее проблеска интеллекта? О, молчи; конечно, это не твоя вина, а твоего Создателя".

Блэк остро ощутил грубую несправедливость этого нападения и молча сидел, глядя в огонь. Дело было в том, что Ферни сбился с пути. Он не мог найти мертвого хартебиста. Он проклял возницу за глупость, которой тот не был, и побил его, чего тот не заслуживал.

"Сгружай куски мяса у костра и убирайся к черту", - грубо приказал Ферни вознице. Тот освободил ослов от груза и, ссутулившись, ушел.

Блэк поднял голову. "Ты устал, Ферни. Может, поужинаешь?"

Ферни, готовивший кусок мяса зайца, сердито повернулся к собеседнику. Что-то в поведении Блэка резко привело его в чувство и не позволило добавить новые оскорбления к тем, что уже были нанесены его другу.

Вместо этого он сказал: "Прости меня, старик Блэк. Я зверь, и мы оба это знаем. Я беру назад все, что сказал; пожалуйста, забудьте об этом. И я должен дать этому шоферу порцию виски; я ударил его, и это было очень плохо, потому что он не может ударить меня в ответ, и я, а не он, был неправ".

Конечно, это был гнусный поступок. Ферни был крупнокостным, мощным мужчиной, с кулаком размером с баранью ногу. Он вряд ли знал о своей силе, но в былые времена на лайнерах ее могли подтвердить многие проблемные моряки.

Однако тотальный прием виски более или менее привел парня в порядок.

Блэк требовал, чтобы Ферни плотно поел, но тот не хотел. Он выпил полстакана неочищенного виски, а затем около галлона воды. Затем уложил одеяла и лег, повернувшись головой к куче мяса, а ногами к огню. Совершенно обессиленный, он тут же заснул.

У Ферни вошло в привычку, ложась спать, класть рядом с собой заряженное ружье и неизменно иметь под рукой большой гаечный ключ. Он не забыл сделать эти приготовления и сейчас, как бы ни был устал. Он делал их механически.

Блэк, оставшийся у костра, надел очки и записал свой дневник. Затем он тоже улегся на одеяло, рядом с тем местом, где лежал Ферни.

Заснуть ему удалось не сразу. Несмотря на его извинения, слова Ферни не оставили равнодушным. До сих пор это была самая страшная вспышка его болезни. Он никогда раньше не употреблял презрительный эпитет "бывший инкскрайтер". Из-за своей правдивости оно причиняло боль.

Поэтому Блэк лежал на спине, наблюдая за искрами, поднимающимися от костра у его ног. Он действительно видел мир, но начал сомневаться, что выбрал именно лучшие его части или самый приятный способ их увидеть.

Ни одна недоброжелательная мысль о Ферни не приходила ему в голову. Думаю, я могу с уверенностью утверждать это, поскольку в его очень полном дневнике нет ни малейшего намека на это. Напротив, прочную нить глубокого восхищения и привязанности к своему другу можно проследить на каждой странице этой странной книги.

Вдруг за кучей мяса послышалось легкое движение. Блэк медленно перевернулся на бок и посмотрел. К своему ужасу, он увидел большого льва, который принялся к мясу. Он протянул руку и дотронулся до Ферни, который тут же проснулся, сел и посмотрел. Как бы ни был неуверен в себе моряк, нервы у него были на пределе. Он выхватил ружье. В этот момент лев сделал короткий прыжок назад и с рычанием уставился на мужчин. Ферни приложил ружье к плечу и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало! Он забыл о сломанной пружине. Почему он не выстрелил из левого ствола, остается загадкой. Вместо этого он обхватил левой рукой ружье за спусковую скобу, крепко прижал ложе к плечу и резко ударил гаечным ключом по молотку. Он не попал в молоток, но задел большой палец.

"Нежный, прыгучий Джонсон!" - прошипел он сквозь стиснутые зубы. "Дьявол возьми эту проклятую штуку и перегрызи ее!"

С этими словами он метнул гаечный ключ в зверя и, не обращая внимания на кровь, хлещущую из раздробленного пальца, выстрелил из левого ствола в льва, который скрылся в темноте.

Прошло много дней, прежде чем палец зажил.

Я не думаю, что в начале их сотрудничества Ферни знал об огнестрельном оружии больше, чем Блэк. Вполне вероятно, что оба были одинаково невежественны. Из дневника этого не следует, но тогда нужно сделать поправку на то, что Блэк глубоко восхищался Ферни и всем, что он делал.

Конечно, Ферни много путешествовал и, благодаря своей морской подготовке, быстрее, чем Блэк, привыкал к незнакомым условиям и новым вещам. Благодаря упорству и расходованию большого количества боеприпасов ему удавалось снабжать лагерь мясом, но в те дни дичь водилась в изобилии.

Вероятно, если бы работа по поддержанию запасов была возложена на водителя ослиной повозки, все было бы лучше.

Есть сведения, что под руководством Ферни Блэк однажды попробовал свои силы в стрельбе по мишени. Я говорю "однажды", потому что он попробовал всего один раз.

Винтовка, из которой он стрелял, была, конечно, старая "Мартини" Ферни. Мишенью служил обесцвеченный череп быка, который они нашли на обочине дороги.

Показав ученику, как держать винтовку, как целиться и пользоваться прицелом, Ферни дал Блэку горсть патронов и ушел устанавливать мишень.

Блэк кипел от сдерживаемого волнения. Его сердце учащенно билось. Во рту было непривычно сухо. Он почти решился взять винтовку в тот же день после обеда и отправиться на поиски бакса. Он представил себе, как вскоре будет вместе с Ферни поочередно поддерживать горшок.

Сделав над собой усилие, он перестал строить замки, взял себя в руки и мысленно повторил наставления Ферни насчет винтовки. Он решил достойно показать себя.

Ферни тем временем установил мишень примерно в пятидесяти ярдах от него и отошел на безопасное, по его мнению, расстояние. Теперь он крикнул Блэку, чтобы тот стрелял, и добавил: "Не бойся этой чертовой штуки, она не причинит тебе вреда. Кроме того, неважно, если ты промахнешься с первого или двух выстрелов".

Блэк стиснул зубы, приложил винтовку к плечу и прицелился в череп.

Винтовка покачивалась.

Ему не терпелось начать с чистого листа.

Винтовка продолжала шататься.

Он задержал дыхание.

Винтовка зашаталась еще сильнее.

Он задерживал дыхание, пока его легкие чуть не лопнули. Тогда, боясь, он закрыл глаза и в отчаянии нажал на курок.

Бог знает, куда попала пуля. Ферни заявил, что она прошла прямо над его головой.

Но Блэк? Он бросил винтовку на землю и потерял ключицу и подбородок. Его очки упали. Со стороны Ферни казалось, что он ругается.

"В чем дело? Выстрели еще раз", - крикнул Ферни, подходя к своему другу.

"Ничего особенного, но я не хочу делать еще один укол. Слишком больно, а ты говорил, что не будет".

"Больно? Ерунда! Вставь еще один патрон".

"Не буду".

Ферни поднял винтовку и стал вытирать рукой пыль. "Hulloa! Что ты с ней сделал?"

"Сделал?"

"Да, вот эту выпуклость на стволе".

"Это я сделал?"

"Ну, раньше она не была такой".

"Не было?"

"Нет. А где моя затычка?"

"Что?"

"Деревянная затычка, которая была у меня в бочке. Боже правый! Не хотите же вы сказать, что стреляли из этой штуки с затычкой?"

"Я ничего не знаю о затычках. Вы дали мне винтовку, чтобы я стрелял, и я выстрелил. У меня болит шея, и я возвращаюсь в повозку".

Должно быть, в этой старой винтовке был хороший металл, иначе она наверняка бы взорвалась. Примерно в дюйме от конца ствола была выпуклость размером с куриное яйцо.

Одно приключение полностью запечатлено в дневнике.

Ферни подстрелил камышовку. Днем шел дождь, поэтому, следуя примеру мальчиков из фургонов, белые люди сняли крышу с заброшенной туземной хижины, подперли ее шестом и устроили под ней свои постели.

Ферни положил мясо камышовки на приподнятый карниз крыши хижины, чтобы оно не досталось бродячим ночным мародерам - гиенам, шакалам или местным собакам.

После опыта общения со львом он отказался от поврежденного дробовика в пользу более надежной винтовки в качестве средства защиты в ночное время.

Со временем оба мужчины легли в постель и заснули.

Их пробуждение было столь же внезапным, сколь и необычным. На грудь Ферни что-то тяжело упало. Все еще полусонный, он инстинктивно отпрянул. Его кулак с силой ударился о мохнатые ребра. Зверь хрюкнул и бросился прочь.

Тем временем Блэк получил лапой по голове от камышовки и отталкивал от себя липкую тварь.

Судя по всему, гиена пробралась между спящими людьми, бросилась к мясу, сваленному на перевернутой крыше, ошиблась с расстоянием и кучей свалилась на Ферни. В своей безуспешной попытке утащить мясо он вырвал кусок, который упал на Блэка.

Друзья снова устроились на кроватях, развели костер, и Блэк снова лег спать. Ферни, решив подстрелить гиену, если она вернется, уселся с винтовкой в руках и некоторое время наблюдал за ней.

Через некоторое время ему надоело сидеть, и он снова забрался в свои одеяла.

Наверное, час он лежал на спине, держа винтовку в руке, упираясь прикладом в грудь и устремив ствол прямо в небо. Именно в таких позах Блэк видел человека и оружие перед тем, как уснуть.

Сколько времени прошло до того, как Ферни уснул, никто не мог знать, но оба проснулись от звука выстрела из винтовки Ферни.

"Что случилось?" - спросил Блэк.

"Да я и сам знаю".

"Ты видел гиену?"

"Думаю, да, мне показалось, что видел".

"Думаешь, ты в него попал?"

"Я действительно не знаю. Наверное, мне это приснилось. Кажется, я выпустил винтовку во сне, а потом уронил ее. У меня болит челюсть и голень - просто ужасно".

"Вы хотите сказать, что выстрелили в воздух?"

"Думаю, да; а что?"

Блэк не стал дожидаться ответа. Он вскочил, натянул сапоги и бросился бежать. На бегу он крикнул: "Берегись пули!"

"Вернись, глупый осел!" - крикнул Ферни ему вслед. Но ответа не последовало.

Некоторое время он слышал шарканье незашнурованных ботинок Блэка, когда тот спешил прочь, но ненадолго, так как ветер дул в том направлении, куда направился Блэк.

Время от времени Ферни звал его, но ответа не было. Он забеспокоился за безопасность своего друга, встал и оделся. С фонарем в руке он бродил туда-сюда, кричал.

Когда стало достаточно светло, он позвал мальчиков из повозки, и все отправились на поиски Блэка.

Идти было недалеко. Они увидели его сидящим на дереве в полумиле от дома. Ферни пришлось забраться наверх и спустить беднягу вниз, так как он окоченел холода. На руках он дотащил его до лагеря. Энергичное растирание, горячее одеяло, еще более горячее виски и вода вскоре привели пациента в чувство.

С ним произошла любопытная история.

Когда он понял, что Ферни выстрелил из своей винтовки прямо в воздух, он решил, что рано или поздно пуля снова упадет вниз. Она может упасть на него. Зачем подвергать себя ненужному риску? Поэтому он побежал прочь. Ему показалось, что он успел натянуть сапоги, но не более. Он намеревался дать пуле десять минут, а потом вернуться.

Он услышал, как Ферни зовет его, и еще он услышал звук, который заставил его бежать быстрее и еще быстрее. Это было движение какого-то невидимого дикого зверя, рыскающего параллельно и очень близко от него. Один раз он остановился. Он остановился. Испугавшись, он побежал дальше, и оно тоже. По счастливой случайности он столкнулся в полете с деревом; инстинкт заставил его вскарабкаться наверх; он сделал это неуклюже.

"Оно" прыгнуло на него, пока он карабкался. Блэк, находясь на грани изнеможения, продолжал отчаянно бороться за дерево. Он услышал треск зубов, когда челюсти "Оно" сомкнулись в дюйме от его ноги. Он почувствовал горячее дыхание на своей плоти, и по позвоночнику пробежала дрожь.

Он подтянул ногу, когда зверь снова прыгнул. Он почувствовал, как каблук его сапога вцепился в челюсти твари; он ощутил всю тяжесть твари на своем тазобедренном суставе, когда его нога покачнулась под действием пружины зверя. Он изо всех сил вцепился в дерево. Что-то поддалось. Он задумался, насколько оторвалась его нога.

К счастью, потеря оказалась не такой уж серьезной: с ноги сорвали сапог - один из его лакированных двухкамерных сапог, а вместе с ним и кожу с пальцев.

Мальчишки из повозки, осмотревшие под деревом останки, определили, что это гиена, вероятно, та самая, которая пыталась украсть мясо.

Сапог не был найден.

Ферни действительно очень мало знал о стрельбе по опасной дичи. Думаю, это не имело большого значения, потому что он был безрассудным парнем и совершенно не боялся.

Однажды днем он выстрелил в затаившуюся зверюгу и попал ей в живот. Это была самка леопарда, на три четверти взрослая. Она бросилась на него. Ферни не успел зарядить патроны и ударил ее кулаком. Тяжелый удар на мгновение остановил ее, но не более. Она снова бросилась на него и с разбегу ударила, наполовину задев его и нанеся глубокие раны на животе и бедрах.

Ферни заревел как бешеный. Бросив винтовку, он схватился с ней. Она сражалась оружием, которое дала ей природа, он - как дикарь до появления оружия. Он не произносил ни слова; звуки, которые он издавал, вырывались из горла, а не из языка - это были неистовые крики дикого зверя, борющегося за свою жизнь.

Вскоре Ферни споткнулся и упал. Они перекатывались в пыли: он, полуослепший, искал ее горло, она - кусала и рвала его плоть. Он навалился на нее и прижал к земле; так он вцепился ей в горло и держался до конца.

До конца?

Ферни убил леопарда своими руками, задушил ее. А что же с человеком?

Ослепленное, растерзанное существо, покрытое кровью и пылью; его скальп свисал грубой бахромой со лба до подбородка; одежда в клочьях; повсюду зияющие, зияющие раны. Эта

развалина сильного человека встала, издала один длинный, громкий победный рев и упала без сознания.

Мальчики из повозки слышали выстрел, слышали они и этот крик. Подумав, что их хозяин убил антилопу, они направились к тому месту, откуда, по их мнению, донесся крик. Они обнаружили Ферни и леопарда, лежавших бок о бок, и сначала подумали, что оба мертвы. Так было бы лучше.

Но Ферни не был мертв. Его хватка на жизнь была сильно ослаблена, но еще не потеряна. День-другой он пролежал, а потом умер. Его агония была ужасной. Он не мог пошевелиться; началось заражение крови; он знал, что должен умереть, и час за часом умолял своего друга застрелить его.

"Пристрели меня, Блэк. Ради всего святого, стреляй. Боже мой, я не могу этого вынести. Убей меня, Блэк! О, давай быстрее, Блэк!"

Час за часом Блэк сидел возле своего умирающего друга. Он не делал ничего, кроме как отгонял мух. Он был беспомощен. Он не знал, что делать. Он почти не слышал о первой помощи, а лекарств у них не было.

Один из возниц разыскал меня и нашел. Я ехал день и ночь, но Ферни был мертв, когда я приехал.

После того как мы похоронили Ферни, я думаю, Блэк был самым одиноким человеком на свете. Для него ничего не осталось. Он сильно постарел за те несколько дней, что его друг безнадежно пролежал в больнице. Всякий раз, когда он смотрел на меня, слезы наворачивались и текли из-под нижней оправы очков. Он не мог остановить их, да, похоже, уже и не пытался.

Плачущий человек - не самое приятное зрелище для мужчины. Я стал избегать его. Я ссылался на служебные обязанности и ненавидел себя за это. Его очевидная агония горя стала для меня обузой. Все его существо, казалось, молило о помощи, а я не знал, как ее оказать; никто не мог ее оказать.

Как раз в это время началась Южноафриканская война. Я получил официальное уведомление об этом и рассказал Блэку. Его манера поведения изменилась, изменилась со странной быстротой; я не мог понять, почему. Мне и в голову не приходило, что это беспомощное существо видит в той войне возможность; но он увидел и воспользовался ею.

На следующий день Блэк попрощался со мной. Он был почти весел. Он не был прежним Блэком. Он выглядел решительным, более мужественным, двигался бодро.

Больше я его не видел. Многие из того, что произошло, я узнал из его дневника, который прислала мне его сестра; остальное - от случайного знакомого в Кейптауне.

Он отправился на юг, в Булавайо; оттуда доехал до Бейры и переправился в Дурбан. В Дурбане он записался добровольцем на действительную службу и, разумеется, был отвергнут всеми офицерами-вербовщиками.

В конце концов, один предприимчивый газетчик взял его на службу. Он ничем не рисковал, потому что Блэк не просил жалованья. Блэк сразу же отправился на фронт в качестве аккредитованного военного корреспондента. Какими были бы его статьи, я не представляю, но он не написал ни одной. Ему повезло. В тот самый день, когда он прибыл в штаб, шальная пуля попала ему в лоб и сразила насмерть.

Как странно все это было! Выстрел, сделанный неизвестно откуда и без видимой причины, попал в мозг человека, который жаждал смерти; возможно, единственного человека в Южной Африке, который в тот момент жаждал смерти.

ПИСЬМО ДОМОЙ.

I.

"Я и мои люди будем платить правительственный налог, у нас есть деньги, мы платим охотно и полностью; но барушу не будут платить, они будут воевать с правительством".

Реншоу сердито посмотрел на оратора и ответил: "Барушу будут платить. Все будут платить правительственный налог, и все будут платить добровольно и полностью. Кто ты такой, чтобы говорить о борьбе? Берите свои квитанции и уходите. Расскажите всем, кого встретите по дороге, что барушу платят государственный налог добровольно и в полном объеме".

"Я передам им, Морена", - сказал старый туземный вождь, поднимаясь, чтобы уйти. Но в его тоне не было убежденности, хотя отношение к белому человеку было уважительным.

Реншоу почувствовал беспокойство. До него доходили смутные слухи, что барушу, большое племя, живущее примерно в двадцати милях к северу, откажется платить туземный налог. Это было бы неловко. Это плохо скажется на остальных племенах. Ему было поручено подготовить свой округ к введению налога. Два года он упорно трудился, а потом доложил, что все готово к первому сбору налога. Это относилось ко всем племенам, которыми он управлял, за исключением, пожалуй, барушу. Это был дерзкий народ, который всегда грозил неприятностями, хотя на самом деле никогда их не доставлял.

Два его уполномоченных по делам туземцев, занятые получением налогов от другого вождя, были озадачены, обнаружив, что в этой общине проживает гораздо больше людей, чем указано в переписных листах.

Именно Реншоу обнаружил любопытное мошенничество, которое совершал вождь. Оказалось, что, выполнив все требования, он намеренно выдумал имена. Когда его спросили, как получилось, что все эти люди не были записаны в переписи, он предположил, что их, должно быть, не было дома в то время.

Наконец правда открылась.

"Я плачу охотно, - сказал старик, - охотно и полностью, Морена. Я заплатил правительству все деньги, которые у меня есть, потому что правительство просит денег. Я не Барушу, чтобы отказываться платить. Какая разница, сколько у меня людей; разве правительству не нужны деньги, и разве не правильно, что я должен отдать все, что у меня есть, правительству?"

"Старик, - добродушно сказал Реншоу, - забирай свои деньги. Барушу обязательно заплатит. Если, когда все заплатят, правительство все еще будет нуждаться в деньгах, я попрошу их у вас. На этот раз вы сделали достаточно; вы заплатили добровольно и хорошо".

Затем, обратившись к своим помощникам, он велел им вычеркнуть все новые и явно вымышленные имена, которые они только что внесли в реестр, и вернуть деньги, уплаченные

сверх положенной суммы. Позже, на досуге, они смогут проверить перепись, и, если обнаружат, что кто-то из людей действительно существует, то, разумеется, примут деньги.

Пока он говорил, к нему, запыхавшись, подбежал торговец скотом. "Там восстание!" - кричал он; "Барушу поднялись. Они убили моего компаньона и забрали мой скот. Они перебили полицию и скоро будут здесь. Быстрее! Сформируйте лагерь и давайте в него!"

"Прекратите это и идите туда!" - сказал Реншоу, указывая на свою палатку. Чиновникам, которые принимали деньги и выдавали квитанции, он дал указания продолжать работу.

Войдя в палатку, Реншоу спросил: "Как вас зовут?"

"Уилки".

"Они убили вашего партнера?"

"Да".

"Чем они его убили?"

"Не знаю, наверное, асеегаем".

"Значит, вы не видели, как они его убили?"

"Нет".

"Он мертв?"

"Я сказал вам, что барушу поднялись, что они..."

Реншоу прервал его: "Вы видели его труп?"

"Нет".

"Значит, вы не знаете, что он мертв. Вы говорите, что они забрали ваш скот; сколько его?"

"Сто пятьдесят голов".

"Они угрожали вам убийством?"

"Нет".

"Сделали ли вы что-нибудь, чтобы помешать Барушу забрать ваш скот?"

"Как я мог? Меня там не было".

"Кто отвечал за скот?"

"Мой партнер, Джонс".

"Еще один вопрос: кто сказал вам, что барушу победили полицию?"

"Туземец".

"Он также сказал вам, что Барушу восстали?"

"Да".

"И что ваш напарник был убит, а ваш скот уведен?"

"Ну, не совсем так; но..."

"Ты глупый пугальщик, распространяющий подобную ерунду, да к тому же еще и проклятый за то, что бросил своего напарника! Убирайся из моего лагеря; убирайся быстро; иди на юг, иди куда угодно. Мне все равно, куда ты пойдешь, лишь бы пошел!"

Мужчина стал возражать и пригрозил, что доложит в штаб о бесцеремонном обращении с ним Реншоу. Поскольку комиссар больше не обращал на него внимания, он ушел.

А Реншоу все это время сканировал дорогу, ведущую к месту предполагаемых неприятностей. Вскоре он вернулся в палатку, взял свой полевой бинокль и, вернувшись, направил его на дальнюю точку дороги.

Увиденное его встревожило; он вернул бинокль в футляр и нетерпеливо заходил взад-вперед перед палаткой. К нему приближался гонец, правительственный посланник - он узнал его по форме. В руке он держал расщепленную тростинку с вложенным в нее письмом. Его длинная арабская рубашка была собрана и заправлена в пояс, чтобы обеспечить большую свободу бега.

Посыльный шел уверенной рысью, которая позволяет местным жителям преодолевать такие удивительные расстояния в Африке. Приблизившись к Реншоу, он перешел на ходьбу, подошел к белому человеку, отдал честь и вручил ему письмо.

Конверт был адресован коменданту полиции в штаб-квартире. Не раздумывая, комиссар вскрыл его и прочел следующее:

Полиция К.А.Р., станция Мора.

"Понедельник, 26 июня, 19-.

Сэр,

Имею честь сообщить о восстании туземцев. Сегодня вечером я встретил большую толпу туземцев, которые вели себя так странно, что я счел за лучшее вернуться в лагерь, поскольку со мной было только двое полицейских, у них не было винтовок, а у меня - всего несколько патронов.

По дороге в лагерь я столкнулся с торговцем Джонсом с толпой скота, чей партнер Уилки был убит туземцами, и он очень хотел бы попасть в лагерь.

Я привожу лагерь в состояние обороны с помощью упомянутого Джонса и жду распоряжений.

Ваш покорный слуга,

Джозеф Уилсон,
старший сержант.

Значит, что-то в этом все-таки было. Реншоу отправился в свою палатку и написал ответ сержанту полиции:

Сержанту Джозефу Уилсону,

Я прочитал ваше письмо коменданту и займусь им. Не беспокойтесь слишком сильно о подъеме, я займусь и этим. Оставайтесь в лагере, иначе вы можете меня пропустить, я иду к вам.

Ричард Реншоу.

После короткого совещания с младшими по званию Реншоу отдал приказ.

Он послал за своей лошадей, велел переводчику взять пони, а также оседлать и нагрузить вьючного мула. Двое туземных комиссаров должны были работать как обычно, принимая налог от тех, кто приходил платить.

Был уже почти полдень. До заката ему предстояло преодолеть двадцать миль. Для него и его переводчика это было достаточно легко, но он также возьмет с собой оружейника и повара. Он верил в то, что должен быть надежным, и не видел причин для того, чтобы испытывать трудности сейчас. Двое пеших должны были поторопиться.

II.

Уже после заката они добрались до места назначения. Повар споткнулся носком о корень на тропинке.

Воспользовавшись оставшимся светом, Реншоу помог переводчику поставить патрульную палатку. Повар собрал дрова для ночного костра, а затем набрал воды из ближайшего ручья в полумиле. Оруженосец нарезал грубую траву для подстилки лошадям. У каждого слуги была своя работа, которую он выполнял с точностью, рожденной долгой практикой.

Место для лагеря было выбрано удачно. Впереди простиралась ровная равнина шириной, наверное, в милю. После первой четверти мили она сильно заболотилась; единственная тропинка вела через нее на возвышенность, окаймлявшую реку. Реншоу знал эту тропу, он был, пожалуй, единственным живым белым человеком, который знал ее. Возвышенность была густо заросла пальмами; за местом, выбранным для лагеря, на многие мили простирался негустой лес.

Принося последний груз травы, оружейник споткнулся о туземца, лежавшего на земле лицом вниз.

Он пошевелил его ногой. "Ну что, ты, что тебе нужно?"

Не получив удовлетворительного ответа, он подвел парня к Реншоу, который спросил, кто он такой.

"Один из людей Нанзелы, Морена".

"Нанзела Барушу?"

"Он самый".

"Где он сейчас?"

"На берегу реки".

"Со своими людьми?"

"Со своим народом".

"Что ты здесь делаешь?"

"Я как раз собирался присоединиться к нему, когда появился ты. Я испугался и спрятался".

"Ты можешь пойти к Нанзеле и передать ему послание. Скажи, что я пришла. Что я пришел, потому что слышу, как Нанзела хвастается. Он говорит, что не будет платить государственные налоги. Что он просит войны. Скажи ему, что если завтра к рассвету он не придет ко мне с деньгами в руках, я приду к нему с оружием в руках".

Пока Реншоу говорил, глаза туземца блуждали. Он мысленно прикидывал силы белого человека. Здесь был и сам белый - неизвестное количество людей, и чернокожий иностранец в одежде, который толковал слова белого человека, и туземец из соседнего племени, ухаживающий за двумя лошадьми, и полукаста, занятая кастрюлями с едой на костре. Насколько он мог судить, кроме них, больше никого не было. Он снова посмотрел на белого человека и задумался, какова его реальная сила. Впрочем, это не имело значения, поскольку к этому времени Нанзела расставил разведчиков по всем тропам, а за полицейским лагерем, расположенным в нескольких милях от него, велось наблюдение. За белым человеком тоже будут следить.

Солнце село, и теперь было совсем темно, если не считать костра, который развел повар. В миле от них, на возвышенности у реки, появились маленькие точки света. Барушу разжигали свои костры и готовились к ночлегу. Судя по расстоянию, на которое простирались эти костры, туземцы собрались в некотором количестве.

Вскоре до слуха белого человека донесся звук барабана, затем другого, затем многих.

"Что это за звук?"

"Я не знаю, Морена".

"Это не барабаны?"

"Это барабаны".

"Военные барабаны?"

"Я не знаю".

"Каково их послание?"

"Я не знаю".

Мужчина, конечно, солгал; он мог прочитать их послание так же хорошо, как и любой другой представитель его племени, находящийся в пределах слышимости.

"Иди, передай мое послание Нанзеле".

Мужчина повернулся, чтобы уйти, пожелав белому человеку покоиться с миром.

"Иди спокойно", - был ответ.

Вскоре повар объявил: "Ужин готов, сэр", и Реншоу пересел за небольшой походный стол. Как только он сел за стол, то почувствовал, что не может есть. Он решился на свое одинокое путешествие в самый разгар полуденного солнца, а теперь, когда стало темно и холодно, пожалел, что не взял с собой одного из своих помощников.

А если подумать, то он был очень рад, что пришел один. Если бы возникли проблемы - а на это было очень похоже, - можно было бы без нужды пожертвовать жизнью.

От задумчивости его отвлек повар: "Суп остыл, сэр".

"Ну так уберите его и принесите что-нибудь другое! Что там?"

"Гвинейская птица и немного местного гороха, сэр".

"Хорошо, и дайте мне выпить".

"Виски или джин, сэр?"

"Сегодня вечером - виски; не много, совсем чуть-чуть".

Выпив, Реншоу почувствовал себя более уверенно и принялся за морскую птицу.

Вскоре он поднялся, отошел на несколько шагов от своего лагеря и прислушался.

Должно быть, его послание дошло до Нанзелы: из лагеря Барушу донесся рокот далекого смеха, а затем гул голосов. Затем снова загремели барабаны, но на этот раз они били в хорошо знакомую Реншо песню, под которую туземцы танцуют.

Остановите свинью и посмотрите, где она пройдет;
Останови его! Остановите его! Остановите его!

То, что Нанзела увидел в его послании огромную шутку, слегка раздосадовало Реншоу, но он решил, что с людьми, обладающими чувством юмора, легче иметь дело, чем с теми, кто пребывает в угрюмом настроении. Да, пожалуй, было нелепо, что он пришел один с таким поручением.

Он вернулся к столу и снова набросился на морскую птицу, на этот раз уже энергично.

После ужина он раскурил трубку и заказал большую банку крепкого кофе. Ему предстояла долгая ночь.

Он не пытался заснуть - не хотел рисковать. В былые времена у барушу была отвратительная привычка совершать ночные нападения. Он не ожидал, что они нападут на него, особенно после их смеха; но он не собирался рисковать.

Он развел костер и убедился, что дрова собраны в достаточном количестве и лежат под рукой. Он велел своим туземцам повернуться и пошел к месту, где были привязаны лошади. Животные выглядели уютно: одна лежала, другая стояла с поникшей головой и дремала. Он убедился, что их одеяла надежно закреплены, а носовые сумки опустошены.

Затем он зарядил винтовку и привязал ее к шесту палатки, а также зарядил двуствольный двадцатизарядный пистолет, стреляющий большими свинцовыми пулями; очень удобно для ближних кварталов.

Затем он сел и прислушался. Костры в лагере поблизости по большей части угасали. Реншоу не питал иллюзий: он знал, что за ним наблюдают, но сколько именно, он сказать не мог. Возможно, Барушу задумали покончить с ним ночью. Если бы он взял с собой собаку, она бы своевременно предупредила его; но ни одна собака не сможет спокойно пройти двадцать миль в дневную жару без воды.

А если они его все-таки уничтожат, что тогда? Его мысли вернулись к Англии. Будет ли ей до этого дело? Он полагал, что будет; надеялся, что будет. Ну, нет, не совсем надеялся, это было

не то слово. Но было ли ей не все равно? Достаточно ли ей небезразлично, чтобы поселиться с ним в этой суровой стране?

Когда он покинул Англию за несколько месяцев до этого, она, похоже, сожалела. Ее письма тоже ободряли его, ведь она рассказывала о том, как хорошо они проводили время вместе, когда он был в отпуске.

Он достал из кармана ее последнее письмо. "Дорогой мистер Реншоу". Какая лысина. Вот если бы она написала "Дорогой Дик", или "Мой дорогой Дик", или..... Однако она этого не сделала, но подписалась "Ваш друг". В эту простую подпись Реншоу вложил целый мир смысла, который, конечно, мог и не подразумеваться, но, опять же, мог.

Боже правый! Почему бы не написать ей? Возможно, это его последний шанс. Эти глупцы на возвышенности за дорогой могут его упустить. У него были с собой письменные принадлежности. Он напишет.

Однако он должен быть осторожен в выражениях. Никаких патетических последних писем. Никакой героики в духе грошовых новелл. Если он все же пойдет на дно, ей будет приятно узнать, что незадолго до этого он думал о ней.

Взяв бумагу и несмываемый карандаш, Реншоу начал:

Мой друг...

Он долго не мог понять, о чем же ему писать? Он хотел сказать десять тысяч вещей. Большинство из них он не имел права говорить, потому что они не были помолвлены, между ними не было даже понимания. Оставшаяся часть выдала бы его с головой; она увидела бы, что он в опасности или, во всяком случае, в стесненных обстоятельствах. Он должен был написать в общих чертах.

Вот что он написал:

Мой друг,

Я совершаю одно из своих путешествий по стране; в данный момент я сижу у костра и пишу.

Сегодня ночью мне не очень хочется спать, крепкий кофе, который я выпил после ужина, не дает мне уснуть.

Туземцы вдалеке бьют в свои барабаны, что придает ночи дополнительную таинственность. Их грохот может означать сообщение, передаваемое африканским аналогом телеграфа, а может быть, веселый танец, проходящий за много миль отсюда. Вы помните наш последний танец?

Мы здесь совсем маленькие - всего пара лошадей, мул и трое туземцев. Иногда мне нравится путешествовать налегке, это дает ощущение большей свободы, независимости.

Завтра я продолжу свой путь; до самого утра я не буду знать, в каком направлении мне предстоит ехать. Все зависит от интересной встречи, на которую я созвал членов одного любопытного племени. Возможно, они организуют мое путешествие за меня.

Реншоу перечитал написанное и мысленно осудил его за глупое письмо, плохую попытку. Что еще можно было сказать? Он хотел сказать многое, но что еще он мог сказать? Он не мог

добавить, что теперь ему хочется спать и он должен лечь в постель, - это выглядело бы так глупо вместе с начальным упоминанием о крепком кофе. Как же ему закончить?

Он решил, что утром расскажет ей о своих планах, и подписался: "Твой искренний друг, Д. У.". Затем он заклеил конверт.

Поднявшись, он расщепил тонкую палку на несколько дюймов по длине, вставил конверт и закрепил его скруткой коры. Затем он вдавил палку в землю. Письмо в держателе напоминало миниатюрную доску объявлений. Если туземцы и избавятся от него, то не уничтожат письмо. Письменное послание в Африке священо: какой-нибудь туземец передаст его белому человеку. В свое время оно дойдет до нее, возможно, вскоре после известия о его смерти. Если бы ей было не все равно, она бы поняла. Если нет - сочтет письмо скучным.

Устыдившись своей слабости, Реншоу налил себе еще одну большую кружку крепкого черного кофе и вернулся к своему одинокому бдению.

Трое его спутников крепко спали и громко храпели. Из всех троих больше всего беспокоился переводчик, поскольку он должен был хоть немного понимать, в каком положении находится, но даже он спал. Полукровка был безмозглым парнем, хотя и хорошо готовил. Оруженосец не забивал себе голову вопросами, которые, похоже, не беспокоили его хозяина.

Вдалеке ревел лев. Мимо ног Реншоу в сторону костра промчался большой зеленый жук. Он подобрал его и зашвырнул далеко в темноту; насекомое почему-то напомнило ему о себе.

III.

Перед самым рассветом оружейник проснулся от холода. Он вылез из одеяла и пополз к костру, который уже потух и почти погас. Подойдя к огню, он увидел, что его хозяин спит в кресле, не укрывшись ничем, кроме одежды, в которой он ехал весь день. Мужчина тихонько достал свое одеяло и осторожно расстелил его на коленях хозяина.

Реншоу мгновенно проснулся. Его рука метнулась к пистолету, но, узнав своего оруженосца, он остановил это движение. Он принял внимание; отказ от грязного одеяла был бы немилосердным и обидел бы человека; к тому же он был простужен до костей. Он велел оружейнику разгрести костер и подбросить еще дров. В котелке еще оставалось немного кофе, он подогрел его и выпил.

Почувствовав себя теплее, он встал и зашагал по комнате, чтобы восстановить кровообращение и избавиться от скованности.

И все-таки он выспался; он был рад этому, потому что теперь чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим.

Он разбудил переводчика и велел ему накормить лошадей. Повар встал и занялся костром.

Взглянув на другую сторону равнины, он увидел признаки того, что барушу тоже проснулись. Точки света мерцали над ним через промежуточное пространство.

Небо на востоке окрасилось в красный цвет. Тишину нарушал лишь звук, с которым его животные хрумкали кукурузу. Этот звук разбудил стаю морских птиц, сидевших на деревьях неподалеку; они начали пронзительно приветствовать друг друга.

По мере того как становилось светлее, он заметил тонкую ленту белого тумана, повисшего над болотом. Это не мешало ему видеть возвышенность, на которой Барушу разбил ночной лагерь, но он не мог различить ничего, кроме темных теней пальм и подлеска. Свет первых лучей становился все бледнее по мере того, как разгорался день.

Оруженосец, обладавший обычным для нецивилизованного человека зрением, первым заметил движение на той стороне.

"Барушу идут, Морена".

"Хорошо, их много?"

"Да, много".

Реншоу взял очки и осмотрел дальний край болота. Да, они приближались, шли одним строем. Он улыбнулся, заметив изгибы тайной тропы, по которой они шли. Они шли по тонкому черному ручейку, постоянно питавшемуся из пальмового леса. Вскоре голова колонны исчезла в толще тумана, скрывавшего большую часть болота, но поток туземцев с пальм не прекращался.

Реншоу отвязал винтовку от палаточного шеста и положил ее и пистолет на походный стол. Затем он задвинул стол в патрульную палатку и, поставив стул у входа, сел. В таком положении ему оставалось только протянуть руку, чтобы достать оружие, если возникнет такая необходимость; пока же оно было вне поля зрения.

Хотя он уже давно ожидал увидеть первого Барушу, появившегося из тумана, он был немного ошеломлен, когда понял, что фургон встречной колонны находится в трехстах ярдах от него. Туземцы покинули тайную тропу, но по-прежнему двигались в одном строю.

К этому времени стало совсем светло.

Реншоу снова поднял очки и осмотрел своих гостей. Они были уродливы на вид и совершенно обнажены. Вскоре он понял, что в них есть что-то странное, но что именно? Конечно же, вопреки своему обычаю, они не носили ассегаев. Что ж, это, во всяком случае, хороший знак.

И опять же, они шли необычайно медленно. Очевидно, засекали время, пока их товарищи не пересекут болото. Поразмыслив, Реншоу отверг это объяснение. Он не сводил глаз с самого старшего. Тот выглядел хромым, хромым на правую ногу. Он сдвинул очки. Клянусь Джинго, все они были хромыми, все хромали или были скованы в правой ноге.

Загадку разгадал оружейник.

"Морена".

"Ну?"

"Почему барушу носят свои ассегаи в пальцах ног?"

"А что, правда?"

Значит, черти все-таки накликали беду. Преследуют его, что ли? За это он сделает кое-кого из них умным.

Белый человек достал из кармана несколько патронов и положил их на стол. Он взглянул на свое письмо, которое стояло в держателе, как миниатюрная доска объявлений.

Он посмотрел на тупоголового повара и пожалел его. Его переводчик, который стоял, похоже, чувствовал себя неважно. Оруженосец был совершенно невозмутим.

Возле большого мертвого дерева, одиноко стоявшего на равнине примерно в сотне ярдов от того места, где сидел Реншоу, вождь остановился, и барушу начали сбиваться в узлы, тихо переговариваясь. Реншоу не нравилось, как все это выглядит. Нужно что-то делать, и делать быстро. Он должен сделать первый шаг и не терять на это времени.

"Пойди, - сказал он переводчику, - и скажи барушу, что они могут сложить свои ассегай у того дерева, а после этого пусть выйдут и поговорят со мной".

"Морена, я боюсь".

"Похоже на то, но что с твоими руками, с твоим плащом?"

Переводчик был напуган и, что еще хуже, показал это. Он возился с пуговицами своего пальто, то застегивая их, то расстегивая, то снова застегивая. Его бледное, желтое лицо стало зеленоватым, глаза закатились, и он, казалось, не мог стоять на месте.

Так не пойдет. Даже если барушу не хотели ничего плохого, такая демонстрация страха не пойдет им на пользу.

"Подними это полено, - сказал Реншоу, указывая на огромный кусок дерева, собранный за ночь для костра, - и держи его в руках".

Испуганный мужчина повиновался, он держал полено, как женщина держит ребенка.

Реншоу повернулся к оруженосцу: "Пойди и скажи им, чтобы они сложили свои ассегай и вышли поговорить. Не подходи к ним слишком близко, кричи с половины расстояния. Я держу винтовку наготове".

Если Барушу вздумается убить своего человека, он сразу же откроет огонь и успеет сделать несколько выстрелов, прежде чем наступит конец.

Оруженосец шагнул вперед. Барушу наблюдал за его приближением. Один человек и без оружия. Они видели, что белый человек был один, если не считать государственного служащего в одежде; он, во всяком случае, не имел никакого значения. Еще был полукровка у костра; в конце концов, что могли сделать два человека против стольких? Что за ловушка? Нет, пусть этот парень идет вперед, они подождут и посмотрят, что он собирается делать.

На полпути оруженосец остановился и произнес свое сообщение громким голосом, чтобы все могли его услышать. Затем он повторил его. В третий раз никто не услышал его голоса, хотя он кричал громко, и Барушу разразились хохотом. "О, этот белый человек, какой же он хитрый; вот он нас вычислил и испортил нашу хорошую шутку. Ну-ну, лучше сделаем, как сказано, прижмем ассегай к дереву и послушаем, что он нам скажет. Но это было бы очень смешно".

Каждый поднял правую ногу и, вынув ассегай из промежутка между пальцами, приложил его к мертвому дереву.

Наконец все барушу расселись по местам, направляемые невозмутимым оружейником. По сигналу Нанзела, сидевшего чуть впереди своих последователей, добрых две тысячи человек захлопали в ладоши, приветствуя главного чиновника округа.

Пока все хорошо. Нормальные отношения были установлены. Обычные формальные вопросы о благополучии каждого были заданы и отвечены.

"Подойди ближе, Нанзела, и сядь здесь, - сказал Реншоу. "Я хочу поговорить с тобой".

Нанзела подошел к указанному ему месту и сел.

"Пришло время, когда все люди будут платить налог правительству. Вас предупреждали об этом?"

"Да".

"Все люди платят налог охотно и исправно".

Нанзела ничего не ответила, но смотрела на собеседника с выражением безразличия.

Реншоу небрежно положил руку на приклад винтовки и продолжил.

"У человека есть только два пути: один - к миру, другой - к беде, к войне".

Нанзела моргнул. Со своего места он не видел винтовки белого человека, пока его не позвали подойти ближе, и не заметил ее до того, как небрежный жест Реншоу привлек его внимание. Его руки и руки его людей были прислонены к дереву и на данный момент находились вне пределов досягаемости. Рука белого человека лежала на винтовке. Все белые были хорошими стрелками, а Реншоу имел репутацию лучшего стрелка, чем большинство других. Если сейчас он выберет неверный путь, то пострадает первым. Рисковать было неразумно.

"Только глупый человек ищет неприятностей".

"Вот именно, - сказал Реншоу, - поэтому все люди платят добровольно и сполна. Я вижу, у тебя на руке кошелек, и ты пришел заплатить свой налог". И снова его рука погладила приклад винтовки.

Нанзела расстегнул браслет, в котором хранились его деньги.

Повернувшись к переводчику, Реншоу велел ему отложить журнал, который он все еще держал в руках, и достать из вьючного седла книгу с бланками налоговых квитанций.

Нанзела вытряхнул из кошелька полсуверена.

Чиновник выписал квитанцию на десять шиллингов, которую отдал в обмен на деньги. Затем, повысив голос, он сказал: "Каждый человек, заплативший налог, должен носить свою налоговую бумагу в палке, чтобы все видели, что он заплатил добровольно и полностью".

Оруженосец вырезал тростник, разрезал его на несколько дюймов по длине и протянул Нанзеле. Вождь просунул налоговую бумагу в прорезь и скрепил сверху кусочком коры.

Как все было просто! Теперь человек за человеком выходил вперед, платил свой налог и получал взамен небольшой квадратик цветной бумаги, который он просовывал в расщепленный тростник, скрепляя его лоскутком коры. Если их вождь платил, они, естественно, следовали его примеру.

У Реншоу была с собой только одна книга квитанций, которую он в последний момент бросил в вьючное седло. В книге было сто бланков, и именно их он сейчас использовал.

У некоторых из них не было с собой денег, чему не стоило удивляться, ведь они пришли в поисках неприятностей и, конечно, не собирались платить налог. Он воспользовался этим как предлогом, чтобы больше не собирать налог в этот день, и сообщил Нанзеле, что будет сопровождать его и его людей обратно в деревню и разобьет там лагерь, чтобы каждый мог принести свои деньги из своей хижины. Он не упомянул о ночи, проведенной на возвышенности у реки.

Животные были оседланы, и переводчик отправился обратно на своем пони с запиской, призывающей туземных уполномоченных со всей возможной скоростью следовать в деревню Нанзела, захватив с собой переписные листы, бланки налоговых квитанций и прочий дорожный скарб.

Теперь образовалась странная процессия. Сначала шел вождь со своим ассегаем, снятым с дерева, в одной руке и с налоговым листом в другой. Затем шел телохранитель, состоящий из полностью вооруженных людей, некоторые из которых были с бумажками, а некоторые без них. Посреди них ехал Реншоу с ружьем, зажатым между седлом и бедром. За ним следовал оруженосец, ведущий мула; позади сутулился повар.

Сзади шли оставшиеся люди Нанзелы, у некоторых из них были налоговые палочки, которые они несли в воздухе, на зависть тем, кто еще не заплатил. Маленькие бумажки в палочках пришлись по душе детскому воображению этих дикарей; уплата налогов превратилась в игру, квитанция в палочке - в игрушку.

Сказать, что Реншоу испытал огромное облегчение, значит, не преувеличить. Оглядев толпу вооруженных людей, жаждущих заплатить налог и получить взамен кусочек цветной бумаги, он лучше, чем кто-либо другой, понял, в каком тесном углу он оказался.

Его мысли нарушила суматоха: ряды расступились, и к нему подбежал человек с письмом в палке; когда туземец поднял ее, она стала похожа на миниатюрную доску объявлений.

Боже правый! Это было его письмо домой; в волнении, вызванном стартом, он забыл о нем. Человек, принесший его, был одним из людей Нанзелы, который вернулся, чтобы подобрать все, что мог оставить белый человек или его слуги. Он, несомненно, надеялся найти в траве пару шальных патронов, а может быть, ложку или столовый нож.

Реншоу не стал снимать письмо с палки, а понес его так, как туземцы несут свои налоговые листы. Простые люди с нетерпением ждали, когда можно будет заплатить налог; не играл ли и белый человек в эту новую игру?

Письмо домой так и не было отправлено. Вместо него Реншоу прислал краткий отчет о своем приключении, рассказанный в весьма непринужденной манере.

Над каминной полкой его каморки висит рамка; вместо фотографии в ней лежит письмо в палочке, которая с небольшого расстояния выглядит как миниатюрная доска объявлений.

ДОКТОР.

Те, кто отправляется на поиски неприятностей, обычно их находят. Они не заслуживают сочувствия и редко его получают.

Благонамеренный человек тоже часто сталкивается с неприятностями, хотя это единственное, чего он не хочет. Когда он оказывается в затруднительном положении, люди жалеют его; они дарят ему ту жалость, которая сродни презрению, а не любви.

Но Гарри Уорнеру повезло. Он, несомненно, отправился на поиски неприятностей; кроме того, он хотел как лучше. Его награда была необычной и совершенно несоизмеримой с тем малым количеством добра, которое он сделал. Он обрел бессмертную, пусть и местную, славу.

Туземцы прозвали его "доктором". Он не был им, у него не было медицинской квалификации и он почти ничего не знал о медицине.

Но что чернокожие знают о квалификации или заботятся о ней? Разве Уорнер не был всегда доступен? Разве он не давал лекарства всем, кто просил, независимо от того, чем болел? Разве некоторые из тех, кому он давал лекарства, не выздоравливали? Разве он никогда не просил ни у кого платы?

Вот это врач!

Туземцы заявляли и продолжают заявлять, что в их стране никогда не было, нет и не будет такого великого врача, как он.

Если Уорнер и не обладал медицинскими знаниями, то у него был "товар". Товар состоял из разношерстной коллекции ненужных лекарств, пластырей и таблеток, слегка залежавшихся, упакованных в старый ящик из-под виски и подаренных ему знакомым больничным санитаром.

Уорнер наблюдал за упаковкой и задавал вопросы.

"Йод, для чего это?"

"О, от боли в горле, от воды по колено, для прекращения рвоты, для приготовления гамбоя, от обморожения и множества других вещей. Ее делают из морских водорослей".

"Вы его пьете?"

"Не в каждом случае, во всяком случае, не при колене горничной или боли в горле. Вы рисуете его в горле или на колене. Вот, мы лучше положим вам верблюжью щетку для волос".

"Хорошо. А для чего нужна поташная селитра?"

"Ну, если у вас воспалился глаз, положите пару капель в эту глазницу, залейте водой и моргайте в нее - вот так".

"Спасибо. А от чего вы используете хлородин?"

"От сильных болей в желудке".

"Понятно. А хинин, конечно, помогает при лихорадке".

"Да, именно так. Насыпьте порошок на шесть пенсов, смешайте его с небольшим количеством виски, добавьте немного воды и выкиньте".

"А коррозионный сублимат?"

"О, это хорошая штука для промывания ран, просто замечательная. Только не делайте его слишком крепким, а то сожжете дно кастрюли, в которой будете его смешивать, не говоря уже о раненой части. Примерно один к десяти тысячам получается полезный раствор, если вода, которую вы используете, не слишком грязная".

"Я понимаю. А что находится в этой забавной маленькой коробочке с надписью "Суверенное средство"?"

"Все! Эта коробочка принадлежит к моему набору фокусов. Ума не приложу, как она оказалась в этом наборе. Но вы можете взять ее с собой; возможно, вам захочется удивить туземцев, а с этим вы точно справитесь".

"Как им пользоваться?"

"Все написано на коробке, все инструкции".

"А что во всех этих коробках с таблетками? Таблетки?"

"Да, таблетки".

"Но для чего они все?"

"Благословите человека! У меня нет времени перебирать их. Кроме того, вы должны знать в общих чертах, для чего нужны таблетки. На всех коробках указана дозировка. А теперь давайте пошевеливайтесь. Помогите с упаковкой. Я дежурю через полчаса".

И теперь мы знаем о врачевании столько же, сколько знал Уорнер на пороге своей короткой медицинской карьеры. Даже настоящему врачу приходится многому учиться, прежде чем он попадает на Харли-стрит; по дороге он набирает множество морщин, и с практикой многое улучшается.

Суверенное средство.

Уорнер прошел много миль от цивилизации, прежде чем к нему пришел первый пациент. Драгоценная коробочка с лекарствами все это время находилась под рукой в повозке. Время от времени он доставал его, распаковывал, изучал этикетки, встряхивал флаконы и тщательно перекладывал их. Но, как настоящий врач, он не стал афишировать. Это не было сделано.

В конце концов каким-то образом стало известно, что у него есть коробочка с лекарствами. Как именно, не так уж и важно. Факт остается фактом: однажды утром к повозке подошел туземец с полоской коры, туго обвязанной вокруг лба, другой - вокруг груди, третьей - вокруг живота.

Уорнер, поняв, в чем дело, спросил туземца, в чем дело.

Мальчик ответил: "У меня очень болит здесь, здесь и здесь", - последовательно касаясь полос коры.

Уорнер, довольный тем, что у него наконец-то появился пациент, достал из повозки коробку с лекарствами, открыл ее, достал одну за другой бутылочки и изучил этикетки с видом знатока.

"Йод? Нет, это для колена горничной, десен и тому подобного. Коррозийный сублимат? Для ран. Нитрат поташа? Нет, для глаз. А почему не таблетка? Да, таблетка".

Но там были коробки и коробки с таблетками. Он поднимал одну за другой, но наткнулся на проверку. На этикетке каждой коробки было написано название таблетки, а затем слова: "От одной до трех по указанию врача". В некоторых случаях: "От двух до шести". Ничего не говорилось о том, при каких жалобах можно использовать таблетки.

Просто немного сложно. В конце концов, врачевание оказалось не такой уж легкой работой.

"Что это?"

На маленькой коробочке красовалась аляповатая этикетка:

"Суверенное средство. Уловка № 10.

Никогда не подводило. Удивительный эффект.

Указания:- Возьмите суверен. Попросите кредитора присесть. Спросите его, как он себя чувствует. Скажите ему, что он выглядит не в своей тарелке. Предложите головную боль. Скажите, что вы сделаете его ярче, что вы заставите его голову приятно светиться и т. д. Возьмите государя в левую руку. Высыпьте содержимое коробочки в правую. Хорошо вотрите порошок в голову джентльмена, и она станет золотистой (металлической). Далее действуйте, как в фокусе № 6.

Указания казались достаточно ясными.

"Сядьте, - сказал Уорнер.

Туземец повиновался, сел на корточки и расстелил на коленях набедренную повязку, как фартук.

"Я собираюсь снять ваши боли".

"Благодарю вас, сэр".

Уорнеру вдруг пришло в голову, что если у туземца и есть шиллинг, то суверена у него точно нет, и он достал его из собственного кармана, жалея, что не подумал об этом раньше.

"Видите это?" - спросил Уорнер, протягивая монету.

"Да, сэр, много денег".

Уорнер не знал, как подбрасывать монету. Он, конечно, видел, как это делается, но никогда еще не пытался провести ладонью или сделать что-то еще в духе фокусов. Чтобы уберечься от возможной случайности, он повернулся к мальчику спиной и с большой осторожностью открыл коробку.

Она была полна какого-то ярко-желтого металлического порошка. Он еще раз перечитал инструкцию и задумался, что же это может быть за фокус № 6. Он пожалел, что не рискнул выпить таблетку.

Однако у него не хватало смелости вернуться назад. Туземец мог заподозрить его в невежестве, если бы он выбрал другую коробку. Обмануть бедного доверчивого чернокожего было, пожалуй, не по правилам игры, но Уорнер утешил себя мыслью, что даже о настоящих врачах говорят, что в случае сомнений они иногда дают своим пациентам хлебные пилюли.

Поэтому, высыпав содержимое коробочки в правую руку, он снова повернулся и принялся втирать золотой порошок в шерстяную голову туземца. Государь держал его в левой руке.

Чем больше он втирал, тем ярче становилась голова его пациента. Она сверкала.

Этот трюк понравился Уорнеру, который вскоре забыл о своих опасениях; он забыл и о государе, и стал втирать порошок обеими руками.

Монета упала на колени пациента. Уорнер был занят и не сразу заметил происшествие, но туземец успел. Он подобрал деньги и тихонько сунул их в мешочек из сыромятной кожи, прикрепленный к поясу.

Наконец Уорнер отступил назад и осмотрел свою работу. Голова мальчика блестела, как латунный набалдашник. Он взглянул на свои руки. Они выглядели так, словно их позолотили. Обе руки! Куда, черт возьми, подевался этот государь?

Он посмотрел на землю. Он ощупал все карманы. Он посмотрел на мальчика, который ничего не сказал. Поэтому он отпустил пациента, не упомянув о своей потере.

Отмывая с рук жирное золотое вещество, Уорнер заметил, что с того места, где его туземцы устроили свой полуденный привал, доносится возбужденный гул. Фокус № 10, очевидно, удался. Санитар был прав: он удивил туземцев.

В ту ночь все его парни и еще несколько туземцев пришли к Уорнеру с жалобами на боли. У каждого была полоска коры, туго обвязанная вокруг лба, вторая - вокруг груди, третья - вокруг живота. Они задерживались, словно недовольные, когда он давал каждому по таблетке - одну или несколько, как предписано врачом, взятых наугад из множества маленьких коробочек с таблетками.

Йод.

Уорнер сидел под деревом на южном берегу Замбези и наблюдал, как местные туземцы переправляют через реку его повозку. Он размышлял, сколько времени при нынешнем темпе продвижения потребуется, чтобы перевезти все его вещи. Два дня, три, а может, и больше.

"Сэр, примите мои поздравления по поводу безупречности климатологии".

Ошеломленный Уорнер оглянулся и увидел чернокожего человека, очень плотного и невысокого роста, в европейской одежде и с обильным потоотделением. В руках он держал большие ботинки на резинке, а через руку перекинул черное пальто из альпаки.

Когда Уорнер повернулся к нему, это странное существо вежливо приподняло свой до смешного маленький солнцезащитный шлем. Нельзя сказать, что он поклонился белому человеку, но скобы, которые он носил поверх жилета, слегка провисли спереди и стали упругими сзади, а складка, обозначавшая самый высокий контур его живота, немного углубилась. Уорнер тупо смотрел на него. Он мысленно отметил большие золотые очки на толстом плоском носу; воротничок, когда-то белый и накрахмаленный, а теперь затертый и свалявшийся; тяжелую латунную цепочку для часов, протянутую через обширное

пространство между карманами; сильно помятые брюки в клетку и грязные белые носки; большой зеленый зонтик, который, прикрывая спину, обрамлял лицо и фигуру.

Уорнер забыл о нелепой речи этого человека за его еще более нелепой внешностью.

"Как я уже осмелился заметить, сэр, несмотря на то, что дневное светило улыбается с небосклона, темпераментная холодность не так уж невыносима".

"Да, - неопределенно ответил Уорнер, - но кто вы такой?"

"Сэр, если позволите выражение, я могу сказать, что я своего рода странствующий беженец, прибывший с Ямайки с миссией нести идеи цивилизации невыразимо непонятливым аборигенам этого благодатного экваториального региона, которые, несомненно, погрязли в хаотической сложности безрелигиозного язычества и беспредельного хамства".

Уорнер с изумлением смотрел на говорившего, чувствуя себя усталым, каким-то запыхавшимся.

Чернокожий с явным удовольствием наблюдал за тем, какой эффект произвели его речи.

Он говорил бегло, непрерывно, без пауз и усилий. Без экспрессии и переходов длинный непрерывный поток избранных слов срывался с его языка.

Он прочистил горло, собираясь заговорить снова, но Уорнер поспешно вмешался.

"Как вас зовут?"

"Джозеф Джонсон, сэр".

"Вы, очевидно, человек образованный".

"Сэр, если я позволю себе высказать мнение о личности вашей чести, то рискну предположить, что ваше превосходительство - джентльмен любезный, но пронизательный, ибо я получил образование у преподобного Вестингауза Уилберфорса из Кингстона на Ямайке, увы, ныне покойного, о котором, как сказано у классика, *de mort nil ni bum*, я повторяю, сэр, *de mort nil ni bum*".

Уорнер резко отвернулся, достал носовой платок и плотно прижал его к носу.

Джозеф Джонсон, приняв за эмоции странные звуки, которые Уорнеру не совсем удавалось заглушить носовым платком, сочувственно фыркал и моргал своими маленькими глазками, бормоча "де-мор-тил-ни-бум".

Когда Уорнер вновь обрел самообладание, он спросил чернокожего, чего тот хочет.

"Сэр, мне достоверно известно, что вы являетесь выдающимся представителем профессии, которая вызывает мое скромное, но безоговорочное восхищение и уважение, ибо что может быть благороднее бескорыстного облегчения другим недугов, которым подвержена эта наша слабая плоть, нужно ли говорить о профессии врача?"

"И что же?"

"Я страдаю, ваша честь, от небольшого, но болезненного расстройства голосовых связок, которое мешает мне бегло произносить слова и настолько нарушает мой умственный процесс, что отвлекает от силы моих диспутов и диссертаций".

"Вы имеете в виду, что у вас болит горло?"

"Сэр, вы поняли, о чем я".

"Вам нужно какое-нибудь лекарство?"

"Сэр, если я могу посягнуть на ваше великодушие....".

Уорнер поспешно поднялся и направился к своим вещам, сваленным на берегу в ожидании транспорта, оставив Джонсона бурчать дальше и дальше.

Вот и еще один пациент. Он должен быть осторожен. Этот человек может что-то знать и усомниться в его лечении. Это было бы очень неловко.

"Коррозионный сублимат? Раны, сказал санитар и предупредил, чтобы он не поджег дно кастрюли, используемой для смешивания. Лучше просмотреть все остальное, прежде чем принимать решение.

"Таблетки? Могут принести неприятному парню некоторую общую пользу.

"Йод? Да, это то, что ему нужно. Йод от колена или боли в горле у горничной. Ну, человек сказал, что у него болит горло, и он должен знать, так что йод пусть будет. Где щетка?"

Уорнер открыл бутылку. Пробка была немного мягкой и склонной к разрушению. Он обмакнул кончик большой кисти из верблюжьей шерсти в темно-коричневую жидкость и подозвал к себе Джозефа Джонсона.

"Я собираюсь покрасить ваше горло. Оно также нуждается в тщательном отдыхе, так что вы не должны говорить больше, чем это абсолютно необходимо".

"Спасибо, сэр".

"Теперь открывайте".

Рот чернокожего человека был огромен. Уорнер никогда не видел такой пещеры, как, впрочем, и такого идеального, крепкого и чистого набора зубов. Он провел маленькими мазками то тут, то там, то с одной, то с другой стороны, а затем убрал щетку.

"На сегодня достаточно. Приходите на закате, и помните, не разговаривайте".

Это наставление он повторил для самозащиты. Он скорее боялся словесного ручейка этого человека.

Пациент слегка наклонился вперед, надел солнцезащитный шлем и пошел прочь, глаза его слегка слезились.

Мужчина был очень послушен. Вскоре на закате он снова появился. Он приветливо улыбнулся Уорнеру, но не стал произносить длинную речь.

Уорнер посмотрел на горло и заметил, что, по его мнению, оно стало лучше, что одно или два нанесения краски исправят ситуацию. Затем он стал рисовать, как прежде.

На этот раз Джонсон закашлялся, и крупные слезы медленно покатились по его щекам.

Тут Уорнеру пришло в голову, что ему самому, когда он был ребенком, не раз красили горло. Он вспомнил, что операция была не из приятных. Он сильно кашлял, и глаза у него сильно слезились. Очевидно, он перестарался. Неважно, завтра он все исправит.

Уорнер был приятно удивлен, когда утром местные туземцы пришли сообщить ему, что они вот-вот переправятся через реку с последними товарами, после чего заберут его, если он будет готов идти. Он ожидал, что работа займет еще как минимум день.

Он оставил себе пузырек с йодом и щетку из верблюжьей шерсти и сел на походный табурет, чтобы дожидаться Джонсона.

Примерно через четверть часа пришел пациент.

"Как вы себя чувствуете сегодня утром?"

"Намного лучше, благодарю вас, сэр".

"Давайте посмотрим. Капитально, капитально. Не двигайтесь, я только потрогаю".

Уорнер, помня о своем ночном решении, глубоко погрузил кисточку в бутылку и вынул ее полностью заряженной и капающей.

Он начал мазать горло то тут, то там, как и раньше. Из рта Джозефа Джонсона раздался булькающий звук. Уорнер понял, что это предупреждение. Он знал, что его время явно ограничено. Он чувствовал, что если не поторопится, то большая часть огромной пещеры останется неокрашенной. Быстрым движением, словно помешивая кашу, чтобы она не пригорела, он закончил работу и отступил назад.

Джозеф Джонсон, казалось, взорвался. Слезы пробивались сквозь плотно закрытые веки. Из нарисованного горла вырвался рев. Состояние пациента весьма встревожило доктора. Конечно, этот глупец не собирался умирать?

Оглядевшись вокруг в поисках вдохновения, Уорнер увидел, что туземное каноэ вернулось, чтобы переправить его через реку. Он не стал убегать, а, быстро откупорив бутылку с йодом, бодро зашагал к берегу, сел в каноэ и велел команде переправляться на другой берег.

Выйдя на берег, он вздохнул с облегчением. Он оглянулся, но не увидел никаких следов Джозефа Джонсона.

Несколько недель спустя его совесть успокоилась, когда он получил следующее письмо:

"Булавайо,

"21/4/19.

"Почтенный сэр,

"У меня не было возможности указать Вашему Превосходительству на огромные возможности профилактического средства, примененного с таким мастерством и добросовестной техникой к моему неказистому глиняному жилищу. В течение целых трех недель предписанная тишина послушно соблюдалась без труда и мятежных чувств. После чего, поднявшись из уныния, я обнаружил, что мое многословие вернулось в четыре раза, а языковое чутье и дискурсивная разговорчивость заметно возросли. Тогда я почувствовал, что моя миссия обращена не к непросвещенным невеждам этого района, а к энциклопедическим всезнайкам юга. Поэтому я вернулся в Булавайо. Теперь здесь....".

Поскольку таких страниц было четыре, написанных аккуратно, Уорнер перешел к последней, которая заканчивалась так

"Сэр, имею честь быть

благодарнейшим, смиреннейшим, покорнейшим и незабвенным слугой Вашего
достопочтенного превосходительства",

"Джозеф Джонсон".

Коррозийный сублимат.

Однажды поздно вечером несколько туземцев принесли в лагерь Уорнера старика, завернутого в одеяло, и положили его на землю перед палаткой. Уорнер вышел.

"Что это?" - спросил он.

"Мертвец, убитый леопардом".

"Почему ты привел ко мне мертвеца?"

"Он сказал, что хочет прийти, и сказал, что проклянет нас, если мы его не приведем. Мы не хотели беспокоить доктора покойником, но "проклятие мертвеца" - страшная вещь".

Уорнер наклонился и заглянул под одеяло. Мужчина не был мертв, он открыл глаза.

Хотя он был далеко не мертв, туземец был очень сильно изранен и потерял большое количество крови. Хотя Уорнер и был тиро, его состояние было тяжелым. Вернувшись в палатку, он налил полстакана чистого виски и, приподняв голову мужчины, заставил его осушить стакан. Эффект на пациента подействовал мгновенно: он сел и начал быстро говорить, описывая происшествие.

"Мы охотились - эти собаки, те, другие, и я. Мы наткнулись на леопарда в траве. Один, которого здесь нет, проткнул ее ассегаем. Она укусила его за руку, и он убежал. Другой, которого здесь тоже нет, ударил барса своим топором. Она прыгнула на него и укусила в шею. Он убежал, крича, что она его убила.

"Третий, который не вернулся с нами, сломал ей спину дубиной, но она зубами разорвала ему бедро. Тогда я подошел к ней и проткнул ей живот своим ассегаем. Но она укусила меня за руку и плечо и вцепилась когтями в спину. Она также сломала зубами мой ассегай, так что он стал бесполезен.

"Тогда, не имея ничего, чем можно было бы убить ее, я держал ее за уши двумя руками, призывая рабов прийти и добить ее, ибо по ее лицу я видел, что она умирает. Но они испугались и убежали, как женщины. А леопард покачала головой, и мои руки соскользнули из-за крови, которая текла по руке от плеча. И когда мои руки сошлись, она взяла их в пасть и раздавила обе. Потом она умерла".

Руки мужчины были распухшими и бесформенными. На плече у него была большая рана и глубокий прокол, а спина была сильно иссечена.

Поглядев некоторое время на своего спутника, туземцы, приведшие его, тихонько ушли, несомненно, поспешив уйти из-за того, что он упомянул о той печальной роли, которую они сыграли в этом деле.

Уорнер был очень доволен. Он рассматривал появление этого раненого как удар судьбы. Наконец-то дело было раскрыто, все чисто и без сучка и задоринки. И он точно знал, что

делать. Едкий сублимат, один к десяти тысячам, смыть кровь, очистить раны, устроить человека поудобнее.

Он крикнул своих кухонных мальчиков и приказал принести теплой воды в большом количестве. Он не видел, как они ушли, и позвал товарищей раненого, чтобы они соорудили для него навес из травы и веток. Когда он понял, что они ушли, то принялся за работу сам.

Несколько недель Уорнер трудился над этими ранами. Состояние человека медленно улучшалось. Когда ему стало лучше, он заговорил о плате. Уорнер сказал ему, чтобы он не беспокоился об этом, но тот упорствовал.

"Разве вы не вернули мне жизнь?"

"А что с того?"

"Разве те, другие, не мертвы?"

Это было правдой. Все остальные раненые, которые отправились к себе домой, умерли от заражения крови, и репутация Уорнера от этого только выросла.

Но какие бы доводы и уговоры ни приводились, Уорнер не желал слышать о плате ни в каком виде.

Он был упрям.

"Если я получаю подарок от человека, не должен ли я дать его взамен? Разве я должен быть опозорен? Разве не принято, что подарок должен быть принят подарком? И подарки должны быть равными. Что же мне подарить Великому Доктору? Что у меня, очень бедного человека, есть ценного, равного жизни, которую доктор вернул мне? У меня нет ни скота, ни овец. У меня есть несколько коз, очень немного, и несколько шкур диких кошек. Но что это такое для жизни?"

Дважды в день Уорнер омывал и перевязывал раны этого человека. Каждый раз человек говорил о подарке за подарок. Казалось, он чувствовал, что на карту поставлена его честь.

В конце концов настал день, когда Уорнер решил, что может спокойно отправить своего пациента. Последние слова благодарности и мольбы мужчины о том, чтобы ему разрешили сделать хоть какую-то оплату, привели Уорнера в замешательство. Он решительно отказался принять даже самый незначительный пустяк в обмен на все свое время и хлопоты. Он не хотел, чтобы его лишили чувства, что он действительно сделал добро ради добра.

Разумеется, он ничего не мог объяснить старому туземцу.

Тот был сильно обеспокоен. В конце концов он ушел, сказав, что на следующий день принесет подарок, который, как он теперь знает, хотел получить доктор. Уорнер повторил, что ничего не хочет и ничего не возьмет.

На следующее утро, когда Уорнер встал и вышел из палатки, он обнаружил, что старик ждет его. Он был не один. Рядом с ним сидела маленькая девочка, дочь старика.

Уорнер вспомнил, что уже несколько раз видел ее во время долгой болезни отца. Время от времени она приходила вместе с матерью, чтобы узнать, как старик, и принести ему какое-нибудь ужасно выглядящее туземное лакомство.

"Вот она, - сказал покойный пациент. "Вот мой ребенок. Она моя единственная. Вы просите ее, и я отдаю ее вам. Жизнь за жизнь, и это справедливо".

Уорнер возмущенно возразил, что не просил девочку, что она ему не нужна, как и все остальное.

"Видишь, она сильная, - продолжал старик. "Она способна носить воду, молотить зерно. Она стоит трех коров, пяти коз и десяти мотыг".

Уорнер очень рассердился.

Старик был недоверчив и расстроен. Он почему-то решил, что Уорнер и впрямь хочет заполучить его дочь, его простую, толстую маленькую дочку и ничего больше, но, как и подобает туземцу, не сказал об этом.

В конце концов Уорнер в целях самозащиты согласился на шкуру грязной, дурно пахнущей кошки.

Хлородин.

Через день или два после того, как Уорнер стал невольным обладателем этой шкуры, которую, кстати, он тут же закопал, как только отвернулся ее даритель, он отправился в трехдневный путь от своего лагеря, чтобы навестить белого торговца, с которым время от времени вел какие-то дела. Он отправился пешком, сопровождаемый лишь несколькими туземцами, один из которых нес коробку с лекарствами.

Когда он отдыхал от полуденного зноя, к нему подошел староста соседней деревни с многочисленными знаками почтения.

"Доброго дня вам, Великий Доктор".

"И вам доброго дня", - ответил Уорнер.

"Вы действительно Великий Доктор?"

Уорнер набрался смелости и сказал, что да.

"Не поможет ли мне Великий Доктор с лекарствами? Моя жена, которая очень стара, страдает от сильной болезни. Ее руки теперь не толще палки. Боль сопровождает ее постоянно. Она никогда не спит. Весь день и всю ночь она лежит и стонет. Она больше не кричит. Неужели Великий Доктор не избавит ее от этой болезни? Я рассказал ей о вас".

Уорнер резко поднялся. Он почувствовал, как в горле встает комок. Ему хотелось бы быть врачом, а не просто владельцем коробки с лекарствами, не знающим, как их использовать.

"Где ваша жена?" - спросил он хриловато.

"Великий доктор придет!" - воскликнул обрадованный туземец, направляясь в сторону своей деревни.

Уорнер почти ничего не смог различить, когда оказался внутри хижины старосты. Из-за бликов, падающих снаружи, было плохо видно. Туземец указал на фигуру, прислоненную к столбу, поддерживающему крышу хижины.

Уорнер присмотрелся; внезапно он увидел все, что нужно было увидеть, и задохнулся, когда до его ушей донесся слабый стон боли. С закрытыми глазами лежала худая старуха,

настолько худая, что Уорнер удивился, как она могла быть живой. Ее руки и ноги, если уж на то пошло, действительно, как и говорил староста, были тонкими, как палки. Даже в тусклом свете отчетливо виднелись ее впалые ребра. На черепе не было ни волос, ни плоти, только морщинистая тускло-коричневая кожа, плотно прилегающая к костям. Ее шея была не толще запястья. Живот был огромным.

Уорнер с ужасом смотрел на это бедное, истощенное существо.

Она снова застонала.

Ее муж сказал: "Видишь, женщина, вот Великий Врач, о котором говорят все люди. Он отвлекся от своего путешествия, чтобы вылечить тебя с помощью лекарств. Разве он не делает всех людей здоровыми? Разве не говорят об этом люди? Скоро вы поправитесь и снова будете смеяться. Скоро ты будешь сидеть на солнце или ходить в поле. Слышишь, женщина? Великий доктор пришел".

Уорнер выругался под нос. Такого он не ожидал, когда легкомысленно принял от больничного санитаря коробку с лекарствами, в которую был вложен фокус. Мысль об этом фокусе была тошнотворной в присутствии этой боли.

С тех пор как он вошел в хижину, женщина не делала ни единого движения, лишь быстро вздымала костлявую грудь, затрудняя дыхание. Однако теперь Уорнер увидел, как дрогнули опущенные веки. Его охватил страх, что бедное существо может посмотреть вверх. Он не мог этого вынести. Он не мог встретиться с ней взглядом. Он поспешил прочь, сказав, что принесет лекарство.

Дойдя до своего пристанища, он открыл ящик. На самом верху лежал флакон с хлородином. Он повторял про себя: "Хлородин, хорошо помогает при болях в желудке! Хлородин, хорошо помогает при болях в желудке!"

Уорнер вернулся к хижине, но не стал заходить внутрь. Он вложил бутылку в руку старика, повторяя, как попугай: "Хорошо от желудочных болей, дайте ей воды с этим".

Затем он снова вернулся к своему привалу, позвал своих ребят собираться и следовать за ним, желая лишь отдалить себя от всей этой боли и страданий.

Десять дней спустя Уорнер снова проезжал мимо этой деревни на обратном пути. Он мог бы пойти другим путем, но сильное желание расспросить о женщине влекло его в деревню. Он должен знать об этой женщине. Он случайно спросил у торговца, с которым вел дела, сколько хлородина обычно принимают за один прием. Ответил: "О, около пятнадцати капель или от десяти до двадцати, в зависимости от вашего размера", едва не заставил его сердце остановиться. А ведь он, Великий Доктор, дал старому туземцу целую бутылку этого средства! Правда, он не сказал ему, сколько нужно принимать, но Уорнера эта мысль утешала мало.

Когда он и его носильщики приблизились к деревне, он услышал большую суматоху: мужчины кричали друг другу, а женщины издавали пронзительный квакающий звук, знакомый всем путешественникам по Африке. Ему показалось, что он различил слово "доктор". Теперь он был уверен в этом. "Великий доктор идет. Тот, кто спасет людей! Белый человек с лекарствами! Доктор! Доктор!"

Туземцы пробивались из кустарника со всех сторон. Они окружили маленький отряд. Носильщиков быстро освободили от груза. Нельзя было ошибиться в характере демонстрации: это была демонстрация доброй воли, а не ненависти.

Старый староста, ковыляя, громко восхвалял Уорнера.

Что все это могло значить?

В конце концов Уорнер задал вопрос: "Как поживает ваша жена?"

"О, она умерла", - ответил старик. "Она умерла с улыбкой на лице. Я дал ей полчашки вашего лекарства, залитого водой. Она долго молчала. Потом она сказала: "Теперь у меня ничего не болит". И затем: "Дайте мне еще". Она улыбнулась, когда я дал ей еще одну чашку вашего доброго лекарства. А потом она уснула. И я знал, что у нее ничего не болит, потому что она улыбалась. И когда она спала, она умерла. И когда мы ее хоронили, на ее лице была улыбка. Вы - великий доктор, и лекарства ваши очень хороши. Людям повезло, что вы здесь. Может ли улыбаться человек, которому больно? Разве улыбка не означает удовольствие? Ах, но это хорошее лекарство".

"Верните мне бутылку", - сказал Уорнер, и его голос прозвучал странно слабо.

"Да, Великий Доктор, это действительно ценное лекарство".

Нитрат поташа.

Воспоминания о той старухе преследовали Уорнера. Он постоянно спорил с самим собой. Да, он точно убил ее. В этом не было никаких сомнений. С другой стороны, она бы умерла в любом случае. Если бы он не появился на месте преступления, она могла бы протянуть еще несколько томительных недель, так и не избавившись от боли. И все же, если бы он специально ввел ей дозу, чтобы избавить от боли, это, несомненно, было бы убийством. В лучшем случае это была преступная ошибка. Но тогда он хотел как лучше. Так же, как и другие дураки. Здравый смысл подсказывал ему, что у него нет причин для беспокойства, не о чем сожалеть, что это всего лишь счастливая случайность. Совесть же смотрела на это дело серьезно и сурово.

Уорнер все еще был занят этой душевной борьбой, когда к его палатке бодро подошел незнакомец, белый человек.

"Есть кто-нибудь дома?"

"Да, входите".

"У вас есть нитрат поташа, доктор?"

Уорнер настолько привык к слову "доктор", что не сразу заметил значение этого слова, произнесенного белым человеком. Поэтому он просто ответил: "Да, думаю, да. Зачем вам это нужно?"

"Я тоже врач".

"Врач?"

"Да, медицинский миссионер, ваш новый сосед с другой стороны холма".

"Присядьте на минутку, я принесу вещи".

Уорнер подошел к своему ящику и, открыв его, осмотрел жалкие запасы просроченных лекарств. Вот и настоящий доктор! Спасибо Провидению за это! Он проанализировал свои многочисленные случаи, лишь некоторые из которых приведены здесь. Он знал, что сделал все, что мог, но винил себя за то, что когда-либо подражал доктору.

"Вам что-нибудь нужно, кроме нитрата поташа?"

"Нет, спасибо. У меня есть все остальное, что может понадобиться".

Уорнер принес бутылку. "Вот, пожалуйста".

"Спасибо. Мне нужно совсем немного".

"Возьми много".

"Но рано или поздно ты захочешь."

"Нет."

"Конечно, захочешь".

"Нет".

"Тогда у вас есть еще?"

"Нет".

"Тогда, конечно, вы захотите".

"Нет, я не врач и не знаю, как это использовать. Я вообще не знаю, что такое наркотики. Я, наверное, убил десятки людей, пытаюсь помочь. Я так рад, что вы приехали сюда жить".

Когда Уорнер отправил желающих получить медицинскую помощь на сайт своего нового друга по ту сторону холма, они, конечно, пошли, но не слишком охотно. Новичок принес много пользы, но заслуга в этом принадлежала Уорнеру. Туземцы неизменно советовались с Уорнером, прежде чем идти к миссионеру, и возвращались, чтобы поблагодарить его после того, как их вылечили. Они упорно верили, что врач-миссионер - это их доктор.

Об Уорнере до сих пор говорят как о "докторе"; всех остальных, кто пришел позже, называют "медиками".

КОНЕЦ.

Отпечатано в "Филд Пресс Лтд.", Виндзор Хаус, Бримс Билдингс, Е.С.4

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[A] "Морена" означает "вождь".

[B] Сленговый термин для обозначения бязи.